

9
С.885

И. А. СТУЧЕВСКИЙ

**ХРАМОВАЯ ФОРМА
ЦАРСКОГО ХОЗЯЙСТВА
ДРЕВНЕГО ЕГИПТА**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

И. А. СТУЧЕВСКИЙ

ХРАМОВАЯ ФОРМА
ЦАРСКОГО ХОЗЯЙСТВА
ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1962

Ответственный редактор
академик В. В. СТРУВЕ

ВВЕДЕНИЕ

Многочисленные источники, сохранившиеся от различных периодов истории Древнего Египта, показывают, какую огромную роль в древности в долине Нила играли храмы. В связи с этим большое значение приобретает вопрос о характере взаимоотношений между храмовыми хозяйствами и царской властью.

Уже давно положение о тесной связи храмовых хозяйств с фараоновской администрацией стало само собой разумеющейся истиной. Подчинение храмовых владений царю, царскому чиновничеству в определенные периоды истории Древнего Египта ни у кого не вызывает сомнений. Однако при всей очевидности данного обстоятельства сущность его нуждается еще в выяснении.

В египтологической литературе, особенно в зарубежной, взаимоотношения между царской властью и храмами нередко представлены в виде явной или скрытой борьбы двух антагонистических начал — светского и духовного, лишь временно сдерживаемых властью могущественных фараонов. В соответствии с этим сложилось мнение, что усиление жрецов и храмов в экономическом отношении всегда таило в себе угрозу светской власти. Как писал еще Г. Масперо, в эпоху Нового царства главный фиванский бог «Аммон более, может быть, чем цари египетские, воспользовался результатами блестящих военных действий на севере и юге империи»¹. Следствием такого положения вещей, по словам Эд. Мейера, было то, что, когда «царская власть все бо-

¹ Масперо, *Древняя история народов Востока*, М., 1903, стр. 208.

лее слабела, роль верховного жреца Амона возростала»². — Аналогичного мнения придерживался и Дж. Т. Брэстед, который, отмечая, что храмы, по данным большого папируса Гарриса, обладали огромной собственностью, подчеркивал, что «она представляла угрозу для экономического равновесия государства... Вследствие этого его (Рамзеса III. — И. С.) сокровищница, доходы которой постепенно падали, должна была ощущать тяготевшее на ней бремя пожертвований»³.

По словам Б. А. Тураева, «получив после изгнания гиксосов снова всю землю в свои руки... они (египетские цари эпохи Нового царства. — И. С.) стали нерассудительно раздаривать ее храмам»⁴.

Можно привести множество подобных высказываний видных историков, противопоставляющих царские и храмовые хозяйственные интересы и объясняющих упадок царской власти в Египте в конце эпохи Нового царства чрезмерной щедростью правителей Египта по отношению к храмам. Последнее утверждение чаще всего аргументируется данными большого папируса Гарриса.

Очень распространено мнение о том, что в конце эпохи Нового царства фиванские храмы играли роль «государства в государстве»⁵. Такой вывод является традиционным и покоится на представлении о росте могущества и постепенной эмансипации храмов и жречества в конце эпохи Нового царства.

Общепризнано главенство египетских царей, как земных богов, над всеми храмами и культами долины Нила. Однако такое главенство понимается лишь как теоретическая привилегия фараона, не ликвидирующая обособленность и самостоятельность храмов в эконо-

² Ed. Meyer, *Geschichte des Altertums*, Bd II, T. I, Stuttgart, Berlin, 1928, S. 605.

³ Дж. Т. Брэстед, *История Египта с древнейших времен до персидского завоевания*, т. II, М., 1915, стр. 175, 179.

⁴ Б. А. Тураев, *История древнего Востока*, т. I, М.—Л., 1935, стр. 325.

⁵ См. например: G. Maspero, *Histoire ancienne des peuples de l'orient classique*, t. II, Paris, 1897, pt 314; Г. Редер, *Рабы и подданные (семдет) египетских храмов в XII в. до н. э. по статистическим данным большого папируса Гарриса*, — «Ученые записки исторического факультета Московского областного педагогического института», т. II, М., 1940, стр. 128.

мической области. Подобное мнение не опровергают и данные источников о реальном и полном подчинении храмовых хозяйств интересам царского фиска в отдельные исторические периоды. Это подчинение объясняется иногда как следствие далеко зашедшего процесса централизации управления, как результат деятельности сильных фараонов, сумевших на какой-то срок включить храмовые хозяйства в состав своих владений.

Включение храмовых владений в государственное царское хозяйство в отдельные эпохи древнеегипетской истории само по себе не вызывает сомнения. Весь вопрос в том, какой смысл вкладывать в понятие храмовых владений или хозяйств. Представляли они достоинства специфической, «духовной» жреческой группы египетского общества или же их сущность нужно понимать иначе?

В советской египтологической литературе уже давно существует мнение о тесной связи храмов с местным хозяйством, с местной знатью нома. Соглашаясь с таким выводом, мы думаем, что в пределах каждого нома наблюдалось столь тесное переплетение светско-жреческих интересов, что можно говорить о единой светско-жреческой номовой знати, о едином номово-храмовом хозяйстве. Подобные хозяйства с присущими им качествами и входили в состав государственного, царско-храмового хозяйства Египта периода централизации. Иными словами, государственное хозяйство характеризовалось такой же нераздельностью светско-жреческих интересов, как это было свойственно и его частям — номово-храмовым хозяйствам. Один и тот же тип отношений реализовался лишь в разных масштабах, в большом (государственное, царско-храмовое хозяйство) или в малом (номово-храмовое хозяйство).

Было бы ошибкой считать, что, поскольку объединение произошло, никакой внутренней борьбы не наблюдалось и политика фараонов по отношению к жречеству оставалась неизменной. Хорошо известны драматические эпизоды столкновений фараонов Нового царства со жречеством Фив. Однако эта борьба протекала внутри царско-храмового хозяйства при наличии единой светско-жреческой администрации. До тех пор пока сохранялось политическое единство страны,

храмовые владения не обособлялись, но продолжали играть роль ячеек общегосударственной хозяйственной системы.

Все сказанное выше нуждается, конечно, в серьезном обосновании. Это мы и попытаемся сделать в предлагаемой работе. Постараемся проследить изменения структуры государственного, царско-храмового хозяйства на протяжении эпох древнеегипетской истории, выявить изменения в политике фараонов по отношению к жречеству, изменения, обуславливаемые конкретным соотношением борющихся сил — центрального правительства и местной знати, возглавлявшей номово-храмовые хозяйства.

Задуманная нами работа, естественно, может быть осуществлена только на основании анализа источников, сохранившихся от разных периодов египетской истории.

Таким образом, характер самой темы обуславливает широкие хронологические рамки исследования.

Мы не предполагаем придерживаться строго хронологической последовательности при анализе документов. Поскольку документы Древнего царства не дают возможности судить о структуре сложившегося государственного хозяйства, представляется целесообразным сначала (глава первая) подробно изучить соответствующие материалы эпохи Нового царства, позволяющие ответить на интересующий нас вопрос.

Документы, датируемые временем правления фараонов VI династии, использованы во второй главе, так как они иллюстрируют процесс распада царско-храмового хозяйства на составные части — номово-храмовые хозяйственные образования.

В третьей и четвертой главах анализируются соответственно те памятники эпохи Среднего царства и Египта позднего времени, в которых можно найти сведения об организационных особенностях отдельных номово-храмовых хозяйств.

Приступая к исследованию, посвященному царскому, точнее царско-храмовому (государственному) хозяйству Древнего Египта, мы не ставим перед собой задачу изучить все его элементы (виды производств, характер эксплуатации производителей и т. п.), а попытаемся лишь рассмотреть вопрос о месте храмовых владений в системе государственного хозяйства.

Глава I

ЦАРСКО-ХРАМОВОЕ ХОЗЯЙСТВО ЭПОХИ НОВОГО ЦАРСТВА

ХРАМОВОЕ ХОЗЯЙСТВО — ФОРМА ЦАРСКОГО (ГОСУДАРСТВЕННОГО) ХОЗЯЙСТВА

Признание исключительно большой роли храмов в экономической жизни страны является общим положением трудов, в которых упоминаются хозяйства египетских храмов эпохи Нового царства. Особенно подчеркивается обременительность для царской казны дарений в храмы. Справедливость этого тезиса чаще всего обосновывается ссылками на большой папирус Гарриса. Типично в этом отношении высказывание одного из первых интерпретаторов папируса — Брэстеда, видевшего в нем сводку всех храмовых богатств Египта.

По мнению Брэстеда, огромные и разнообразные богатства египетских храмов периода правления фараонов из династии Рамессидов были «угрозой для экономического равновесия государства»¹.

Однако необходимо отметить, что фактические данные большого папируса Гарриса в сущности не дают возможности прийти к такому выводу. Ведь даже по расчетам Брэстеда, опиравшегося на этот памятник, храмам принадлежало только 2% всего населения Египта и не более 15% всей обрабатываемой в стране

¹ Дж. Г. Брэстед, *История Египта с древнейших времен до персидского завоевания*, т. II, М., 1915, стр. 175.

земли². Нельзя не признать справедливость замечания А. Эрмана (если исходить из его понимания рассматриваемого документа), что «храмы были... очень богаты, но не настолько, чтобы представлять какую-либо опасность для государства... Если государство Рамессидов в конце концов оказалось во власти верховных жрецов Амона, то определено это было во всяком случае не только хозяйственным преобладанием храмов, свое воздействие должны были оказать и другие факторы»³. Высказывание Эрмана выглядит вполне обоснованным. Не удивительно, что оно побудило немецкого египтолога Шеделя вновь внимательно проанализировать папирус. В 1936 г. Шедель опубликовал чрезвычайно интересный и ценный труд — «Списки большого папируса Гарриса»⁴. По словам А. Гардинера, это было «как взрыв бомбы в самом центре наших предвзятых мнений»⁵. Исследование Шеделя полностью опровергло, казалось бы, прочно установившееся после работы Брэстеда и Эрмана⁶ понимание папируса Гарриса как общей сводки всех храмовых богатств и сделало безнадежно устаревшими исследования, основанные на концепции Эрмана — Брэстеда.

Излагать содержание работы Шеделя или его аргументацию не входит в нашу задачу. Отметим только, что огромной заслугой Шеделя было смелое вскрытие ошибочности выводов таких авторитетов в египтологии, как Эрман и Брэстед. Он неопровержимо доказал, что в папирусе Гарриса зафиксированы не все владения, не всё имущество египетских жрецов, а лишь новые дарения в храмы, произведенные лично Рамзесом III⁷. По подсчетам Шеделя, дар этого фараона

² Там же.

³ A. Erman, *Zur Erklärung des Papyrus Harris*, — «Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften», philologische-historische Classe, Bd XXI, Berlin, 1903, S. 474. — А. Эрман, как и Брэстед, полагал, что в папирусе Гарриса речь идет о всей храмовой собственности Египта.

⁴ H. D. Schaedel, *Die Listen des grossen Papyrus Harris*, Glückstadt — Hamburg — New York, 1936.

⁵ A. H. Gardiner, *Ramesseid texts relating to the taxation and transport of corn*, — JEA, 1941, vol. 27, p. 72.

⁶ J. H. Breasted, *Ancient records of Egypt*, vol. IV, Chicago 1906, pp. 92—95; A. Erman, *Zur Erklärung...*, Ss. 456—474.

⁷ В недавно издании Хельком большой Карнакской надписи Рамзеса III фараон, вымаливая для себя различные милости от

храмам включал 6% всего населения и около 10% обрабатываемой в Египте в ту эпоху земли⁸.

При таком новом подходе к количественным показателям большого папируса Гарриса, естественно, совсем по-другому приходится решать вопрос о том, насколько опасным для царской власти было наличие храмовых хозяйств. Ведь теперь в папирусе Гарриса нужно видеть уже не общую сводку всех храмовых достояний, а лишь список того, что передал храмам один фараон. Общие владения храмов, совершенно бесспорно, были гораздо более значительными по величине в сравнении с тем, что нашло свое отражение в большом папирусе Гарриса. Казалось бы, основываясь на новой, шеделевской интерпретации папируса, гораздо легче обосновать старый тезис о наличии в эпоху Нового царства серьезной угрозы для царской власти в чрезмерном усилении храмов. Однако это только первое впечатление. В действительности работа Шеделя создала новые затруднения для признания сформулированной выше концепции. Исследование Шеделя позволяет установить, что богатства египетских храмов в эпоху Нового царства были столь велики и разнообразны, что в связи с этим становится непонятным самое существование царской власти при допущении антагонизма экономических интересов фараонов и жречества. Обратимся к источникам.

Прежде всего можно признать справедливость расчетов Шеделя и согласиться с ним в том, что дар Рамзеса III различным храмам включал до 6% населения Египта и около 10% всей земли.

Спрашивается, однако: сколько же было в таком случае людей и земли у храмов? Шедель без достаточной аргументации предлагает для ответа на поставленный вопрос умножить соответствующие выведенные им цифровые процентные показатели на три⁹.

Амона-Ра, подчеркивает, что им лично были совершены многочисленные благодеяния для храмов Фив, Гелиополя, Мемфиса, для всех египетских храмов юга и севера (W. Helck, *Ramessidische Inschriften II. Die Inschrift Ramesses III von Cachette-Hof in Karnak*, — ZAS, Bd 83, Hft 1, 1958, Taf III, Ss. 35, 36, Zz. 12—16).

⁸ H. D. Schaedel, *Die Listen...*, Ss. 57, 67.

⁹ Ibid., Ss. 56, 57, 67 — При этом окажется, что храмам принадлежало в общей сложности около 20% населения и около 30% всей обрабатываемой земли.

Мы думаем, что увеличение должно быть более значительным, так как в большом папирусе Гарриса содержатся сведения не о трети, а о гораздо меньшей части богатств храмов, и притом таких основных, как люди и земля.

Рассмотрим хотя бы данные фиванского раздела папируса Гарриса.

На первом месте в списке храмов фиванской группы — заупокойный храм-святилище Рамзеса III в Мединет Абу — «Святилище царя Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Мериамона ж. н. з. в доме Амона...»¹⁰. Далее упомянуты небольшой храм, построенный Рамзесом III при храме Мут в Фивах — «Дом Усермаатра Мериамона ж. н. з. в доме Амона...»¹¹, небольшой храм, пристроенный Рамзесом III к Карнакскому храмовому комплексу в Фивах — «Дом Рамзеса Хекаиуна ж. н. з. в доме Амона...»¹², небольшой храм, сооруженный Рамзесом III в Луксоре — «Святилище Рамзеса Хекаиуна ж. н. з., соединенного с радостью в доме Амона»¹³, пристройка Рамзеса III к храму Хонса в Фивах — «Дом Рамзеса Хекаиуна ж. н. з. в доме Хонса»¹⁴.

Если обратимся к специальной работе Эб. Отто «Топография фиванской области»¹⁵ и посмотрим на таблицы, в которых графически изображено расположение фиванских заупокойных святилищ и храмов, то увидим, что в папирусе Гарриса речь идет буквально о ничтожной части (значительно меньшей, чем треть) всех фиванских религиозных центров.

Так, в папирусе Гарриса упомянуто только одно заупокойное святилище Рамзеса III в Мединет Абу, но ничего не говорится, например, о святилищах Сети I, Яхмоса I, Аменхотепа I, Тутмоса III, Сиптаха, Аменхотепа II, Рамзеса II (Рамессеум), Тутмоса IV, Мернептаха, Тутмоса II, Тутанхамона, Эйе, Хoremхеба и целого ряда других заупокойных храмов-святилищ

¹⁰ Harris, 10, 3. — Здесь и далее приводится по изд.: W. Erichsen, *Papyrus Harris, I*, Bruxelles, 1933.

¹¹ Ibid., 10, 4.

¹² Ibid., 10, 5.

¹³ Ibid., 10, 6.

¹⁴ Ibid., 10, 13. — См. также: H. D. Schaedel, *Die Listen...*, Ss. 20, 23, 24, 26, 30.

¹⁵ E. Otto, *Topographie des thebanischen gaves*, Leipzig, 1952.

(при перечислении святилищ мы следуем порядку их расположения с севера на юг. — И. С.).

Та же картина наблюдается и при сравнении данных папируса Гарриса в отношении храмов, расположенных на восточной стороне Фив (в районе Карнака и Луксора), с показаниями второй таблицы работы Эб. Отто.

В папирусе Гарриса в фиванском разделе, помимо святилища в Мединет Абу, упомянуты всего четыре храма — небольшие пристройки Рамзеса III к храмам Амона в Карнаке и Луксоре, а также к храмам Мут и Хонса в Фивах. Из этих храмов в работе Эб. Отто названы небольшой храм-пристройка Рамзеса III в Карнаке и храм Рамзеса III при храме Мут¹⁶.

В папирусе Гарриса совершенно не упомянуты в фиванском разделе в качестве получающих конкретные ценности от царя такие храмы района Карнака, несомненно существовавшие уже при Рамзесе III, как храм Рамзеса II, Тутмоса III, Аменхотепа II и ряд других¹⁷. Еще более разительная картина получается при сравнении данных фиванского раздела папируса Гарриса, в котором речь идет лишь об одном заупокойном храме в Мединет Абу и четырех храмах, расположенных в районе Карнака и Луксора, с показаниями папируса Вильбура¹⁸.

Папирус Вильбура был записан при Рамзесе V, т. е. через сравнительно небольшой промежуток времени после того, как был составлен папирус Гарриса. В нем говорится о земельных владениях различных храмов и заупокойных святилищ в районе Фаюма и Среднего Египта. Трудно предположить, учитывая слабость и непродолжительность правления эфемерных преемников Рамзеса III, что за тот небольшой промежуток времени, который отделяет даты составления папирусов Гарриса и Вильбура, в стране могло быть построено столько новых храмов. А между тем в папирусе Вильбура

¹⁶ Ibid., S. 122, Taf. II, № 12, 22.

¹⁷ Ibid., № 3, 915. — О центральном фиванском храме Амона-Ра в Карнаке в большом папирусе Гарриса имеются лишь косвенные упоминания (Harris, 1, 1; 3, 1; 10, 1). — В последнем случае видно, что ценности от фараона получает не Карнакский храм, а связанные с ним святилища и пристройки.

¹⁸ A. H. Gardiner, *The Wilbour Papyrus*, vol. I—IV, Oxford, 1941—1952.

отмечено огромное число различных религиозных центров, связанных с божествами фиванской группы — Амона, Мут, Хонса, о которых ни слова не говорится в папирусе Гарриса в фиванском разделе. Например, в папирусе Вильбура, не говоря уже о больших храмах Амона в Карнаке и Луксоре, упомянуты следующие, не отмечающиеся в папирусе Гарриса в фиванском разделе религиозные центры: «Дом Амона островного в домах бога» (А, 39, 32), «Дом Амона, владыки Шерпет» (А, 65, 1), «Дом Амона (владыки) тронов двух земель в центре Ше» (А, 16, 1), «Дом Амона, основателя земли, который в Ипет» (А, 22, 13; А, 39, 15), «Дом Амона, предсказателя победы, (который) находится в [Са]ка» (А, 62, 30; А, 99, 27), «Дом Амона Чаифского, который в поселении Чаиф» (А, 39, 29; А, 64, 32), «Дом Рамзеса Мериамона (Рамзеса II) ж. н. з. в доме Амона» (А, 44, 3; А, 59, 46), «Дом Хоремхеба в доме Амона» (А, 32, 42; А, 66, 30; А, 76, 34; А, 83, 13; А, 90, 29), «Дом Тио ж. н. з. в доме Амона» (А, 25, 15), «Святылище царя Охепере(н)ра ж. н. з. в доме Амона», (А, 33, 16; А, 54, 25), «Святылище царя Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Сетепенра ж. н. з. в доме Амона» (Рамессеум) (А, 32, 36; А, 53, 45; А, 54, 3; А, 82, 44), «Дом Амона (в) доме Иуну» (В, 23, 18), а также многие другие религиозные центры, связанные с божествами фиванской группы¹⁹.

Следует подчеркнуть, что хотя среди перечисленных выше храмов и заупокойных святылищ встречаются и расположенные за пределами области Фиваиды, тем не менее все они связаны с божествами, центром почитания которых были Фивы, и потому, как нам кажется, их можно сопоставлять с религиозными центрами, отмеченными в фиванском разделе папируса Гарриса. Если даже придерживаться по данному вопросу противоположного мнения, совершенно очевидно, что в Египте имелось много храмов, о которых в папирусе Гарриса ничего не говорится²⁰.

¹⁹ А. Н. Gardiner, *The Wilbour Papyrus*, vol. IV, Oxford, 1952, pp. 55, 57—59, 62, 64.

²⁰ В разделе малых храмов (папирус Гарриса) перечисляются религиозные центры, разбросанные по всему Египту (Harris, 61a. 1—62a, 5), однако храмы Амона упоминаются только три раза (61b, 7; 61b, 9; 61b, 16), а храм Мут — только один раз (62a, 5).

Можно возразить, что существование не упомянутых в папирусе Гарриса храмов и святилищ фараонов еще ничего не доказывает, так как в период составления этого папируса эти храмы и святилища могли быть подчинены в административном и хозяйственном отношении большому заупокойному храму-святилищу Рамзеса III в Мединет Абу. Такое предположение, в частности, было высказано еще Брэстедом в связи с вопросом о том, почему храму в Мединет Абу в папирусе Гарриса отведено первое место по числу принадлежавших ему людей, количеству земли и различного имущества.

Брэстед писал: «Ясно, что Рамзес III сделал свой храм в Мединет Абу административным центром владения Амона и считал как принадлежащую ему собственность Карнакского храма, собственность малого храма в Мединет Абу и бесспорно также (собственность) других (храмов), как, например храма Мут»²¹.

Подобная трактовка Брэстедом странных на первый взгляд диспропорций папируса Гарриса долгое время казалась единственно возможной и потому получила широкое распространение в египтологической литературе, затрагивающей данный вопрос. Такое же объяснение дал Д. Г. Редер в специальной статье «Рабы и подданные (семдет) египетских храмов в XII в. до н. э. по статистическим данным большого папируса Гаррис». «Я думаю, — писал Редер, — что, в связи с подчинением значительной части старых храмов Амона новому главному храму, последний получил и право эксплуатировать людей, принадлежащих этим храмам»²².

Как уже говорилось выше, работа Шеделя настоятельно потребовала внести коррективы в, казалось бы, окончательно устоявшееся мнение о характере всех числовых записей папируса Гарриса. Шеделю удалось, как нам кажется, достаточно убедительно показать, что «не может быть никакого сомнения в том, что рядом с храмом Мединет Абу в то же время большие

²¹ J. H. Breasted, *Ancient records of Egypt*, vol. IV, pp. 108, 109.

²² Д. Г. Редер, *Рабы и подданные (семдет) египетских храмов в XII в. до н. э. по статистическим данным большого папируса Гаррис*, — «Ученые записки исторического факультета Московского областного педагогического института», т. II, М., 1940, стр. 103, 104.

владения и прежде всего самостоятельное управление имел также Карнакский храм»²³.

Однако этот вывод Шедель не распространял на заупокойные храмы-святилища фараонов, расположенные в западной части Фив, за Нилом. В отношении их он соглашался с точкой зрения Брэстеда. Шедель считал, что исключительная величина записей папируса Гарриса о дарениях Рамзеса III заупокойному храму в Мединет Абу была своего рода фикцией, так как «наблюдение за заупокойными храмами предшествовавших фараонов осуществлялось храмом Мединет Абу. Это храмовое владение могло взять себе подданных других заупокойных храмов»²⁴.

Мы думаем, что в данном случае вывод Шеделя непоследователен. Говорить о подчинении в административном и хозяйственном отношении заупокойному святилищу Рамзеса III в Мединет Абу заупокойных храмов, расположенных в западной части Фив, столь же неоправданно, как и допускать подчинение этому святилищу религиозных центров, расположенных в восточной части Фив, в районе Карнака и Луксора.

Материалы папируса Вильбура, как нам кажется, подкрепляют нашу точку зрения по данному вопросу. Так, в отношении справедливого вывода Шеделя о раздельном существовании хозяйств заупокойного храма-святилища Рамзеса III в Мединет Абу и большого Карнакского храма папирус Вильбура содержит совершенно недвусмысленные сведения. В некоторых параграфах папируса самостоятельно зафиксированы владения Карнакского храма и заупокойного храма в Мединет Абу²⁵.

Нельзя не согласиться с Гардинером, что «обнаружить большой храм Карнака, играющий выдающуюся роль самостоятельного, владеющего землей института в столь отдаленном к северу районе, как область, расположенная по соседству с Гераклеополем»²⁶, представляется интересным, так как Брэстед развивал теорию, что в правление Рамзеса III владения и администрация Карнака были слиты с владениями и администра-

²³ H. D. Scheidel, *Die Listen...*, S. 27.

²⁴ Ibid., S. 48.

²⁵ A. H. Gardiner, *The Wilbour Papyrus*, vol. I, Oxford, 1941, p. 11.

²⁶ Напомним, что в папирусе Вильбура речь идет о землях Среднего Египта и Фаюма.

цией собственного храма этого царя в Мединет Абу. Этот вывод, исходя из данных папируса Гарриса, был, правда, поставлен несколько лет назад под сомнение Шеделем, однако доказательство, приведенное в его блестящем исследовании, было недостаточно убедительным, и хорошо, что появилась возможность усилить его новым материалом»²⁷.

Папирус Вильбура содержит, однако, данные, показывающие самостоятельное, независимое от храма в Мединет Абу существование не только Карнакского храма, но и некоторых заупокойных храмов-святилищ. Так, в § 75 зафиксированы владения заупокойного храма Тутмоса II (может быть, Тутмоса I или Аменхотепа II²⁸).

Во многих параграфах отмечены территории, связанные с заупокойным храмом Рамзеса II (Рамессеум) — «Святилищем Усермаатра Сетепенра в доме Амона». О владениях Рамессеума говорится, например, в § 32 — «Травы святилища Усермаатра Сетепенра в доме Амона» (А, 17, 18; А, 18, 26), в § 69 — «Святилище царя Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Сетепенра в доме Амона». «„Долевое“ владение этого дома в области Херду»²⁹ (А, 32, 36; А, 32, 41), в § 106 — «Травы Святилища Усермаатра Сетепенра в доме Амона» (А, 41, 34; А, 42, 30), в § 176 — «Травы Святилища Усермаатра Сетепенра в доме Амона» (А, 66, 24; А, 66, 29), в § 188 — «Пища для белых коз Святилища Усермаатра Сетепенра в доме Амона» (А, 70, 15; А, 70, 53), в § 231 — «Святилище Усермаатра Сетепенра в доме Амона». «„Долевое“ владение этого дома в области Херду» (А, 82, 44; А, 83, 5), в § 243 — «Травы Святилища Усермаатра Сетепенра в доме Амона» (А, 90, 18; А, 90, 23). В папирусе Вильбура в качестве самостоятельных владельческих центров отмечены и заупокойные святилища Рамзеса IV, а также Рамзеса V, сооруженные уже после составления папируса Гарриса³⁰.

²⁷ A. H. Gardiner, *The Wilbour Papyrus*, vol. II, Oxford, 1948, p. 11.

²⁸ В тексте папируса испорчена запись имени фараона.

²⁹ Имеются в виду земли, с которых выплачивается особый, «долевой» налог в пользу святилища Рамзеса II.

³⁰ A. H. Gardiner, *The Wilbour Papyrus*, vol. I, § 58—60.

Гардинер пишет: «Тот факт, что в правление Рамзеса V столь много заупокойных владельческих центров более ранних царей еще существовало в Фивах и имело самостоятельные, свои собственные административные управления, представляется в какой-то степени неожиданным... Папирус Вильбура учит нас, что в правление Рамзеса III не только Рамессеум, но также и другие более ранние храмы были еще живыми, если не процветающими институтами»³¹.

Итак, папирус Вильбура свидетельствует против гипотезы Брэстеда, что заупокойный храм Рамзеса III в Мединет Абу являлся административным и хозяйственным центром, подчинившим себе владения всех заупокойных храмов, расположенных в западной части Фив. Трудно допустить, что за незначительный период времени, который отделял начало правления Рамзеса IV (когда был записан папирус Гарриса) от четвертого года царствования Рамзеса V (когда составлялся папирус Вильбура), могли произойти существенные изменения в характере административно-хозяйственного управления храмами. Имеющиеся документы свидетельствуют не о каком-либо резком сдвиге в этой области, а скорее о полной преемственности, о сохранении традиционных форм административного подчинения. Следовательно, сам принцип подобного подчинения одних заупокойных храмов другими не имел места в административной практике эпохи Рамессидов.

³¹ Ibid., vol. II, pp. 11, 12. А. Г. Гардинер не отказывается от гипотезы, что какую-то часть земельных владений Рамессеума Рамзес III включил в состав владений своего заупокойного храма в Мединет Абу. При этом он основывается на факте перечисления в параграфах, относящихся к Рамессеуму, лишь небольших участков, а также на общем соображении, что если полностью отрицать возможность причисления к храму в Мединет Абу земель других религиозных центров, то останется неизвестным источник, из которого Рамзес III черпал материал для своих дарений.

Мы думаем, что отрицать необходимость перераспределения богатств различных храмов при создании новых религиозных культовых центров не приходится. Гардинер в данном отношении прав, но нам кажется, что сам факт незначительности участков, зафиксированных в параграфах, относящихся к Рамессеуму, еще ни о чем не говорит, ведь в папирусе Вильбура речь идет лишь о районе Фаума и Среднего Египта и можно предположить, что в других частях Нильской долины владения Рамессеума были более значительными.

Что касается заупокойного храма-святилища Рамзеса III в Мединет Абу, то он продолжал занимать существенное место в хозяйственной и религиозной жизни страны и в годы правления Рамзеса V. Об этом свидетельствуют как материалы папируса Вильбура, так и другие данные. По мнению археолога Хольшера, храм в Мединет Абу после смерти Рамзеса III вплоть до правления Рамзеса IX «играл не малую роль в современных событиях». На стенах главного здания храма были обнаружены надписи Рамзеса IV и Рамзеса VI. Не прекратилась полностью со смертью Рамзеса III и строительная деятельность в Мединет Абу³². Следует сказать, что мы вовсе не собираемся настаивать на том, что между храмами, в том числе и заупокойными, не могло быть никакой связи или не могло происходить периодическое перераспределение храмовых владений и имущества. Перераспределение богатств между храмами (в особенности заупокойными), выдвижение каких-либо храмов на передний план в зависимости от интересов правящего фараона, конечно, имели место. Однако все это не приводило, по нашему мнению, к полной инкорпорации, включению одних религиозных центров в другие, как предполагал Брэстед.

Следует вообще сказать, что мысль о невозможности передачи одному только заупокойному храму Рамзеса III таких больших материальных ценностей и богатств, какие зафиксированы в папирусе Гарриса, является, как нам кажется, необоснованной.

Здесь речь идет об организации совершенно нового и самостоятельного заупокойного святилища, которое и получило поэтому больше людей и различного имущества, чем упоминающиеся в фиванском разделе папируса другие храмы — в сущности, всего лишь пристройки Рамзеса III к храмам Амона, Мут и Хонса в Карнаке и Луксоре. Последние несомненно были тесно связаны в административном и хозяйственном отношениях с теми центрами, при которых они были созданы, и не нуждались в столь же щедрых дарах, как заупокойный храм Рамзеса III, явившийся совершенно самостоятельным и новым образованием.

³² U. Hölscher, *Medinet Habu*, Leipzig, 1933, Ss. 49, 50; *The mortuary temple of Rameses III*, pt II, Chicago, 1951, pp. 48, 49.

Источник щедрых даров Рамзеса III своему завпоевному храму следует видеть прежде всего в практике перераспределения владений между храмами. Однако в масштабе всей страны величина 62 626 «голов», не будучи столь уж значительной, не могла, конечно, ликвидировать самостоятельного существования тех, по видимому, многочисленных крупных хозяйств, из которых были взяты эти «головы».

Конечно, число 62 626 пришлось бы расценивать совсем иначе, если видеть в «головах» исключительно рабов, как предложил Д. Г. Редер в своей статье, упомянутой выше. Такое число людей-рабов, принадлежавших одному только храму Мединет Абу, казалось бы действительно слишком большим.

Рассмотрим аргументы, которые приводит Д. Г. Редер для обоснования своей точки зрения.

Д. Г. Редер правильно, на наш взгляд, отмечает наличие в папирусе Гарриса сведений о двух категориях людей — военнопленных рабов и свободных людей, которых взрастил фараон, обозначаемых термином «джа-му» (молодежь). Д. Г. Редер также прав, когда показывает, что этот термин мог перекрываться более общим понятием «семдет». Но почему термин «семдет» не мог относиться в папирусе Гарриса и к «головам», почему среди «семдет» не могло быть рабов и люди, отмеченные в папирусе Гарриса кратким обозначением «головы», были обязательно только рабами? ³³.

Первый довод Д. Г. Редера сводится к тому, что нет соответствия между общим количеством зафиксированных за храмами «голов» и тем количеством зерна, которое поступило от «семдет» в храмы ³⁴. На этом основании Д. Г. Редер делает вывод, что «головы» и «семдет» — это разные люди.

Однако он признает, что А. Эрман ошибался, считая, что в сводках папируса Гарриса, где речь идет о поступлениях с «семдет», содержатся сведения о количестве

³³ Д. Г. Редер, *Рабы и подданные (семдет) египетских храмов...*, стр. 106—109, 114. — В 1957 г. акад. А. И. Тюменев печатно выразил свое несогласие с выводом Д. Г. Редера по данному вопросу (А. И. Тюменев, *Передний Восток и античность*, — «Вопросы истории», 1957, № 6, стр. 67, прим. 66).

³⁴ Д. Г. Редер, *Рабы и подданные (семдет) египетских храмов...*, стр. 109, 111.

зерна, доставленного за 31 год правления Рамзеса III. В действительности там фиксируются нормы поступления зерна лишь за один год³⁵.

В таком случае количество зерна, поступившего от «семдет» всех храмов, будет довольно значительным. В общей сложности «семдет» всех храмов доставили 497 700 хар зерна³⁶, а всех «голов» за всеми храмами отмечено 107 615³⁷. Это означает, что даже в том случае, если считать, что все «головы» занимались только земледелием, на каждую из них приходится в качестве налогового склада более 4 хар зерна.

Однако нужно учитывать, что в папирусе Гарриса под «головами» скрываются не только земледельцы, но и ремесленники, скотоводы и даже (как мы увидим в дальнейшем) представители светской и жреческой администрации. Количество «голов», занятых в земледелии, было вследствие этого меньше 107 615, и потому на долю одной «головы» из числа тех, кто был земледельцем, приходится в качестве налогового оклада не 4 с лишним, а значительно больше хар зерна. Таким образом, мы видим, что довод Д. Г. Редера о несоответствии между числом «голов» и количеством доставленного «семдет» зерна не бесспорен.

Второй довод Д. Г. Редера сводится к тому, что в одном и том же храме «головы» и «семдет» находились под контролем различных лиц³⁸. Д. Г. Редер обращает внимание на два святилища Рамзеса III, созданные при храме Ра в Гелиополе, и особенно на «Святилище Рамзеса Хекануна ж. н. з. в доме Ра»³⁹.

Д. Г. Редеру кажется весьма существенным, что в сводке, где речь идет о «головах» этих святилищ, они значатся под контролем верховного жреца Гелиополя,

³⁵ A. Erman, *Zur Erklärung...*, S. 470; A. H. Gardiner, *Ramesseide texts, relating to the taxation and transport of corn*, — JEA, vol. 27, 1941, pp. 72, 73.

³⁶ В папирусе Гарриса приведена ошибочная сумма—460 900 хар (Harris, 69; J. H. Breasted, *Ancient records of Egypt*, vol. IV, p. 100).

³⁷ В папирусе Гарриса из-за ошибки писца стоит число 113 433 (Harris, 67, 6; J. H. Breasted, *Ancient records of Egypt*, vol. IV, p. 97).

³⁸ Д. Г. Редер, *Рабы и подданные (семдет) египетских храмов...*, стр. 111, 112.

³⁹ Harris, 31,3. — В районе Гелиополя существовало еще «Святилище Рамзеса Хекануна ж. н. з. в доме Ра к северу от Гелиополя» (Harris, 31, 5).

носившего титул «урмау», и государственных чиновников. В сводке же, где показано количество произведенного людьми этих святилищ (имеются в виду, конечно, «семдет») зерна, они отмечены как находившиеся под наблюдением только одних чиновников ⁴⁰.

Но разве можно видеть здесь какое-либо противопоставление?

В данном случае не следует полностью исключать возможность небрежности писца, пропустившего повторное упоминание «урмау». Следует также обратить внимание на то, что в первой сводке говорится в общих чертах о характере управления одного конкретного храма-святилища, во второй — определяются ценности, взимаемые с людей двух храмов. Будучи главой «Святилища Рамзеса Хекануна в доме Ра», жрец «урмау» тем не менее непосредственно сбор налогов не производил. Это осуществляли специальные чиновники. Только поэтому их писец и отметил в начале второй сводки.

Столь же мало основателен и третий довод Д. Г. Редера ⁴¹ о том, что существует разрыв между количеством закреплённой за храмами земли и числом принадлежавших храмам «голов».

По мнению Д. Г. Редера, различное процентное соотношение «голов» и земли (2 и 10%) якобы объясняется тем, что под «головами» отмечены не все храмовые люди, в частности, сюда еще не входят «семдет», а следовательно, «голова» и «семдет» — это совершенно разные категории производителей.

Между тем если исходить из единственно правильной установки, что в папирусе Гарриса отмечены далеко не все достояния храмов, сразу же исчезнет фиктивное несоответствие между количеством земли и числом «голов». Ведь и земля, и «голова» причислялись к уже имевшимся до Рамзеса III у храмов земле и «головам», причем количество последних нам неизвестно.

Бесспорно, что при таком суммировании разрыв в процентном отношении между количеством имевшихся у храмов земли и числом «голов» должен был уменьшаться и, может быть, даже вообще исчезнуть. Нужно,

⁴⁰ Ibid., 31, 3; 32a, 9.

⁴¹ Д. Г. Редер, *Рабы и подданные (семдет) египетских храмов...*, стр. 112, 113.

однако, как мы уже говорили, иметь в виду, что не обязательно всех тех, кто обозначался как «головы» в папирусе Гарриса, считать земледельцами, и потому некоторый разрыв между количеством земли и числом «голов» вполне естествен.

Д. Г. Редер старался доказать справедливость своей точки зрения еще и другими аргументами, помимо тех, которые мы рассмотрели выше.

Так, он обращает внимание на то, что у гелиопольских храмов было «голов» в четыре раза больше, а поселений — в 103 раза больше по сравнению с числом «голов» и поселений, имевшихся у мемфисских храмов. В этом он видит доказательство того, что «головы» не могли жить в поселениях, что, по его мнению, лишний раз свидетельствует, с одной стороны, о рабском положении тех, кто обозначался как «головы», с другой — о том, что в поселениях жили в основном свободные люди («семдет»).

Однако подобное рассуждение основывается, как нам кажется, на существенном просчете. Конечно, трудно представить себе, чтобы 3079 «голов», имевшихся у мемфисских храмов, могли все жить в том единственном поселении, которое в папирусе Гарриса зафиксировано за храмами мемфисской группы. (Ведь в таком случае это уже было бы не незначительное поселение, а крупный по тем временам город.) Однако отсюда следует, что в папирусе Гарриса отмечены далеко не все имевшиеся у храмов поселения. В папирусе Гарриса записаны, по-видимому, только вновь созданные или восстановленные поселения и ничего не говорится о поселениях, не претерпевших изменений, в которых жили люди, перераспределенные вместе с этими поселениями из различных крупных хозяйств в пользу заупокойного храма в Мединет Абу.

Д. Г. Редер ссылается на чрезвычайно интересную надпись Сети I в Наури для обоснования своего положения в том, что среди «семдет» якобы в отличие от «голов» были рабовладельцы. Однако он не замечает, что в этой надписи среди «семдет» названы и промысловые золотодобытчики, хотя бы по ассоциации с известным рассказом Диодора Сицилийского о рабах, работавших в золотых рудниках Нубии, также можно считать рабами. Что касается «голов», то в папирусе

Гарриса в одном месте прямо говорится о том, что среди них были бесспорно свободные люди, даже жрецы и чиновники (в общей сложности — 5164 «головы»), хотя их и фиксируют в фиванском разделе папируса вместе с несомненными рабами⁴². Для древних египтян юридические отличия рабов от свободных часто не имели особого значения, так как и тех, и других нередко эксплуатировали одинаковыми методами. Именно поэтому и тех, и других могли обозначать общими терминами — «головы» или «семдет».

Нам кажется, что с основными выводами Д. Г. Редера согласиться трудно⁴³. Нельзя противопоставлять «семдет» храмов «головам» храмов. Счет по «головам» был нередко в сущности всего лишь бухгалтерским приемом. Среди «голов» папируса Гарриса могли быть как рабы, так и свободные в такой же мере, как и среди «семдет», ибо «головы» — это те же «семдет», только обозначенные иным образом.

Однако, если «головы» папируса Гарриса не обязательно являлись рабами, то тогда число 62 626, о котором говорилось выше, не кажется слишком большим, особенно, если учесть, что речь идет о людях зависимых от совершенно нового храмового центра, созданного Рамзесом III. Конечно, в массе своей они были выделены из многих крупных хозяйств специально для заупокойного святилища Рамзеса III, однако в масштабе всей страны число их являлось слишком незначительной величиной, представлявшей ничтожный процент ко всему египетскому населению, насчитывавшему в эпоху Нового царства несколько миллионов человек. Поэтому выделение «голов» еще не могло привести к полному «обезлюдению», этих центров, к ликвидации их хозяйственно-административной самостоятельности и слиянию с храмом в Мединет Абу. Таким образом, мы убедились в несостоятельности теории Брэстеда о поглощении храмом в Мединет Абу всех прочих религиозных центров. Эта несостоятельность подтвердилась и рассмотренными нами выше материа-

⁴² Harris, II, 1—3, 10, 15.

⁴³ Концепция, которая была нами рассмотрена, изложена Д. Г. Редером 20 лет назад. Возможно, что в настоящее время Д. Г. Редер изменил свои суждения по затронутому вопросу. Однако печатно он нигде об этом не заявил.

лами папируса Вильбура. Если многочисленные храмы, не упомянутые в папирусе Гарриса, представляли вполне реальные обособленные религиозные и хозяйственные центры (что не исключало их взаимосвязи и общего подчинения единой царско-храмовой администрации)⁴⁴, то тогда гипотеза Шеделя о том, что в папирусе Гарриса нашла свое отражение по крайней мере третья часть всех принадлежавших храмам земель и людей, будет маловероятной. Все сказанное оправдывает вывод, что для определения общих размеров всех египетских храмовых территорий и установления общего количества принадлежавших всем египетским храмам людей нужно соответствующие цифровые показатели папируса Гарриса увеличить не в три раза, а в гораздо большее число раз. Отсюда следует, что если в папирусе Гарриса за немногочисленными храмами, как предложил Шедель, было действительно зафиксировано 6% всего населения Египта и около 10% всей культурной земельной площади страны, то за всеми египетскими храмами должно было числиться значительно больше, чем 20% населения и 30% всей земли.

Итак, мы хотим сказать, что удельный вес храмовых хозяйств во всем хозяйстве Древнего Египта эпохи Нового царства был гораздо значительнее, чем предполагает Шедель.

Дарения в храмы производил не только Рамзес III. Все фараоны эпохи Нового царства предоставляли храмам большое количество ценностей, земли, людей (в том числе и рабов). Особенно своей «щедростью» славились такие фараоны-завоеватели, как Тутмос III или Рамзес II. Прочие правители Египта старались от них не отставать. Тутмос III распорядился начертать на стенах VI и VII пилонов Карнакского храма большой список военнопленных — рабов, переданных им в дар богу Амону. Только после первого похода в Азию Тутмос III передал Карнакскому храму 1588 рабов сирийцев⁴⁵. Можно не сомневаться, что значительная часть из захваченных Аменхотепом II воен-

⁴⁴ Именно об этом говорится в надписи на статуе современника Аменхотепа III царского писца Аменхотепа (W. M. Fe. Petrie, G. A. Wainwright and A. H. Gardiner, *Turkhan I and Memphis V*, London, 1913, pl. LXXX, l. 21, p. 34).

⁴⁵ K. Sethe, *Urk. IV*, 780—806, 743, Z. 7.

ноплённых (всего 101 218)⁴⁶ также поступила в дар основному храму Амона в Фивах.

Бесспорно, что дарения Рамзеса III не представляли ничего исключительного, ничего единственного в своем роде. Если мы больше знаем о политике по отношению к храмам именно этого фараона, то в значительной мере это объясняется тем, что до нас дошел папирус Гарриса, а аналогичные документы от других эпох, которые, возможно, существовали, не сохранились. Если бы папирус Гарриса тоже не сохранился, то правление Рамзеса III не казалось бы нам столь своеобразным и решающе важным для понимания дальнейшей судьбы династии Рамессидов, как оно иногда расценивается в египтологической литературе в настоящее время.

Однако и папирус Гарриса, в сущности, дает возможность прийти к заключению, что ничего исключительного в политике Рамзеса III в отношении храмов не было.

Шедель безусловно прав, утверждая, что в папирусе Гарриса речь идет лишь о дарениях этого фараона, однако немецкий египтолог оставляет открытым вопрос об источниках, которые давали фараону возможность производить дарения в храмы. Между тем в большинстве случаев такими источниками служили, конечно, уже существовавшие крупные государственные владельческие центры. За счет изъятия их достояния и происходило перераспределение людей и земли (а также различного имущества) в пользу вновь организуемых или расширяемых храмов и заупокойных святилищ. Следовательно, абсолютная величина собственно новых, дополнительных поступлений в храмы при Рамзесе III была меньше тех количеств, которые фиксируются в папирусе Гарриса. По-видимому, эти новые поступления не отличались размерами от тех даров, которые получили храмы от предшествовавших фараонов Нового царства. Вряд ли Рамзес III обладал большими богатствами, большим резервным фондом, чтобы производить более «щедрые» пожертвования в храмы, чем это позволяли

⁴⁶ A. Badawi, *Die neue historische stelle Amenophis II.* — ASAE, t. XVII, 1943, Ss. 1—23, Zz. 29—31; И. С. Кацнельсон, *Характер войн и рабовладение в Египте при фараонах-завоевателях XVIII—XX династий*, — ВДИ, № 3, 1951, стр. 45, прим. 6.

себе такие могущественные фараоны, как Тутмос III и Рамзес II.

Следует отметить, что вместительность существовавших в Мединет Абу кладовых заупокойного храма и дворца Рамзеса III, как показали археологические раскопки, незначительна. Так, археолог Хольшер пишет, что в Мединет Абу «склады и кладовые сами по себе были не особенно обширны. Их величина несомненно соответствовала размеру храмового дохода, который, следовательно, должен был быть значительно меньшим, чем доход, например Рамессеума. Это необходимо иметь в виду каждому, кто стал бы оценивать фантастически длинные списки приношений Рамзеса III и его громадные дары храмам, в особенности храму в Мединет Абу»⁴⁷.

Подводя итог всему сказанному выше, можно заключить, что интересующие нас взаимоотношения между царской властью и храмами имели характер постоянной и неизменной политики заботы фараонов Нового царства об упрочении храмов в экономическом отношении.

Огромные богатства, сконцентрированные у храмов в период правления Рамзеса III, не были результатом только его деятельности. Они существовали и раньше. А если это так, то при антагонистичности хозяйственных интересов храмов и царской власти пришлось бы удивляться уже не тому, что светская власть в Фивах пала в конце правления династии Рамессидов, а тому, что светские правители Египта вообще существовали в эпоху Нового царства.

Данное обстоятельство заставляет в определенном направлении решать вопрос о характере эксплуатации храмовых владений. Преобладание хозяйств храмов среди всех хозяйственных организаций Египта показывает, что взимание налогов с храмовых производителей царской казной являлось настоятельной необходимостью.

В чью пользу взимались большие сборы зерном с храмовых земель, перечисляемых в тексте «А» папируса Вильбура, в пользу храмов или царской казны —

⁴⁷ V. Hölscher, *The mortuary temple of Ramses III*, pt II, Chicago, 1951, p. 27.

таков основной вопрос, возникающий при изучении изданного Гардинером памятника. Цифровые показатели, упоминаемые в тексте «А», равны 5; 7,5; 10 харам зерна, собираемого с аруры земельной площади⁴⁸.

Гардинер вначале полагал, что эти цифры выражали нормы налогового обложения. Однако такому пониманию смысла числовых записей папируса Вильбура мешает их исключительная величина.

В эллинистическом Египте средняя норма урожая пшеницы преположительно была равна 10—12 артабам (т. е. 5—6 харам) с аруры⁴⁹, а в современном Египте, как указывает Кеес, — 5—6 артабам с феддана⁵⁰. Если учесть, что феддан равен 0,42 га, а арура — 0,2756 га, причем хара приблизительно соответствует 2 артабам, тогда в переводе на древние меры урожайность пшеницы и ячменя в современном Египте можно выразить формулой: 6,4—8 хар с аруры.

Совершенно очевидно, что в древнее время урожай на египетских полях не мог существенно превосходить современный урожай зерновых в долине Нила. В связи с этим трудно считать цифровые показатели папируса Вильбура нормами налоговых окладов, для которых цифры 5; 7,5 и 10 слишком велики.

Приходится согласиться со второй гипотезой Гардинера о том, что цифры 5; 7,5 и 10 показывают нормы урожая на полях⁵¹.

К сожалению, Гардинер оставил открытым вопрос о том, как происходило распределение урожая между заинтересованными лицами: непосредственным производителем, царской администрацией и храмовым персоналом. То, что подобное распределение должно было происходить, не вызывает сомнения. Вся трудность состоит в том, чтобы конкретно представить себе его ход.

⁴⁸ С высоколежащих земель «каит», требующих дополнительных затрат труда на искусственное орошение, взималось по 5 хар с аруры; с низких земель «нехеб» по 10 хар с аруры, с «устаревших», «старых» земель «тени» — по 7,5 хары с аруры.

⁴⁹ А. Б. Ранович, *Эллинизм и его историческая роль*, М., 1950, стр. 196.

⁵⁰ Н. Kees. *Das Alte Ägypten*, Berlin, 1955, S. 37. — На сообщение Кееса любезно обратил мое внимание В. В. Струве.

⁵¹ А. Н. Gardiner, *The Wilbour Papyrus*, vol. II, p. 208.

В тексте «А» папируса Вильбура перечисляются свободные наследственные землепользователи и владельцы земельных участков, которые получали какую-то часть урожая⁵². Однако основную массу зерна взимала, конечно, царская казна и храмы. Если допустить, что все получали только храмы, будет нелегко понять, учитывая засилье храмовых хозяйств, на какой экономический базис опиралась царская власть. Очевидно, что существование храмового жречества было бы невозможно без определенной экономической поддержки. Вопрос состоит в том, какова была доля жречества.

Характер фискальной эксплуатации храмовых полей, по данным текста «А» папируса Вильбура, нам представляется следующим образом.

На каком-нибудь земельном комплексе взимался практически весь урожай (по средним стандартным нормам 5; 7,5 и 10 хар с аруры). Далее происходило то, что наблюдалось, по сведениям Тебтунисского папируса, в эллинистическом Египте⁵³. Специальные чиновники распределяли урожай соответственно интересам царской казны, храма и земледельца. В папирусе Вильбура есть некоторые сведения о подобном распределении. В нем, например, постоянно упоминаются долевые нормы отчислений, равные по величине 7,5% общего количества зерна, собранного на том или ином участке. Так как долевое отчисление получают обычно местные храмы или отдельные лица, но во всяком случае, не храм, за которым в кадастровом списке зафиксирован соответствующий земельный комплекс, то ясно, что в долевом отчислении нельзя видеть непосредственную жреческую (храмовую) долю с собранного урожая. Долевое отчисление — это лишь дополнительно изъятая часть урожая, поступающая чаще всего в местные храмы в качестве оплаты за услуги по управ-

⁵² Можно, конечно, думать, что земледельцы папируса Вильбура, перечисляемые в тексте «А», получали долю урожая, собранного с каких-то других наделов, не зафиксированных в изданном Гардинером памятнике. Однако подобное допущение нам представляется маловероятным.

⁵³ B. P. Grenfell, A. S. Hunt, *The Tebtunis Papyri*, pt I, London, 1902, pp. 107—110.

лению прилежащим к этому храму земельным комплексом⁵⁴.

Однако в папирусе Вильбура имеются строки несколько иного рода, сообщающие о зерновых поступлениях с переданных храмам земель «хато» фараона (текст «В»). Поскольку это зерно отличалось, по словам Гардинера, от того, которое изымалось с храмовых участков, зафиксированных в тексте «А»⁵⁵, стоит специально остановиться на интерпретации термина «хато».

Большую помощь в установлении значения термина «хато» может оказать ознакомление с одной записью на папирусе из Лахуна, относящемся к периоду Среднего царства. В этом документе указывается, что обычная дневная норма обработки земли, входящей в царское заупокойное владение, равна 10 арурам на человека (имеется в виду работник-земледелец)⁵⁶. Десять арур — иначе тысяча квадратных локтей, поэтому по-египетски эта норма выражается *h:t*: «хато». Постепенно этим термином стали обозначать определенный вид царской земли. Зная происхождение термина, можно попытаться понять и специфическую особенность обозначаемых им территорий.

По нашему мнению, владения «хато» фараона представляли собой по большей части поместья, эксплуатируемые не путем раздачи наделов землепользователям, а путем привлечения к трудовой повинности земле-

⁵⁴ В статье «К толкованию данных папируса Вильбура о землепользовании и налогообложении в Египте воемни Рамесидов» (ВДИ, 1958, № 1) нами было дано несколько иное толкование сущности «долевого» отчисления. Ссылаясь на папирус Анастаси V (27,3—7), в котором содержится жалоба земледельца на несправедливое, дополнительное «долевое» обложение, мы пришли к выводу, что последнее — это то количество зерна, которое изымалось у земледельца сверх основного налога, определяемого нормами в 5; 7,5; 10 хар с аруры. Нам казалось тогда невозможным согласиться с Гардинером, который долевой налог понимал как часть основного. Однако все меняется, если нормы в 5; 7,5; 10 хар с аруры считать показателями урожайности. При распределении урожая «долевое» отчисление несомненно влияло на величину остатка, которым мог распорядиться земледелец, тем более, что, по свидетельству записей типа «С» папируса Вильбура, именно земледелец нес все тяготы по выплате этого отчисления.

⁵⁵ A. H. Gardiner, *The Wilbour Papyrus*, vol. II, p. 208.

⁵⁶ F. L. Griffith, *The Petrie Papyri; Hieratic Papyri from Kahun and Gurob*, London, 1898, pl. XXI, l. 3, p. 52.

дельцев как свободных, так и рабов. О существовании трудовой повинности в земледелии свидетельствуют и приведенные нами выше лахунский документ, а также недавно изданный Бруклинский папирус⁵⁷.

Характер и содержание источников времени Рамесидов подтверждают, как нам кажется, изложенное выше толкование термина «хато». В папирусе Вильбура текст «В» существенно отличается по своей структуре от текста «А». Если в последнем перечисляются главным образом наделы, закрепленные за индивидуальными пользователями (или владельцами), в тексте «В» внимание обращено на точную географическую локализацию больших комплексов переданных храмам земель «хато» с указанием на количества налоговых поступлений. Упоминание земель «хато» в тексте «А» встречается редко, причем обычно речь идет о довольно незначительных участках.

Нельзя ли предположить, что двойственность структуры папируса Вильбура (тексты «А» и «В») отражает двойное использование земель — как путем раздачи участков в индивидуальное распоряжение земледельцам, так и путем обработки привлекаемыми по трудовой повинности людьми больших комплексов территорий «хато».

Согласно записи, содержащейся в папирусе Valençay I (время Рамесидов), номарх Элефантины отрицал наличие земель «хато» в подведомственной ему местности Ком Омбо, подчеркивая, что здесь имелись лишь частновладельческие земли «немху». Что же касается 4 арур земли «хато» в районе Эдфу, то они не находились в постоянном индивидуальном распоряжении какого-либо земледельца; номарх лишь временно выделил работника и упряжку быков для пахоты и последующего ухода за урожаем. Сам работник (как и номарх) ничего не получил, так как весь урожай в размере 40 хар был отослан соответствующему чиновнику⁵⁸. Можно предположить, что и в настоящем случае земли «хато» характеризуются как обрабатываемые методом привлечения людей к трудовой повинности.

⁵⁷ W. C. Hayes, *A. Papyrus of the Late Middle Kingdom*, The Brooklyn Museum, 1955.

⁵⁸ Pap. Valençay I, — A. H. Gardiner, *Ramesside administrative documents*, London, 1948, p. 72.

Учитывая все сказанное, можно понять и сущность отмеченного А. Гардинером различия между зерном храмов и зерном с земель «хато»⁵⁹.

Различие заключалось в том, что зерно храмов — это урожай, собранный с участков, находившихся в индивидуальном, частном пользовании или владении, а зерно земель «хато» — доход, который давали крупные поместья, обрабатываемые свободными и рабами, привлекаемыми по трудовой повинности.

Для нас, однако, важно подчеркнуть следующее: определенная часть урожая с земель «хато» фараона несомненно должна была поступать в собственно царскую казну — не даром земли носили наименование царских.

Итак, в итоге рассмотрения показаний обеих частей папируса Вильбура (текстов «А» и «В») нам представляется неизбежной фискальная эксплуатация царской казной храмовых владений, несмотря на сообщение папируса Гарриса о запрещении вазирю входить в храмы и нарушать их внутренний распорядок⁶⁰. Иное мнение нам кажется невозможным, поскольку необходимо учитывать решающую роль храмов в экономике Египта. И при Рамзесе V храмовые владения должны были входить в состав царского хозяйства. Что касается распоряжения Рамзеса III, запретившего вазирю вмешиваться во внутренние дела храмов, то оно свидетельствует не о выходе храмовых владений из состава государственного хозяйства, а лишь об усилении роли местных номовых аристократических групп, стоявших во главе жречества, в управлении государственным хозяйством. Однако обособления чисто теократического, жреческого начала не произошло.

Участвуя в управлении государственным хозяйством эпохи Рамессидов, подавляющую часть которого составляли храмовые владения, номовая жреческая

⁵⁹ А. Н. Gardiner, *The Wilbour Papyrus*, vol. II, p. 208.

⁶⁰ Harris, 59, 11—12. — Данное место папируса Гарриса, по нашему мнению, следует сопоставить с иммунитетными грамотами Древнего царства и декретом Сети I в Наури. Между тем А. Гардинер, оценивая эти памятники, заявил, что содержащееся в них запрещение светской власти вмешиваться во внутренние дела храмов «не должно быть извращено в утверждение, что храмы были освобождены от налогового обложения» (А. Н. Gardiner, *The Wilbour Papyrus*, vol. II, p. 202).

знать, главным образом знать Фив, думала прежде всего об удовлетворении своих интересов. Неизбежны были злоупотребления, что приводило к увеличению доли доходов, которая передавалась в храмы, и к уменьшению доли царской казны.

Именно такое положение наблюдалось в годы царствования Рамзеса III, когда царские закрома оказались пустыми, что привело к беспорядкам среди работников царского некрополя.

Однако видеть в этом результат выхода храмов из состава государственного хозяйства нельзя. Перед нами — следствие борьбы номовых сил с центральной властью, борьбы, которая шла внутри государственного царского хозяйства.

Жреческая доля храмовых доходов бесспорно менялась в зависимости от различных факторов, прежде всего от конкретного соотношения сил в борьбе между царской властью и стоявшей во главе храмов номовой аристократией, стремящейся к независимости. В отдельные периоды, например при Рамзесе III, доля жрецов достигала огромных размеров, что могло привести к опустошению царской казны, но это был скорее результат произвола, чем узаконенное положение вещей. По идее доля храмового жречества в общей сумме ценностей, создаваемых в храмовых хозяйствах, не была такой значительной.

ДОСТОЯНИЯ ХРАМОВОГО ЖРЕЧЕСТВА

Постараемся выяснить, что же являлось реальным достоянием жречества храмов.

В многочисленных документах, сохранившихся от всех эпох, начиная с периода Древнего царства, неоднократно подчеркивается, что храмы получали, помимо земли, скота и других ценностей, так называемые «божественные жертвоприношения» *hṯp ntr*⁶¹. Эти жертвоприношения обычно фиксируются с точными количественными показателями. О них нередко идет речь, когда отмечаются дары царей богам Египта. Так, еще в тексте «Палермского камня» указывается, что фараон Усеркаф

⁶¹ Wb, III, 185.

(V династия) передал храмам около 2 тыс. арур земли⁶² и более 4 тыс. «божественных жертвоприношений» из хлеба и пива⁶³; фараон Сахура (V династия) передал храмам 5856 ежедневных жертв из хлеба и пива⁶⁴ и несколько тысяч арур земли⁶⁵.

Аналогичны и многие записи фараонов более позднего времени, в частности эпохи Нового царства. В иностранных надписях Тутмоса III о восстановлении храмов, об организации празднеств и передаче даров богам в связи с победоносными походами фараона, как и в тексте «Палермского камня», говорится обычно, с одной стороны, о землях, садах, стадах скота, птицах, о поселениях и рабах, переданных Амону и другим богам Египта, а с другой — о строго определенных количествах «божественных жертвоприношений»⁶⁶.

В опубликованной Гардинером в 1952 г. большой надписи Тутмоса III из хебседного зала Карнакского храма этого царя содержится длинный перечень «божественных жертвоприношений», передаваемых Амону в праздничные дни как благодарственная жертва фараона по случаю его победы у стен Мегиддо. В этой надписи указывается точное число быков, гусей, коз, газелей, ибисов, количество вина, пива, молока, хлеба, овощей, тканей, благовоний и т. п.⁶⁷.

Рамзес I в надписи на стене из Вади-Хальфа перечислял «божественные жертвоприношения», поступавшие в местное святилище, которые состояли из 12 хлебов одного сорта, 4 кружек пива и 10 связок овощей⁶⁸.

В Туринском обвинительном папирусе эпохи Рамесидов, сообщающем о расхищении командирами транспортных судов зерна храма Хнума, специально отправляемого ежегодно в Элефантину порциями по 700 хар,

⁶² Urk I, 240; II, Zz. II0a—II, III, Zz. III, 12; 241, I, Z. 4, II, Zz. 4, 8, III, Zz. 11, 12, IV, Zz. 11, 15, V, Zz. 11, 17, VI, Zz. 11, 22; 242, X, Zz. 3, 4.

⁶³ Ibid., 240, I, Z. 3.

⁶⁴ Ibid., 243, II, III, IV; 244, V, VI, VII, VIII.

⁶⁵ Ibid., 244, VIII—XIII; 245, XIV.

⁶⁶ Urk IV, 745, 746, 754—756, 761—763, 767—770.

⁶⁷ A. H. Gardiner, *Tuthmosis III returns thanks to Amun*, — JEA, 1952, vol. 38, pp. 6—23.

⁶⁸ Louvre C57. — Цит. по кн.: H. Brugsch, *Thesaurus inscriptionum aegyptiacarum. Altaegyptische Inschriften*, T. V, Leipzig, 1891. S. 1233, Z. 2.

указывается, что речь идет о «божественных жертвоприношениях» жезлу (?) Хнума⁶⁹.

В декрете Априеса (саисское время) об организации заупокойного культа вельможи Несугора отмечается, что для обеспечения этого культа всем необходимым выделялось в храм барана Мендесского 1600 арур земли с людьми, скотом и другим имуществом. В этом же декрете установлены нормы *hṭp ntr*, поступающие в храмы барана Мендесского и Осириса-Хапи. Первый получал 242 гуся, 12 мер эммера, 1 кружку пива; второй — 200 хлебов, некоторое число кружек пива и 1 гуся в каждый из пяти добавочных дней⁷⁰.

О «божественных жертвоприношениях», помимо уже упомянутых, сообщают и многие другие источники. Об этих жертвоприношениях говорится и в папирусах Гарриса и Вильбура.

В разделе, посвященном перечислению даров фиванским храмам, Рамзес III говорит, обращаясь к Амону-Ра:

«Умножил я „божественные жертвоприношения“, приносимые в жертву перед тобой в виде хлеба, вина, пива, гусей жирных, множества быков, телят, короткороготого скота, белых коз, газелей, приносимых в жертву на бойне его... Я дал тебе десять десятков тысяч хар зерна в качестве продовольственного обеспечения твоих ежедневных „божественных жертвоприношений“ для перевозки их в Фивы каждый год...»⁷¹.

В конце вводной части Фиванского раздела Рамзес III еще раз повторяет (имея в виду ритуальные изображения богов):

«Удвоил я „божественные жертвоприношения“, приносимые в жертву для „ка“ их в дополнение к ежедневным (жертвам), существовавшим до них»⁷².

Теперь постараемся выяснить, из каких ресурсов образовывались *hṭp ntr*. Существует распространенное мнение, что *hṭp ntr* — это дополнительные поступления главным образом потребительского характера: хлеб, пиво,

⁶⁹ A. H. Gardiner, *Ramesside administrative documents*, London, 1948, p. 80, ll. 2, 3 vs; 2, 4 vs.

⁷⁰ H. Kees, *Die Kopenhagener Schenkungsstele aus der Zeit des Apries*, — ZAS, Bd 72, Hft 1, 1936, Ss. 40—41, Zz. 4—8.

⁷¹ Harris, 4,7—8; 7,2.

⁷² Ibid., 9,7.

вино, мясо, ткани и т. д., идущие по милости фараона из царской казны⁷³.

Однако нам подобное объяснение кажется неоправданным, так как имеются данные, свидетельствующие о выделении *ḥtp ntr* из доходов, которые давали храмовые же владения.

Так, на одной стеле времени Рамзеса I, где сообщается о дарении 50 арур земли божеству, прямо говорится, что эта земля передавалась специально для «божественных жертвоприношений» Амону-Ра⁷⁴.

В папирусе Вильбура в одном месте отмечено «владение божественных жертвоприношений Амона-Ра, царя богов, владение, которое производит корм для скота, находящегося под контролем начальника скота Рамзесунахта»⁷⁵.

В некоторых записях папируса Гарриса прямо говорится, что земельные дарения богам производились для обеспечения их «божественными жертвоприношениями». Так, в гелиопольском разделе можно прочесть: «Сделал я для тебя (для бога.— И. С.) „хато“ земли... Удвоил я их поля, которые пришли в запустение, с целью удвоить „божественные жертвоприношения“...»⁷⁶.

Приведенные источники несомненно говорят о храмовых земельных владениях как об основе образования *ḥtp ntr*. А. Эрман в свое время предполагал, что зафиксированные в папирусе Гарриса огромные количества зерна, произведенного на храмовых территориях, частично тратились на жертвенные приношения в храмы⁷⁷, а Шедель обратил внимание на сходство предметов, перечисленных в сводках папируса Гарриса, отмечающих поступления от «семдет» храмов, и в сводках, в которых идет речь о дарах царя⁷⁸. Однако, быть может, *ḥtp ntr* — это те нормы внутрихрамовых трат на нужды культа и на содержание жречества, которые всего лишь регламентировались царем?

⁷³ Такого мнения придерживается, в частности, Е. В. Черезов, (Е. В. Черезов, *К вопросу о поземельных отношениях в Египте эпохи Древнего царства*, — ВДИ, 1949, № 3, стр. 66, 67).

⁷⁴ W. Spiegelberg, *Neue Schenkungsstellen über Landstiftungen an Tempel*, — ZAS, Bd 56, 1921, S. 56, Z. 3

⁷⁵ A. Gardiner, *The Wilbour Papyrus*, vol. I, A45, 31—32.

⁷⁶ Harris, 27, 12.

⁷⁷ A. Erman, *Zur Erklärung...*, Ss. 473, 474.

⁷⁸ H. D. Schaedel, *Die Listen...*, S. 62.

Некоторые факты, в частности данные надписи с деятельности вазира Рехмира, как будто свидетельствуют в пользу такого предположения. В самом деле, Рехмира как глава царской администрации контролировал и определял количество всех поступающих и производимых в Карнакском храме Амона ценностей под видом «божественных жертвоприношений». Так, в одном месте говорится, что в его обязанность входило наблюдение за ежедневными «божественными жертвоприношениями», в другом — его деятельность характеризуется как «наблюдение за всякими работами „божественного жертвоприношения“ Амону в Карнаке... производимое наследственным князем, устанавливающим законы в храмах юга и севера»⁷⁹. Про Рехмира также говорится, что «он слушает о нехватке каждого „божественного жертвоприношения“». Как видно из той же надписи, вазир Рехмира свободно хозяйничал в амбаре и сокровищнице храма Амона. Так, Рехмира производил учет рина и других приношений юга и севера, поступающих в сокровищницы и амбар храма. Он производил также изъятие из сокровищницы храма сельскохозяйственных продуктов⁸⁰.

Таким образом, понимание «божественных жертвоприношений» как храмовых ценностей, которые согласно царской регламентации потреблялись жрецами, не лишено оснований. Вопрос, однако, состоит в том, можно ли их считать простыми нормами внутрихрамовых трат храмовых же доходов?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратим внимание на то, что все «божественные жертвоприношения», поступавшие в храм, не только не покрывали по объему продукцию, произведенную в храмовых владениях, а лишь составляли ее небольшую часть.

Посмотрим, какую часть зерновых доходов хотя бы одного храма составляли поступающие в него *htp ntr*, согласно данным папируса Гарриса.

Как известно, в этом папирусе различается несколько последовательно расположенных в каждом разделе статистических сводок.

⁷⁹ P. E. Newberry, *The Life of Rekhmara*, Westminster, 1900, pl. XXII, 1, 1; pl. XIX, 11, 1, 5, 6.

⁸⁰ Ibid., pl. III, 1, 11; pl. XII, 11, 1—8; pl. XIII—XIV.

В первых сводках отмечаются владения храмов, состоящие из людей («голов»), скота, земли, садов, судов, поселений⁸¹.

Во вторых сводках перечисляются все ежегодные поступления в сокровищницы и амбары храмов от числящихся за храмами производителей (как свободных, так и рабов) — людей «семдет»⁸².

В третьих сводках перечисляются, по-видимому, дары царя в храмы главным образом в виде драгоценностей, предметов роскоши, различной утвари и т. п.⁸³.

В четвертых сводках идет речь о дополнительно выделенных царем «божественных жертвоприношениях» зерном, поступавших во время некоторых празднеств, по-видимому, во многие, неуказанные храмы в течение 31 года правления Рамзеса III⁸⁴.

В пятых и последних сводках приведено количество ритуальных жертвоприношений в виде хлеба, благоволий, вина, меда, фруктов, тканей, шкур, изделий ремесла, птицы, рыбы, овощей, цветов и т. п., поступавших в храмы периодически от царя во время тех или иных празднеств⁸⁵. Так как зерно несомненно являлось основным продуктом, отчисленным с владений храмов в царские и храмовые хранилища, то интересно сопоставить данные вторых и четвертых сводок папируса Гарриса и таким путем выяснить, какую часть зерновой продукции храмы получали в свое полное пользование.

Рассматривая статистические показания этих двух сводок фиванского раздела, мы видим, что земледельцы храмов фиванской группы производили ежегодно в среднем 309 950 хар зерна⁸⁶. В то же время величина «боже-

⁸¹ Harris, 10,1—11,11; 31,1—32a,6; 51a,1—51b,2; 61a,1—62a,10; 67,1—68b,3.

⁸² Ibid., 12a,1—12b,13; 32b,7—32b,14; 51b,3—52a,3; 62a,11—62a,13; 68a,4—70a,2.

⁸³ Ibid., 13a,1—16a,12; 33a,1—34b,5; 52a,4—53b,11; 62b,1—65b,16; 70a,3—74,10.

⁸⁴ Ibid., 16a,13—16a,15; 34b,6—34b,9; 53b,12—54a,1; 66a,1—66a,4; 74,11—74,12.

⁸⁵ Ibid., 17a,1—21b,10; 34b,10—37a,13.—Обратим внимание, что хотя в данных сводках идет речь о предметах ритуального назначения, являвшихся полным храмовым достоянием, эти предметы все же определялись царем. Возможно, это объясняется тем, что они предназначались для вновь созданных или расширенных Рамзесом III храмов и святилищ.

⁸⁶ Harris, 12b, 3.

ственных жертвоприношений», поступивших за 31 год, была равна 2 981 674 харам⁸⁷.

Казалось, достаточно разделить последнее число на 31, сравнить полученный результат с числом хар 309 950, чтобы выяснить, какая доля произведенного в храмовых владениях зерна составляла собственно храмовый (точнее жреческий) доход.

Однако такой подход к решению проблемы был бы неправилен. Дело в том, что во вторых сводках речь идет только о некоторых, дополнительных поступлениях, идущих от непосредственных производителей небольшого числа вновь созданных или расширенных Рамзесом III храмовых хозяйств. Между тем в четвертых сводках фиксируются «божественные жертвоприношения», поступавшие во время празднеств во все храмы той или иной группы. В фиванскую группу религиозных центров входило значительно большее количество храмов и святилищ, чем это отмечено в папирусе Гарриса. Поэтому сравнивать непосредственно данные вторых и четвертых сводок нельзя. В них учитываются различные, часто нам неизвестные и потому несопоставимые факторы.

Можно пойти по иному пути для решения поставленной нами задачи — использовать другой источник — так называемый календарь «праздничных жертвоприношений» из Мединет Абу. В этом чрезвычайно интересном документе, изданном еще Дюмихеном⁸⁸, точно указывается величина всех «божественных жертвоприношений», поступавших в течение года на все праздники в заупокойный храм-святилище Рамзеса III в Мединет Абу.

Общая сумма этих жертвоприношений, потреблявшихся в течение года, была равна 28 008 харам зерна⁸⁹. Если бы теперь удалось определить величину приношений зерном в один только заупокойный храм Рамзеса III, то можно было бы выяснить и долю «божественных жертвоприношений» в общих зерновых сборах этого храма. Нельзя забывать, что храм в Мединет Абу был

⁸⁷ Ibid., 16a, 15.

⁸⁸ G. Dümichen, *Die Kalendarischen opferfestlisten im Tempel von Medinet-Habu (10 Tafeln)*, Leipzig, 1881; H. Brugsch, *Thesaurus inscriptionum aegyptiacarum*, T. II, Leipzig, 1883, S. 364.

⁸⁹ H. D. Schaedel, *Die Listen...*, S. 65.

основан Рамзесом III и потому в папирусе Гарриса должны были учитываться все поступления, получаемые от земледельцев этого религиозного и хозяйственного центра.

Как нам известно, в папирусе Гарриса во второй сводке фиванского раздела отмечается общее количество зерна, получаемого от непосредственных производителей нескольких храмов, а не только заупокойного святилища Рамзеса III. Поэтому сначала нужно выделить из общего количества зерна в 309 950 хар долю храма в Мединет Абу.

Это можно сделать, если учесть, что в папирусе Гарриса за фиванскими храмами зафиксировано 86 486 «голов» людей — непосредственных производителей, рабов и свободных. В то же время один только заупокойный храм Рамзеса III получил 62 626 «голов»⁹⁰. Конечно, нельзя представить, чтобы за остальными пятью упомянутыми в папирусе Гарриса фиванскими храмами числилось только 23 860 «голов» (т. е. 86 486 «голов» — 62 626 «голов»). 23 860 — лишь число людей, добавленных Рамзесом III нескольким храмам, и потому оно не характеризует общего числа производителей, зафиксированных за ними в папирусе Гарриса.

Для осуществления наших целей этот факт, однако, не имеет большого значения, так как число «голов» 62 626, отмеченное в папирусе Гарриса за храмом в Мединет Абу, отражало подлинное, полное число производителей, находившихся в распоряжении этого храма.

Несомненно, 62 626 «голов» полностью входили в итоговое число «голов», отмеченных за фиванскими храмами (86 486). Кроме того, если цифра 86 486 не обозначала всех имевшихся у фиванских храмов упомянутых в папирусе Гарриса «голов», то в такой же мере цифра 309 950 не соответствовала общей величине зерновых поступлений от этих храмов. В том и другом случае в равной степени приходится учитывать характер записей папируса Гарриса, где идет речь не о всех храмовых богатствах и владениях, а лишь о тех, которые были созданы или расширены Рамзесом III.

⁹⁰ Harris, 11,4; 10,3.

На основании сказанного выше можно построить следующую пропорцию:

$$\begin{array}{l} 86\,486 \text{ «голов»} — 309\,950 \text{ хар} \\ 62\,626 \text{ «голов»} — x \\ x \approx 224\,428^{91} \text{ хар} \end{array}$$

Таким образом, мы определили вероятное количество производимого во владениях заупокойного храма Рамзеса III зерна.

Сравним теперь полученное число хар (224 428) с числом хар (28 008), поступавших, по свидетельству календаря из Мединет Абу, ежегодно в заупокойный храм Рамзеса III в качестве «божественных жертвоприношений». Последние составляли примерно восьмую часть всех зерновых сборов этого храма.

Итак, «божественные жертвоприношения» *hṯp nṯr* далеко не покрывали всех тех зерновых сборов, которые поступали с храмовых территорий. Следовательно, упоминание *hṯp nṯr* в надписях, сообщающих о различных дарах в храмовые центры, не следует расценивать всего лишь как регламентацию внутренних трат жречества храмов.

Мы полагаем, что они представляли собой собственно храмовый, т. е. жреческий, доход, определяли ту часть материальных ценностей, хранившихся в амбарах и сокровищницах храмов, которую могли потреблять жрецы на свои нужды. Остальное принадлежало царю и именно царь устанавливал величину *hṯp nṯr*. «Божественные жертвоприношения» по существу являлись формой оплаты деятельности жрецов, а также фондом, за счет которого осуществлялись различные обрядовые действия. Потребительский по преимуществу характер *hṯp nṯr* (хлеб, вино, пиво, мясо и т. п.) в противоположность таким достояниям храмов, как земля, скот или люди (т. е. в противоположность средствам производства и работникам производства), полностью соответствует нашему пониманию сущности «божественных жертвоприношений».

⁹¹ Конечно, не все «головы» были земледельцами. Однако для построения подобной пропорции это не является препятствием, так как вероятность необходимой поправки остается одинаковой в обоих числах — и в 86486, и в 62626.

Будучи собственно храмовыми доходами, *ḥtp nṯ* находились в распоряжении храмового персонала, именно поэтому в некоторых надписях в качестве даро жрецов отмечаются прежде всего потребительские ценности, т. е. то, что составляло «божественные жертвоприношения». Данный факт ярко проявляется, например в контрактах Хапиджефаи или в известной надписи о удочерении фиванской «супругой бога» Нейтикерт, дочери Псамтика I.

Как свидетельствует надпись, Нейтикерт получил большие дары от царя и жрецов. При этом оказывается, что землю в 11 номах Верхнего и Нижнего Египта, площадью более 3 тыс. арур «вместе с вещами всякими поступающими с поля и поселения», подарил ей царь жрецы же дарили почти исключительно натуральное довольствие в виде строго определенных количеств ежедневных и ежемесячных поступлений, состоящих из хлеба, вина, овощей, быков и гусей. Исключение составлял только сын четвертого жреца Амона и правителя Фив Несиптах, подаривший Нейтикерт 100 арур земли.

Обратим внимание, что жрецы не просто дарили Нейтикерт различное натуральное довольствие, но передавали его в храм Амона для Нейтикерт⁹².

Фиванские жрецы переуступали Нейтикерт право распоряжаться теми доходами храма, которыми пользовались раньше сами. Допустимо полагать, что речь идет здесь о *ḥtp nṯ*⁹³.

Каково значение выведенного выше числа — показателя доли *ḥtp nṯ* в общехрамовых зерновых сборах (восьмая часть) — для жречества?

Если в течение года жрецы заупокойного храма Мединет Абу получали 28 008 хар зерна, то ежедневно они располагали в среднем 76,7 харами, или более 5522 л зерна. Это довольно значительное число. Нужно только учитывать, что та часть «божественных жертвоприношений», которая оставалась за вычетом на ритуальные траты, распределялась среди сравнительно не большого круга лиц, принадлежавших к обслуживаю

⁹² G. Legrain, *Deux stèles trouvées à Karnak en février 1897*, ZAS, Bd 35, 1897, p. 18, ll. 17—24, 27; p. 19, ll. 28—39.

⁹³ Следует отметить, что в ливийско-саисское время существовала и особая категория чисто храмовых земель, называвшихся *ḥ ḥtp*, соответствовавших *ḥtp nṯ*.

шему персоналу храма. Подавляющее большинство «семдет» храмов ничего не получало, так как они сами себя обеспечивали, ведя самостоятельное хозяйство. Однако и благополучие жрецов ни в коем случае не зависело полностью от этих выдач: в их пользовании или владении обычно были земельные наделы на храмовой территории, где они вели свое хозяйство непосредственно или сдавая небольшие участки арендаторам для обработки.

Чтобы оценить, насколько значительны были «божественные жертвоприношения», нужно иметь в виду, что они не исчерпывались зерновыми отчислениями. Как мы уже говорили, ряд производств ритуального назначения, развитых в храмовых владениях, поставлял нередко свою продукцию в полное и безраздельное распоряжение храмов и обслуживающего жреческого персонала. В поздние эпохи и часть земель имела характер храмовых *ḥtp ntr*. Таким образом, величина «божественных жертвоприношений» равная примерно восьмой части общего количества храмовых зерновых сборов, далеко не покрывает всех чисто храмовых или жреческих доходов. Можно не сомневаться, однако, что эти доходы составляли меньшую часть ценностей, производимых в храмовых владениях.

Остальное потреблялось царем и его двором, о чем и сообщали некоторые из рассмотренных нами источников.

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ХРАМОВЫМИ ХОЗЯЙСТВАМИ ЭПОХИ НОВОГО ЦАРСТВА

По свидетельству многочисленных источников, храмовое хозяйство в эпоху Нового царства управлялось единой светско-жреческой администрацией, что часто находило отражение в совмещении одним и тем же лицом нескольких административных обязанностей (как светских, так и жреческих).

Например, некто Аменхотеп (время XVIII династии), будучи «царским сыном Куш» и «начальником конюшни его величества», одновременно выполнял служебные обязанности «начальника скота Амона»⁹⁴.

⁹⁴ W. Wolf, *Amenhotep, Vizenkönig von Nubien*, — ZÄS, Bd 59, Hft 2, 1924, S. 158.

Князь, писец Инена, как свидетельствует его автобиографическая надпись, одновременно являлся «начальником работ в Карнаке» и «начальником двойного амбара Амона»⁹⁵.

Тхутинофр (время XVIII династии), будучи сыном правителя Фив, носил звание «писца счета зерна в амбаре божественных жертвоприношений Амона»⁹⁶.

Сенмут, знаменитый фаворит царицы Хатшепсут, располагая титулом «великого начальника дома царя», руководил всем храмовым хозяйством в качестве «начальника храма Амона», «начальника двойного амбара Амона», «начальника полей Амона», «начальника скота Амона», «главы мерет Амона» и т. п.⁹⁷.

Аменемхет (время XVIII династии), «начальник дома вазира» был также и «писцом счета зерна в амбаре Амона», «писцом счета зерна в амбаре божественных [жертвоприношений Амо]на», «начальником дома подсчета людей [Амона]», «начальником дома подсчета полей», «начальником дома счета меди», «главой мерет Амона»⁹⁸.

Первый глашатай Дуарнехех, согласно данным его автобиографической надписи, был назначен начальником храма Амона для того, чтобы распоряжаться мерет, скотом, полями, садами, производить подсчет повинностей, заниматься учетом ячменя, пшеницы, ежегодно поступавших в храм.

Современник Аменхотепа II Кенамон, будучи «наследственным князем», «великим начальником дома царя», «семером первым среди придворных», «носителем опахала с правой стороны царя», «нижнеегипетским казначеем», кроме того, носил титулы, показывающие, что храмовое хозяйство Амона также находилось под его контролем. Так, он был «начальником скота Амона», «начальником стражи двойного амбара Амона», «начальником „першена“ Амона»⁹⁹.

Как свидетельствует надпись на статуе Минмесу (время Аменхотепа II) — «наследственного князя»,

⁹⁵ Urk IV, 55, Z. 7; 62, Z. 20; 63, Z. 7; 68; 69; 70, Z. 7.

⁹⁶ Ibid., 135.

⁹⁷ Ibid., 408, Z. 10; 401—410, 412, 413, 417.

⁹⁸ Urk IV, 1045—1052.

⁹⁹ W. Helck, Urk IV (W. Helck, *Urkunden der 18 Dynastie*, Hft 18, Berlin, 1956), S. 1379, Z. 4.

«единственного семера» и «начальника жрецов Монта, владыки Фив», — царь назначил его руководить работами во всех храмах Египта ¹⁰⁰.

Вельможа Маанахтеф, являвшийся «начальником двойного амбара царя на юге и севере», «начальником дома царя», «начальником полей владыки двух земель», «начальником скота благого бога (т. е. фараона)», «начальником земледельцев», «начальником всех мерет царя», выполнял также обязанности «начальника храма Монта, владыки Фив» ¹⁰¹.

Современник Тутмоса III Менхепер был жрецом — «уабом Амона», но также и «начальником двойного амбара владыки двух земель» ¹⁰².

Ряд источников Нового царства показывает контроль светских чиновников над храмовыми хозяйствами.

Так, в период правления Тутмоса IV специальное судебное разбирательство, происходившее в присутствии вазира, отклонило жалобу воина Мериу на якобы противозаконное обложение светскими чиновниками храма Хатор платежами или повинностями ¹⁰³.

Храм Хатор выступает в данном случае как находящийся под управлением и контролем царской администрации.

«Царский казначей Северного Египта, возлюбленный владыки двух земель», носивший звание «глаза царя Верхнего Египта и уши царя Нижнего Египта», современник Аменхотепа III, царский писец Аменхотеп руководил сооружением заупокойного храма-святилища фараона при храме Птаха в Мемфисе ¹⁰⁴.

Интересные данные о подчинении при Рамессидах храмового хозяйства царской администрации содержит и давно уже изданный папирус 1086 Болонского музея. В этом документе зафиксировано письменное обращение писца Бакенамона к его непосредственному

¹⁰⁰ Ibid., 1441, 1443.

¹⁰¹ Ibid., 1482, 1483.

¹⁰² Ibid., 1535 C.

¹⁰³ W. Spiegelberg, *Ein Gerichtsprotokoll aus der Zeit Thutmosis IV*, — ZAS, Bd 63, 1928, Ss. 106, 107.

¹⁰⁴ W. M. Fl. Petrie, G. A. Wainwright and A. H. Gardiner, *Tarkhan I and Memphis V*, pl LXXIX, 11, 2—5, p. 33 (на даниую надпись любезно обратила наше внимание М. Э. Матье).

руководителю Рамесу, жрецу храма Тота, по поводу розысков сирийского раба-земледельца, уведенного из владений храма. В письме ясно показано, что светская царская администрация во главе с вазиром ведала снабжением храмовых владений работниками и сбором урожая с этих владений. Рамес беспокоился, что с него удержат часть урожая и за уведенного раба-земледельца. Миссия писца Бакенамона в том и состояла чтобы договориться с центральной царской администрацией о невзимании 200 хар зерна, причитавшихся с Рамеса за раба-земледельца, ввиду фактического отсутствия последнего на землях храма Тота.

Такая большая величина отчисления с одного взрослого работника, возможно, объясняется тем, что речь шла об обработке земель владений поместного типа. Каждый работник обрабатывал большой земельный массив и потому обеспечивал сбор значительной массы зерна¹⁰⁵.

Как сообщается в одном из писем — школьном упражнении времени Рамессидов, жрец — уаб храма Гора мог находиться в подчинении у начальника этого храма Птаха, бывшего одновременно царским писцом¹⁰⁶.

Из другого письма явствует, что зерно, собранное во владениях храма Амона-Ра, могло транспортироваться в соответствии с царским распоряжением в амбары на барках, находившихся под начальством Паухема — «старшего конюшего президентии»¹⁰⁷.

В Болонском папирусе 1094 жрец храма Сутеха, по имени Парамхебра, просит «начальника храма» Сутеха заступиться за него перед вазиром, который требует с него серебро, как якобы причитающееся с владений храма Сутеха, хотя в действительности он платить не должен¹⁰⁸.

¹⁰⁵ W. Wolf, *Papyrus Bologna 1086*, — ZAS, Bd 65, Hft 2, 1930, Ss. 92, 95, 96, Zz. 25—27. — Вспомним, что, по данным уже использованного нами документа из Лахуна, дневная норма выработки одного человека равнялась 10 арурам.

¹⁰⁶ Pap. Bologna 1094, — A. H. Gardiner, *Late-Egyptian miscellanies*, Bruxelles, 1937, p. 8.

¹⁰⁷ Pap. Turin 1882, vs 11,4, — A. H. Gardiner, *Ramesside administrative documents*, p. 83.

¹⁰⁸ Pap. Bologna 1094, 5,8—7,1.

В Туринском папирусе «В» упоминается царский писец, возглавлявший работы и в царском святилище, и в храме Мут¹⁰⁹.

В Амьенском папирусе зафиксирован отчет о сборе зерна во владениях храма Амона. Зерно взимается прямо на токах, за которые отвечают различные лица, как жрецы, так и представители царской администрации — контролеры, писцы¹¹⁰. Отдельные части владения храма Амона-Ра возглавляют при этом «верховный жрец Амона», «контролеры», «царский писец, начальник двойного амбара Рамзесунахт¹¹¹.

В Туринском папирусе 1895—2006 (время Рамзеса XI) говорится, что «писец некрополя» Тутмос с двумя привратниками взимает зерно с земли «хато» фараона, получая его непосредственно «из руки» жреца Сутеха, маджая, писцов, заместителя¹¹².

Вазир Гори (XXII династия), будучи сыном жреца Амона, руководил хозяйством храма в качестве «начальника амбаров дома Амона»¹¹³.

Многочисленные факты, подтверждающие участие представителей светской администрации в управлении храмовыми хозяйствами, содержатся и в папирусе Вильбура, на что особенно обращает внимание его издатель Гардинер¹¹⁴.

Весьма убедительные данные о тесном переплетении руководящих инстанций светской и жреческой бюрократии, светских и храмовых хозяйств можно найти и в книге А. Вайля «Вазирь империи фараонов». В этой работе почти все вазирь Древнего Египта стояли во главе храмов, являлись жрецами тех или иных божеств, в том числе и фиванского бога Амона-Ра.

Так, вазир Хапусенеб (время Тутмоса II и Хатшепсут) являлся «верховным писцом Амона», «началь-

¹⁰⁹ Pap. Turin B, vs 2,3—4,2, — A. H. Gardiner, *Late-Egyptian miscellanies*, pp. 126, 127.

¹¹⁰ Pap. Amiens, rt 2,1; 2,2; 2,8; 3,5; 3,7; 3,11; 3,14; 4,6; 4,10, — A. H. Gardiner, *Ramesside administrative documents*, pp. 2—6.

¹¹¹ Ibid., pp. 12, 13, vs 4x + 9; 5x + 6; 5x + 8; 5x + 9; 5x + 10.

¹¹² Pap. Turin 1895 + 2006, rt 2,2; 2,3; 3,2; 3,11; 3,12; 4,6; 5,5; 5,8; 5,10; 5,11; vs 4,2; 4,3, — A. H. Gardiner, *Ramesside administrative documents*, pp. 36—40, 42, 44.

¹¹³ H. Kees, *Der Wesir Hori, Sohn des Intick*, — ZAS, Bd 83, Hft 2, 1938, S. 132.

¹¹⁴ A. H. Gardiner, *The Wilbour Papyrus*, vol. II, pp. 20—22.

ником жрецов юга и севера», «главой в Карнаке, в храмах Амона, в каждой земле Амона», «начальником каждой должности храма Амона», «начальником храмов»¹¹⁵.

Современник Хатшепсут, вазир Яхмес, имел титул «божественного отца».

Вазир Усерамон, живший при Тутмосе III, являлся «начальником двойного амбара Амона».

Небезызвестный вазир Тутмоса III Рехмира среди прочих титулов носил также и жрецское звание «урмау»¹¹⁶.

Нижнеегипетский вазир Тутмос, правивший при Аменхотепе II и Тутмосе IV, был тесно связан с храмом Птаха в Мемфисе. Его сын Птахмес при Аменхотепе III занимал должность «начальника жрецов юга и севера». Одновременно он также возглавлял в Мемфисе храм Птаха в качестве его верховного жреца.

Верхнеегипетский вазир Рамес (время Аменхотепов III и IV) был «начальником жрецов юга и севера»¹¹⁷.

Вазир Пасер (время Сети I) занимал должность «начальника жрецов юга и севера», располагая также званием «первого жреца Амона в Гермонтисе»¹¹⁸.

Сын вазира Парамеса, вазир Сети (время Харемхеба), являлся одновременно «первым жрецом Сета» и «начальником жрецов каждого бога»¹¹⁹.

«Начальником жрецов каждого бога юга и севера», возглавлявшим также культ Птаха в Мемфисе в качестве верховного жреца последнего, был современник Рамзеса II — вазир Нюфренпит¹²⁰.

Другой современник Рамзеса II, вазир Рахотеп, стоял во главе фиванского жречества в качестве «первого жреца Амона».

¹¹⁵ A. Weil, *Die Weziere des Pharaonenreiches*, Strassburg, 1908, Ss. 69, 70.

¹¹⁶ Ibid., Ss. 73—76.

¹¹⁷ R. Anthes, *Die hohen beamten namens Ptahmese in der 18 Dynastie*, — ZAS, Bd 72, Hft 1, 1936, S. 68; A. Weil, *Die Weziere...*, S. 86.

¹¹⁸ A. Weil, *Die Weziere...*, Ss. 89, 90; R. Anthes, *Der Wesier Paser als Hoherpriester des Amon in Hermonthis*, — ZAS, Bd 67, 1931, S. 8.

¹¹⁹ A. Weil, *Die Weziere...*, S. 93.

¹²⁰ R. Anthes, *Der Wesier Paser...*, Ss. 7, 8; A. Weil, *Die Weziere...*, Ss. 94, 95.

«Начальником жрецов каждого бога» являлись вазирь: Хаи (время Рамзеса II) и Панехси (время Мернептаха).

Вазирь Панофр и Рамзесунахт (время Рамзеса III и Рамзеса IV) были верховными жрецами Амона. Последний имел также и титул «начальника жрецов всех богов Фив»¹²¹.

Таковы некоторые данные относительно концентрации жреческих званий и должностей в руках вазирь Нового царства. Необходимо отметить, что этот перечень вазирь, бывших одновременно жрецами и руководителями жрецов, далеко не полон. Мы привели наиболее важные титулы из тех, что обычно имели вазирь. Вазирь Нового царства находились часто в родстве с жреческими фамилиями Египта, в особенности с жречеством Фив. Как показывает специально проведенный А. Вайлем анализ, «на протяжении всего Нового царства, вплоть до конца XXII династии, существовала тесная связь между вазиратом и верховным жречеством Амона»¹²².

Так, при Тутмосе I и Тутмосе II сын верховного жреца Амона Имхотеп был вазирем, а внук последнего Хапусенеб — верховным жрецом Амона и вазирем.

При Аменхотепе II один из сыновей некоего вельможи Хевимаи был вазирем (Аменемипет), а другой имел звание «верховного жреца Амона» (Сеннофр)¹²³.

Брат вазиря Рахотепа (современник Рамзеса II) Минмесу был «верховным жрецом Амона».

Другой вазир Рамзеса II Парахотеп был внуком «верховного жреца Амона» Уененнофра. Один из сыновей Рамзесунахта — вазиря и верховного жреца Амона при Рамзесе III и Рамзесе IV — имел звание вазиря (Нфрренпит), а другой — «верховного жреца Амона» (Аменхотеп)¹²⁴.

Нужно, однако, отметить, что аристократические фамилии таких жреческих центров, как Мемфис, Гелиополь или Танис, также находились в непосредственной

¹²¹ A. Weil, *Die Veziere...*, Ss. 102, 104, 111, 114, 115.

¹²² Ibid., S. 174.

¹²³ Ibid., S. 170. — Сеннофр, контролируя все храмовое хозяйство Амона, носил в то же время и ряд светских титулов: «правитель южного города» (т. е. Фив), «нижнеегипетский казначей» (W. Helck, *Urk IV. 1417—1432*).

¹²⁴ A. Weil, *Die Veziere...*, S. 171.

связи с институтом вазирата, в частности вазирата нижнеегипетского.

При Аменхотепе III верховный жрец Птаха в Мемфисе Птахмес руководил всеми жрецами Египта, а его отец Тутмос был даже нижнеегипетским вазиром.

При Рамзесе II вазиром стал верховный жрец в Мемфисе Нюфррентит, получивший также звание «начальника жрецов юга и севера»¹²⁵.

Подобные случаи связи вазирата с жречеством Нижнего Египта несомненно объяснялись общим стремлением фараонов Нового царства найти на севере страны какой-то противовес чрезмерно усилившейся фиванской жреческой аристократии, из среды которой выходили вазираты и верховные жрецы Амона¹²⁶.

Подведем некоторые итоги. Мы сослались лишь на факты совмещения одними и теми же лицами светских и жреческих обязанностей. Все это характеризует неразрывное единство светских и жреческих элементов по всей хозяйственной и административной организации Древнего Египта эпохи Нового царства.

В свете всего сказанного выше нельзя не согласиться со следующим выводом В. Эджертона: «Храмы богов должны рассматриваться как департаменты царской административной системы»¹²⁷.

Если храмы, а следовательно и храмовые хозяйственные комплексы, представляли собой «департаменты царской административной системы», то жречество являлось лишь специфической формой чиновничества, вследствие чего тесное переплетение светских и жреческих должностей в административном аппарате Древнего Египта было вполне естественным и закономерным. По сути дела различие между светскими и жреческими чиновниками было выражено очень слабо. По словам Кееса, «жречество и Египте — царская служба». То, что они (служители храмов) не были жрецами, но считались царскими чиновниками, Кеес полагает бесспорным¹²⁸.

¹²⁵ R. Anthes, *Der Wesier Paser...*, S. 8.

¹²⁶ J. Beckerath, *Tanis and Theben, historische Grundlagen der Ramessidenzeit in Ägypten*, — Glückstadt—Hamburg—New York, 1951.

¹²⁷ W. Edgerton, *The government and the governed in the Egyptian Empire*, — JNES, vol. IV, 1947, № 3, p. 156.

¹²⁸ H. Kees, *Das Priestertum im Ägyptischen Staat vom Neuen Reich bis zur Spätzeit*, Leiden—Köln, 1953, Ss. 1, 77.

Аналогичного мнения придерживается и французский египтолог Сонерон, недавно опубликовавший небольшую книжку под названием «Жрецы Древнего Египта». Как заявляет Сонерон, «они (египетские жрецы. — И. С.) не имеют ничего общего со жрецами древних евреев, тем более со жрецами христиан, это люди, подобные всем прочим, не наделенные никакими привилегиями божественного характера... чиновники особого рода, они являются представителями царя для исполнения вместо него определенных ритуальных действий». В этой же книге говорится о том, что «нет ничего более несвойственного духу египтян, чем мысль о возможности отделения церкви от государства»¹²⁹.

Жрецы представляли церкви лишь специально назначаемых заместителей фараона — единственного полноправного представителя богов на земле. Это делалось, чтобы освободить царя от бесчисленных ритуальных обязанностей¹³⁰.

Многие документы, относящиеся к различным периодам египетской истории, содержат данные о том, что жрецы, как и самые обыкновенные светские чиновники, получали свои полномочия от фараона.

Например, Тутмос III назначил некоего Небуауи «верховным жрецом Осириса»¹³¹.

Тутанхамон, восстанавливавший храмы, пришедшие в упадок в амарнский период, согласно надписи, найденной в 1905 г. в Карнаке, назначал жрецами детей правителей поселений¹³².

Рамзес II в первый год правления, прибыв в Тинисский ном, назначил местного «верховного жреца Ону-риса» и «верховного жреца Хатор, владычицы Дендеры» Небуненефа на должность «верховного жреца Амона в Карнаке»¹³³.

Большой интерес представляет автобиографическая надпись верховного жреца Амона Бакенхонсу (время

¹²⁹ S. Sauneron, *Les prêtres de l'ancienne Egypte*, Paris, 1957, pp. 32—33, 171.

¹³⁰ H. Kees, *Das Priestertum...*, S. 30.

¹³¹ K. Sethe, *Altes und Neues zur Geschichte der Thronstreitigkeiten unter den Nachfolgern Thutmosis I.*—ZAS, Bd 36, 1898, S. 71.

¹³² G. Legrain, *La grande stèle de Toutankhamanou à Karnak*,—RT, vol. 29, 1907, p. 165, l. 17.

¹³³ K. Sethe, *Die Berufung eines Hohenpriesters des Amon unter Ramses II.*—ZAS, Bd 44, 1907, Ss. 30—35, Taf. I, Zz. 1—5.

Рамзеса II), показывающая, что его карьера жреца, как и карьера всякого чиновника, определялась благоволением фараона. Эта надпись гласит: «Восхвалял он (Рамзес II.—И. С.) меня, отличал он меня ради моих достоинств, назначил он меня верховным жрецом Амона...»¹³⁴.

Не следует, однако, думать, что только представители высшей жреческой иерархии получали свои полномочия от царя и подчинялись светской администрации. В аналогичном положении находились и жрецы низших ступеней. О последнем свидетельствует, например, исключительно любопытный текст — школьное упражнение писца, сохранившееся в Булонском папирусе 1094.

Писец Паухем докладывает своему начальнику, писцу Маху: «Еще одно сообщение моему господину о следующем. Прислал вазир трех юношей, приказав: „Пусть сделают их жрецами в заупокойном храме — святилище Мернептаха-Хетепхермаат, ж. н. з. в доме Птаха“. И вот их схватили и увлекли на север, заявив: „Да будут они воинами“»¹³⁵.

Как видим, выбор карьеры жреца или солдата определялся иногда случайными факторами — произволом администрации¹³⁶.

Египетское жречество не только получало полномочия от светской администрации, но также постоянно ею контролировалось. Это относится как к самым высшим, включая и должность верховного жреца Амона, так и к низшим жреческим должностям. Согласно декрету Сети II, жрец, заподозренный в неблагоприятных махинациях, отстранялся от должности и переводился на положение храмового земледельца¹³⁷.

Как повествует современник Аменхотепа III Небнефер в автобиографии, сохранившейся на обломке его

¹³⁴ H. Brugsch, *Thesaurus inscriptionum aegyptiacarum*, T. IV, Leipzig, 1891, S. 1240, Z. 3.

¹³⁵ Pap. Bologna 1094, 5,2—5,4.

¹³⁶ Как не согласиться в этой связи с высказыванием Эджертон о том, что «жрецы и другие храмовые служители были такими же агентами фараона, как и армейские офицеры или сборщики налогов» (W. Edgerton, *The government and the governed in the Egyptian Empire*, — JNES, vol. VI, 1947, № 3, p. 156).

¹³⁷ W. Helck, *Nachlese zu ramessidischen Inschriften*, — ZAS, Bd 83, Hft 2, 1958, Ss. 145, 146.

статуи, стоило фараону послать царского писца к верховному жрецу Амона Мернептаху с предписанием назначить начальником амбара божественных жертвоприношений некоего Хеви, как Мернептах тотчас же по оропился исполнить этот царский приказ¹³⁸.

Фараоны могли и сами располагать жреческими титулами. Так, Рамзес II, до того как сделал верховным жрецом Амона тинисца Небуненефа, сам носил это звание. }

Обнаруженный Легреном в большом гипостильном зале Карнакского храма рельеф изображает переноску священной барки Амона под наблюдением царя, который назван следующим образом: «Верховный жрец Амона, царь Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Сетепенра, сын Ра, Рамзес Мериамон, которому дана жизнь»¹³⁹. Сочетание титулов «верховный жрец Амона» и «царь Верхнего и Нижнего Египта» выглядит несколько необычно, но по существу это вполне закономерно. Важно отметить другое. Как мы знаем, Рамзес II недолго играл роль верховного жреца Амона, передав и эту должность, и все связанные с нею обязанности Небуненефу. Нам представляется в данной связи бесспорным, что Рамзес II никогда так быстро (уже в первый год правления) не отказался бы добровольно от жреческого звания, если бы вместе с этим он терпел какой-либо материальный ущерб, если бы вслед за этим мероприятием царская казна лишилась источников дохода, поступающих в распоряжение нового верховного жреца Небуненефа, которыми раньше Рамзес II пользовался в качестве главы Фиванского жречества. Остается предположить, что отказ от жреческого титула не мог привести к изменениям во взаимоотношениях царской власти с храмовым хозяйством Фив. Небуненеф был всего лишь слугой Рамзеса II, слугой, обязанным защищать интересы фараона столь же ревностно и в том же объеме, как это раньше делал сам Рамзес II — царь и жрец.

Фараон не только мог быть жрецом, ему самому поклонялись как божеству. В царе видели «последова-

¹³⁸ J. H. Breasted, *Ancient records of Egypt*, vol. II, Chicago, 1906, pp. 380, 381.

¹³⁹ K. Sethe, *Ramses II als «erster Prophet des Amun»*, — ZAS, Bd 58, Hft 1, 1923, S. 54.

теля бога Геба на земле, который передал ему (царю. — И. С.) наследство богов Гора и Сета в обеих египетских землях»¹⁴⁰. По представлению египтян, отцом фараона являлся не только и не столько обожествленный земной царь, сколько непосредственно небесный владыка, вступивший в брачный союз с матерью фараона, в облике ее земного мужа. Подобное представление было традиционным. Оно нашло выражение в известных описаниях истории рождения Хатшепсут и Аменхотепа III. О Хатшепсут сказано, например: «облик ее, как у бога», «совершает она все как бог»¹⁴¹. Фараона называли «благим богом», «сыном Ра от плоти его»¹⁴².

Большой интерес представляет одна из последних работ Лабива Хабаши, в которой автор, основываясь на ранее известных данных, а также используя последние находки в Элефантине, убедительно показывает, что земные отцы основателей новых династий носили обычно почетный титул «отец бога». Так, Хабаши установил, что «отец бога», по имени Хети, был отцом основателя IX династии, а также что детьми «отца богов», по имени Ментухотеп, были первые фараоны XI династии — Сехертауи Интеф и Уаханх Интеф. «Отец бога» Сенусерт, упоминаемый в списке царей, сохранившемся на стене одного сооружения Аменхотепа I, являлся отцом основателя XII династии — фараона Аменемхета I¹⁴³.

Верующие в молитвах обращались с просьбами к фараонам, причем не только к умершим и соединившимся в их представлении с небесными богами, но и к здравствующим. В восточной части Дельты, в Телль Хорбете, на месте расположения военной колонии Рамзеса II обнаружено множество статуй и стел, посвященных различным божествам, перед которыми молились колонисты. Среди них чаще других встречаются изображения Рамзеса II. При этом фараон наделен

¹⁴⁰ H. Kees, *Das Priestertum...*, S. 1.

¹⁴¹ E. Naville, *The templ of Deir el Bahari*. pt III, London, 1898, pl. LVII, II. 2, 3.

¹⁴² См. хотя бы надписи на статуях некоторых фараонов XVIII династии, обнаруженных недавно в Судане (J. Vercoutter, *New Egyptian texts from Sudan*, — «Kusch», Khartum, vol. IV, 1956, pp. 62—82).

¹⁴³ Labib Habachi, *God's father and the role they played in the History of the first intermediate period*, — ASAE, t. LV, 1958.

следующими эпитетами: «Монт в обеих землях», «Великий бог, слушающий (мольбы)», просто «Бог»¹⁴⁴. Рамзес II отождествляется с богом Монтом в поэме о битве при Кадеше, прославляющей его победы над хеттами, в том месте, где сообщается об основании нового города в пограничной полосе между Палестиной и Дельтой¹⁴⁵.

Если фараон уже при жизни считался земным богом и сыном бога небесного, то мать фараона, естественно, носила титул «супруги бога», причем не только как жена бога-фараона, но главным образом как жена небесного владыки, от брачного союза с которым и рождался законный наследник престола — следующий фараон.

Впоследствии, в особенности уже в Египте позднего времени, звание «супруги бога» и его варианты стали жреческими титулами, обозначавшими как верховную правительницу Фиваиды, так и главу фиванского жречества.

Нужно, однако, отметить, что титул «супруга бога» имел всегда жреческий оттенок, даже тогда, когда он обозначал просто законную царицу. Жена фараона должна была, например, принимать участие в некоторых религиозных мистериях¹⁴⁶.

Мы привели лишь некоторые факты, показывающие, насколько сильным было в Древнем Египте представление о божественной сущности царя и его власти.

Традиция полного отождествления царя с божеством была постоянной на всем протяжении древнеегипетской истории, восходя ко временам первобытно-общинного строя. Еще в 1935 г. В. В. Струве писал о том, что «в условиях создания ирригационного хозяйства правители номов становились деспотами. Вместе с тем они сохраняли древние функции военачальника, судьи, верховного жреца. Последние придавали правителям номов определенный теократический характер. Когда же Египет усилиями Юга объединился, то царь всего Египта, возвысившись над прочими правителями номов, стал для общества долины Нила „богом“ в под-

¹⁴⁴ G. Roeder, *Ramses II als Gott, nach den Hildesheimer Denksteinen aus Horbêt*, — ZAS, Bd 61, 1926, S. 62.

¹⁴⁵ Ibid., Ss. 63, 64.

¹⁴⁶ Ibid., Ss. 17, 24—28, 31.

линном смысле слова... Он был не только верховным жрецом, как цари Вавилонии, он был богом: при жизни — богом благим, а после смерти — великим богом. Он являлся вместе с другими великими богами сыном главного бога — солнца. Веру египтян в то, что царь являлся сыном верховного бога Ра — солнца, надо понимать не иносказательно, а вполне буквально... Царь был окружен пышным ритуалом. Он имел своего верховного жреца, ибо он был богом»¹⁴⁷.

Совершенно естественно, что в таких условиях всякое разграничение «светского» и «божественного» в смысле противопоставления «царского» и «храмового» в трудах современных исследователей вряд ли оправдано.

БОРЬБА ФАРАОНОВ НОВОГО ЦАРСТВА СО ЖРЕЧЕСТВОМ

Теперь постараемся разобраться в сущности борьбы царской власти в эпоху Нового царства. Соперничество, имевшее место между царской властью и жречеством на протяжении всей эпохи Нового царства, не носило характера столкновения светского и духовного начал, а выражалось в борьбе центральной власти с номовой знатью (прежде всего со знатью Фив), руководившей храмами. Впервые эта борьба проявилась в открытой форме при Тутмосе IV, который, стремясь создать противовес фиванской жреческой знати, искал себе опору на севере страны, покровительствуя культам мемфисского круга, культам Птаха, Гормахеса или гизеского сфинкса¹⁴⁸. Тутмос IV лишил также ставленника фиванских кругов «верховного жреца Амона» Аменемхета должности «начальника жрецов всех богов юга и севера», передав ее своему фавориту, военному командиру Хоремхебу¹⁴⁹.

Известная отчужденность между царским двором и фиванскими жреческими кругами сохранилась и в годы правления Аменхотепа III, который подобно свое-

¹⁴⁷ В. В. Струве, *Социальный переворот в Египте в конце Среднего царства (около 1750 г. до н. э.)*, — «Речение Ипувера. Лейденский папирус № 344», М., 1935, стр. 7—8.

¹⁴⁸ S. Sauneron, *Les prêtres...*, p. 181.

¹⁴⁹ J. Beckerath, *Tanis und Theben...*, S. 20.

му предшественнику, старался противопоставить культу фиванского Амона культ Птаха мемфисского. Вслед за Птахмесом, верховным жрецом Амона и верхнеегипетским вазиром, должность «начальника жрецов юга и севера» занимал при Аменхотепе III другой Птахмес, бывший верховным жрецом Птаха в Мемфисе¹⁵⁰. Все эти факты свидетельствуют о желании фараонов, непосредственным преемником которых был Эхнатон, ослабить фиванские жреческие круги. Однако можно ли подобное желание расценивать как проявление борьбы двух антагонистических начал — светского и жреческого? Полагаем, что нет. И Тутмос IV, и Аменхотеп III пытались вести борьбу не с жречеством как таковым, но лишь с жречеством определенного религиозного культа — культа Амона-Ра в Фивах. При этом они стремились найти поддержку кругов, оттесненных Фивами на второй план. Не следует думать, что противопоставление одних жреческих группировок другим вызывалось невозможностью для царской власти без помощи жречества разрешить интересующие ее проблемы.

Тутмос IV и Аменхотеп III, выдвигая жреческие круги Севера, просто пытались таким образом, покровительствуя знати Нижнего Египта, ослабить слишком усилившуюся в эпоху Нового царства фиванскую родовую и служилую аристократию, тесно связанную с храмами Амона-Ра, Хонсу, Монта, Мут и пользующуюся большим влиянием при царском дворе. Речь шла только о борьбе с опасным усилением определенных аристократических фамилий, члены которых осуществляли фактическое наблюдение за храмовыми владениями как представители царской администрации.

В конечном счете в таком же плане следует расценивать и реформаторскую деятельность Эхнатона, который был всего лишь более решительным и последовательным проводником политики своих предшественников в отношении фиванского жречества¹⁵¹. Пресле-

¹⁵⁰ Ptahmose № 6 (R. Anthes, *Die hohen beamteten namens Ptahmose in der 18 Dynastie*, — ZAS, Bd 72, Hft 1, 1936, S. 68).

¹⁵¹ Обратим внимание, что верховный жрец Атона носил титул «урмау», как и верховный жрец гелиопольского бога Ра. В этом факте сказалось характерное и для предшественников Эхнатона обращение к северным религиозным традициям.

дуя и уничтожая культ Амона-Ра, Эхнатон сразу лишил материальной опоры связанные с этим культом чиновно-аристократические круги. По существу Эхнатон, поставив себя во главе культа Атона и подбирая сторонников, в том числе и среди незнатных слоев египетского общества, пытался одним ударом покончить с опасным для царской власти возвышением тех аристократических, чиновно-жреческих групп, которые осуществляли непосредственное управление царско-храмовым хозяйством Египта. Следует отметить, что сам Эхнатон сохранил и усилил все обычные для египетских царей божественные прерогативы. В гимнах его называли «возлюбленным сыном» Атона¹⁵², жрецом которого он был. Впрочем, Аменхотеп IV не отличался в этом отношении от других фараонов, таких, как, например, Рамзес II или Херихор, возглавлявших культ тех или иных богов. Не отличался он и от номархов Древнего, Среднего и Позднего царства, которые, как правило, всегда были жрецами местных богов.

Основным результатом реформаторской деятельности Эхнатона было отстранение от контроля за царско-храмовым хозяйством представителей фиванской чиновно-жреческой аристократии, а также аристократии некоторых других религиозных центров. В результате произошло сосредоточение всех нитей административного управления в руках царя и его ближайшего окружения, среди которого было много людей незнатных, всецело зависящих от фараона¹⁵³. Таким образом, речь шла о перестройке системы управления царско-храмовым хозяйством, но не об изменении самого характера этого хозяйства.

По мнению Кееса, в амарнский период жречество как таковое значительно ослабло, «жреческий, вообще духовный тип почти полностью отсутствует при тамош-

¹⁵² См. гимн Атону из гробницы Эйе (M. Sandman, *Texts from the time of Akhenaten*, Bruxelles, 1938, p. 90).

¹⁵³ По мнению Ю. Я. Перепелкина, царствование Эхнатона «было озаменовано попыткой новой служилой знати... полностью оттеснить потомственную знать от власти и источников богатства». Эхнатон стремился «к укреплению своей власти посредством ослабления потомственной, в том числе жреческой знати», вследствие этого и «Местные храмы, бывшие опорой местной знати, и их божества впали при дворе в немилость» («Всемирная история», т. I, М., 1956, стр. 348).

нем дворе». Кеес подчеркивает, что Эхнатона окружали солдаты. Наиболее интересен, однако, вывод Кееса о том, что в качестве противников амарнской реформы выступили после смерти Эхнатона прежде всего военные круги, недовольные внешнеполитическими неудачами Египта, но не верховные жрецы и духовные лица из «старой разогнанной прослойки»¹⁵⁴. По мнению Хелька, Эхнатон также проводил политику в интересах военных кругов¹⁵⁵.

Если и нельзя согласиться целиком с выводом Кееса, то его мысль о светских противниках реформ Эхнатона заслуживает признания; в данном случае он правильно подмечает сложность переплетения интересов различных общественных слоев в амарнский период, которую нельзя сводить только к столкновению двух якобы антагонистических начал — царской власти и жречества. Противниками Эхнатона, как уже давно указывают советские исследователи, были не жрецы как таковые, но старая, прежде всего фиванская аристократия, связанная с культом Амона-Ра и игравшая значительную роль в бюрократической машине, управлявшей государственным, царско-храмовым хозяйством.

Рамессиды, пришедшие на смену фараонам XVIII династии вскоре после смерти Эхнатона и формальной реставрации фиванской ортодоксии, продолжали ту же самую политику в отношении культа Амона-Ра, что и амарнский реформатор. Разница была только в методах проведения этой политики.

Формально поддерживая авторитет фиванского верховного бога и его жречества, Рамессиды в то же время старались, как и предшественники Эхнатона, опереться на другие жреческие группы, связанные, например, с культами танисского бога Сета или мемфисского Птаха. Большой фактический материал, наглядно свидетельствующий о подобных устремлениях фараонов XIX и XX династий, сравнительно недавно сведен воедино в упоминавшейся нами монографии немецким исследователем Бекератом¹⁵⁶. После выхода в свет этой работы

¹⁵⁴ H. Kees, *Das priestertum...*, Ss. 84, 88.

¹⁵⁵ W. Helck, *Die soziale Schichtung des Agyptischen Volkes im 3 und 2 Jahrtausend v. Chr.*, — «Journal of the economic and social history of the Orient», vol. II, pt I, Leiden, 1959, S. 31.

¹⁵⁶ J. Beckerath, *Tanis und Theben...*

уже не приходится говорить о полном торжестве Фив и бесплодности царствования «еретика из Ахетатона».

То, что Эхнатон пытался сделать одним ударом, Рамессиды — его преемники — устраняли более осторожными методами. Однако сущность и задачи борьбы царской власти с фиванским жречеством остались прежними.

Некоторые проявления этой борьбы упомянуты нами выше. Например, основатели XIX династии Рамзес I и Сети I были теснейшим образом связаны с культом Сети танисского. Еще до вступления на престол фараонов, будучи вазиром при Харемхебе, каждый из них имел титул «верховного жреца Сета»¹⁵⁷. Связь с культом Сета Рамессиды сохранили и позднее, выдвигая в противовес фиванскому Амону также Птаха и Ра-Га-рахте¹⁵⁸. Как уже говорилось, должность «начальника жрецов юга и севера» при Сети I и Рамзесе II занимали в течение ряда лет Небнечеру и Пасер, являвшиеся верховными жрецами не фиванского культа Амона-Ра, но небольшого филиала в Гермонтисе. Вазир времени Рамзеса II Нофрренпит, который также носил звание «начальника жрецов юга и севера», был «верховным жрецом Птаха в Мемфисе»¹⁵⁹. Известно, что в первый год правления Рамзес II сам являлся верховным жрецом Амона-Ра, а позднее назначил на эту должность не фиванца, но тинисца Небуненефа¹⁶⁰.

Политика, направленная на ослабление фиванского жречества, при Рамессидах нашла выражение и в переносе резиденции фараонов на север страны, в город Пер-Рамзес, построенный на месте древнего Авариса и Таниса. Только при верховном жреце Амона, по имени Рама-Раи (конец правления Рамзеса II), фиванское жречество стало укреплять свой авторитет. При Мернептахе, который в противоположность Рамзесу II проводил менее резко выраженную антифиванскую полити-

¹⁵⁷ K. Sethe, *Der Denkstein mit dem Datum des Jahres 400 der Ära von Tanis*, — ZAS, Bd 65, 1930, S. 86; J. Beckerath, *Tanis und Theben...*, Ss. 38, 39.

¹⁵⁸ J. Beckerath, *Tanis und Theben...*, Ss. 61—64.

¹⁵⁹ R. Anthes, *Der Wesier Paser...*, — ZAS, Bd 67, 1931, Ss. 8, № 9, 10, 11; J. Beckerath, *Tanis und Theben...*, Ss. 63, 64.

¹⁶⁰ K. Sethe, *Die Berufung eines Hohenpriesters des Amon unter Ramses II*, — ZAS, Bd 44, 1907, Ss. 30—35. Taf. I, Z. 1—5.

ку¹⁶¹, жречество Амона еще более усилилось. Это привело к новому обострению противоречий между царской властью и фиванской аристократией в последние годы существования XIX династии.

Цари XX династии стремились продолжать в отношении культа Амона-Ра в общем политику предшественников, хотя, обладая меньшей властью, и были вынуждены постепенно сдавать позиции фиванским жреческим кругам, которые шаг за шагом приобретали все большее значение в царско-храмовом административном аппарате¹⁶².

Начало этому процессу было положено упоминавшимся нами постановлением Рамзеса III, запретившего вазиру входить во внутренние помещения храмов¹⁶³. Конечно, по сравнению с тем, что наблюдалось во времена Рехмира, когда этот вазир свободно распоряжался в амбарах и сокровищнице храма Амона¹⁶⁴, положение существенно изменилось. Хозяйничанье жреческих группировок при Рамзесе III в государственном хозяйстве привело к опустошению царской казны, что в свою очередь вызвало беспорядки среди работников царского некрополя. По нашему мнению, однако, усиление жречества при Рамессидах не следует рассматривать как выделение особого теократического начала. В данном случае проявлялась борьба центральной власти с сепаратистскими тенденциями номовой аристократии (прежде всего фиванской), стоявшей во главе культов. Борьба, таким образом, имела прежде всего политический характер. Это было столкновение внутри единой хозяйственно-административной системы, столкновение, которое в итоге привело к созданию в Фиваиде не особого сугубо жреческого «государства в государстве», а к политической децентрализации страны.

Следует подчеркнуть, что ограничение прав вазира в управлении внутренними делами храмов не означало исключения последних из состава государственного хозяйства. При Рамзесе V царская казна по-прежнему фискально эксплуатировала храмы. Это и понятно, по-

¹⁶¹ J. Beckerath, *Tanis und Theben...*, Ss. 65, 66.

¹⁶² Ibid., Ss. 82, 85.

¹⁶³ Harris, 59, 11—12.

¹⁶⁴ P. E. Newberry, *The life of Rekhmara*, Westminster, 1900, pl. XIII—XIV, XXII.

скольку храмовый (жреческий) административный персонал являлся частью общегосударственной администрации. Впрочем, и светская администрация при преемниках Рамзеса III продолжала руководить храмами, о чем свидетельствует папирус Вильбура.

В папирусе Вильбура, составленном при Рамзесе V, неоднократно в качестве ответственного за земельные владения храма в Мединет Абу упоминается такой, несомненно царский чиновник, как «писец писем фараона ж. н. з.». Земли заупокойного святилища Рамзеса V управлялись «писцом амбара фараона»¹⁶⁵. В аналогичном положении находились и владения других храмов.

Папирус Вильбура и прочие административные документы эпохи Рамессидов, многие из которых собраны в сравнительно недавней публикации Гардинера¹⁶⁶, показывают, что храмовые хозяйства Египта и после Рамзеса III продолжали контролироваться царскими чиновниками. Если наряду с ними в деловых папирусах нередко упоминаются и жрецы, то это и естественно, так как последние были всего лишь особым типом царского чиновничества. Никто, конечно, не станет отрицать значительное усиление фиванских жрецов в конце периода правления фараонов Рамессидов. Однако это усиление происходило в рамках старых отношений, происходило просто потому, что жрецы, в том числе и фиванские, всегда входили в состав бюрократического аппарата, ведавшего государственным, царско-храмовым хозяйством. Для этого усиления не требовалось никакой кардинальной реформы, никакого выхода храмового хозяйства, как чего-то качественно обособленного, из состава хозяйственных владений царского дома. Роль и значение жрецов в государственном хозяйстве Египта определялись конкретным соотношением сил в той постоянной борьбе, которую царская власть должна была вести со знатью крупных религиозных центров, в частности с аристократией Фиваиды, тесно связанной с культом божества Фив Амона-Ра¹⁶⁷.

¹⁶⁵ A. H. Gardiner, *The Wilbour Papyrus*, vol. II, p. 21.

¹⁶⁶ A. H. Gardiner, *Ramesside administrative documents*.

¹⁶⁷ Когда мы говорим о фиванских аристократических, жреческих фамилиях, мы лишь отчасти имеем в виду старую родовую знать фиванского нома. Политика фараонов Нового царства была

Нам кажется, что можно вполне согласиться с мнением Эджертона: «Бесспорно, что разбогатевшее жречество, в особенности карнакское жречество Амона — царя богов, было потенциальной опасностью для слабого фараона, но точно такую же опасность представляла и армия и даже собственная семья фараона.

Сильный фараон обычно контролировал жречество столь же полно и теми же методами, которыми он контролировал своих домашних и свою армию»¹⁶⁸.

Наиболее веский аргумент в защиту того, что в конце эпохи Нового царства жречество Фиваиды смогло выступить в качестве самостоятельной и обособленной силы, раньше можно было видеть в факте возвышения Херихора. Однако исследования Кееса и Бекерата изменили существовавшее мнение. После произведенного ими анализа соответствующих источников стало очевидным, что Херихор был не жрецом, захватившим трон фараонов, но удачливым военным, оказавшимся в результате благоприятного для него стечения обстоятельств на жреческом и царском престоле. Херихор был среди фиванских жрецов в буквальном смысле слова *homo novus*, так как не имел никаких связей со старыми фиванскими жреческими фамилиями.

Следует отметить, что должность верховного жреца Амона жаловал в виде дара царь и она никогда прочно

направлена на отрыв былых номархов от старых родовых гнезд, на превращение их в верных слуг царского деспотизма. Родовая в прошлом аристократия Египта в эпоху Нового царства стала в значительной мере служилой, поставляя кадры для высшей прослойки в том чиновно-бюрократическом аппарате, который осуществлял руководство государственным хозяйством страны. В таких условиях естественны были связи многих аристократических семейств нередко с весьма разнообразными местными храмовыми центрами. Как показал Кеес, члены этих семейств могли иногда представлять различные культы в различных номах (H. Kees, *Das Priestertum...*, S 121).

Не следует поэтому считать высшую фиванскую жреческую иерархию эпохи Нового царства близкой исключительно лишь к тем культам богов, которые существовали в Фиваиде. Борьба фараонов Нового царства с фиванской знатью свидетельствовала по существу о столкновении с одним из наиболее сильных и поэтому особенно опасных для царской власти отрядов всей служило-родовой аристократии Египта того времени.

¹⁶⁸ W. Edgerton, *The government and the governed in the Egyptian Empire*, — JNES, vol. VI, 1947, № 3, p. 156.

не закреплялась за одной семьей. Рамзес II, например, свободно возводил различных лиц на этот пост. При Рамессах лишь иногда проявлялся принцип наследования в выборе царем очередной кандидатуры на должность первосвященника Фив. Так, возможно, сыном или внуком Бакенхонсу приходился небезызвестный нам верховный жрец Амона Рама-Раи, сын которого, тоже Бакенхонсу, наследовал отцу.

Некоторое время руководство фиванским жречеством принадлежало Рамзесунахту, игравшему большую роль при Рамзесе IV, Рамзесе V и Рамзесе VI. Один из сыновей Рамзесунахта, по имени Усермаатранахт, был, как известно, царским писцом, «начальником храма Амона»¹⁶⁹. В этом звании он нередко упоминается в папирусе Вильбура¹⁷⁰.

Преемниками Рамзесунахта в качестве руководителей фиванских жреческих кругов оказались его сыновья — Неспамон и знаменитый Аменхотеп, которого многие исследователи считают первым, осмелившимся изобразить себя на одном из настенных рельефов в Карнакском храме рядом с изображением Рамзеса IX и одинаковой с ним величины. Между тем еще в 1929 г. Б. Б. Пиотровский показал, что в данном случае речь идет об изображении Аменхотепа всего лишь перед статуей Рамзеса IX, традиции же изображать статуи фараонов на рельефах крупнее, чем фигуры простых смертных, в египетском искусстве не существовало¹⁷¹. Египтолог Федерн в небольшой заметке, опубликованной в 1959 г., обращает внимание исследователей на работу Б. Б. Пиотровского, спрашивая при этом, до каких пор будет господствовать старая неправильная оценка рельефа с изображениями Аменхотепа и Рамзеса IX¹⁷².

Таким образом, значение Аменхотепа в истории Египта следует признать более скромным, чем это делали раньше. Сменивший Аменхотепа Херихор не имел

¹⁶⁹ H. Kees, *Das Priestertum...*, Ss. 119, 124, 125.

¹⁷⁰ A. H. Gardiner, *The Wilbour Papyrus*, vol. II, p. 20.

¹⁷¹ Б. Б. Пиотровский, *Карнакский рельеф верховного жреца Аменхотепа*, — «Доклады Академии наук Союза Советских Социалистических Республик», Л., 1929, В, стр. 115—119.

¹⁷² W. Federn, *Roi ou statue royale?* — «*Chronique d'Egypte*», Bruxelles, t. XXXIV, 1959, № 68.

никаких родственных связей со своим предшественником¹⁷³.

Как убедительно показывает Бекерат, возвышение Херихора произошло не вследствие окончательного обособления фиванского храмового хозяйства от царских владений или освобождения его от царского контроля, но именно в результате полного подчинения Фиваиды фараону Рамзесу XI. Херихор, по мнению Бекерата, был ставленником царя на престоле первосвященника Амона-Ра, он был доверенным человеком фараона¹⁷⁴.

Следует отметить, что враждебная деятельность жреца Аменхотепа — предшественника Херихора — по отношению к правящей династии раньше чрезмерно преувеличивалась. Шпигельберг, например, ссылаясь на некоторые строки папируса Мейера «А» и папируса Британского Музея № 10 053 считал возможным говорить о каком-то восстании в Фиваиде, возглавленном Аменхотепом¹⁷⁵. Точку зрения Шпигельберга, однако, вскоре опроверг Зете, показавший, что предложенное Шпигельбергом толкование папирусов было несостоятельным. Аменхотеп не только не стоял во главе какого-то мятежа, действительно имевшего место в Фивах, но оказался его жертвой¹⁷⁶. Исследование Кееса об истории возвышения Херихора полностью подтвердило справедливость критических замечаний Зете.

В настоящее время уже завоевала себе признание следующая трактовка событий, приведших в итоге к прекращению XX династии.

Вспыхнувшее в Фиваиде против власти Аменхотепа восстание¹⁷⁷ оказалось подавленным фараоном с по-

¹⁷³ H. Kees *Herihor und die Aufrichtung des thebanischen Gottesstaates*. — «Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen». Philologisch-historische Klasse, neue Folge, Bd 2. Göttingen, 1936—1938. Ss. 1—20; W. Edgerton, *The government and the governed in the Egyptian Empire*. — JNES, vol. IV, 1947, № 3, p. 153; J. Beckerath, *Tanis and Theben...*, S. 96; H. Kees, *Das priestertum...*, Ss. 129, 130.

¹⁷⁴ J. Beckerath, *Tanis und Theben...*, S. 97.

¹⁷⁵ W. Spiegelberg, *Die Empörung des Hohenpriesters Amenhotp unter Ramses IX*. — ZAS, Bd 58, Hft 1, 1923, Ss. 47, 48.

¹⁷⁶ K. Sethe, *Die angebliche Rebellion des Hohenpriesters Amenhotp unter Ramses IX*, — ZAS, Bd 59, Hft 1, 1924, Ss. 60, 61.

¹⁷⁷ Характер восстания определить трудно; может быть, это был мятеж, поднятый ущемленными в своих интересах фиванскими аристократами; не исключена также возможность видеть здесь и какое-то широкое народное движение,

мощью нубийских отрядов военачальника — «царского сына Куш» Панехси¹⁷⁸. Человек из окружения Панехси, офицер Херихор, после смерти своего патрона сумел возглавить Фиванское жречество Амона-Ра, а впоследствии захватить и царский престол. В лице Херихора мы видим не жреца, нанесшего последний удар «светской» царской власти в Египте, как раньше считалось само собой разумеющимся, но «приверженца Панехси», офицера верхнеегипетской армии¹⁷⁹, который отнюдь «не являлся жреческим реформатором». Не удивительно поэтому, что с «принятием Херихором царского титула история фиванской высшей жреческой должности стала историей царского дома»¹⁸⁰.

Основной вывод Кееса, поддержанный Элджертоном, был впоследствии дополнительно аргументирован Бекератом. По мнению Бекерата, Херихор не только не имел никакого отношения к фиванскому жречеству, но вообще был фигурой незначительной, лишь волею случая оказавшейся на авансцене истории. Бекерат считает истинным героем разворачивавшихся в конце эпохи Нового царства событий решительного фараона Рамзеса XI, который сумел, используя Панехси, расправиться со всеми своими соперниками, как с фиванскими жреческими кругами, так и с ливийцами, укрепившимися в Среднем Египте.

Именно для окончательного подчинения Фив Рамзес XI назначил фиванским первосвященником мало кому известного военного — Херихора¹⁸¹. Торжество победы Рамзеса XI, по мнению Бекерата, было отмечено установлением особой эры «возрождения», эры «повторения рождений», что нашло отражение в документах

¹⁷⁸ Панехси неоднократно упоминается в документах судебного разбирательства по случаю разграбления царских гробниц.

¹⁷⁹ H. Kees, *Herihor und die Aufrichtung des thebanischen Gottesstaates*..., S. 10.

¹⁸⁰ H. Kees, *Das Priestertum*..., Ss. 130, 160.

¹⁸¹ J. Beckerath, *Tanis und Theben*..., Ss. 93, 94. — Бекерат характеризует известную надпись об опакле в храме Хонсу не как свидетельство о провозглашении Херихора царем, не как источник, определяющий время введения эры «возрождения» в Фиваиде, а как документ, характеризующий стремление Рамзеса XI легализовать с помощью обращения к божественному авторитету возведение на престол первого жреца Амона-Ра своего ставленника — офицера Херихора (*Ibid.*, Ss. 91-95, 96).

того времени¹⁸². Лишь неизвестные нам и, возможно, случайные обстоятельства, устранившие Рамзеса XI и Панехси, позволили Херихору начать играть самостоятельную политическую роль. Впрочем, и впоследствии его оттеснял на второй план правитель Таниса Смендес (Несубанебджед), подлинный преемник фараонов Рамесидов¹⁸³.

Итак, последние исследования крупных египтологов внесли изменения в общепринятую трактовку событий, положивших конец эпохе Нового царства. Вместо жреца Херихора, вождя сугубо теократических сил, захватившего царский престол, стал вырисовываться облик удачливого светского политика, сосредоточившего в своих руках светские и жреческие prerogatives власти исключительно вследствие обычности подобного совмещения «служебных» функций в Древнем Египте. Все приведенным нами раньше соответствующие факты иллюстрируют этот вывод. Военачальник, жрец, правитель Херихор был по существу не более оригинальной фигурой, чем любой из отмеченных нами вазиров — фиванских первосвященников, чем фараон — первосвященник Эхнатон или Рамзес II, чем каждый номарх Древнего, Среднего и Позднего царств — светский и духовный глава в пределах своих владений. Если и можно говорить о каком-то «государстве в государстве», складывающемся в Фиваиде, то прежде всего в смысле констатации процесса политического распада Египта на отдельные области, во главе которых, как это было характерно и для предшествующих и последующих столетий египетской истории, естественно становились светско-жреческие руководители. Фиваида в этом отношении не была исключением. Она являлась лишь более крупным религиозным центром, где сильнее чувствовался жреческий элемент. Речь шла в конце эпохи Нового царства не о выделении, обособлении чисто жреческого начала в экономической и политической жизни страны (хотя известное усиление жречества в конце Нового царства произошло), а главным образом о политиче-

¹⁸² Ibid., S. 94. — Бекерат не согласен с Кеесом, который связывал введение эры «возрождения» с провозглашением Херихора фиванским первосвященником.

¹⁸³ J. Beckerath, *Tanis und Theben...*, S. 98.

ской борьбе, приведшей к распадению государственного царско-храмового хозяйства на составные части — на номово-храмовые хозяйства областей с правителями, подобными номархам древности. Единство светско-жреческих хозяйственных интересов не исчезло, оно только стало осуществляться в более ограниченных территориальных рамках.

Глава II

ЦАРСКО-ХРАМОВОЕ ХОЗЯЙСТВО ЭПОХИ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА

Тесная связь светского и жреческого начал в царской административной системе Древнего Египта, как отражение внутреннего хозяйственного единства, была характерна не для одной только эпохи Нового царства, но и для всех периодов централизации, когда храмовые хозяйства номов становились частью государственного хозяйства объединенной Нильской долины. Именно так обстояло дело, в частности, в эпоху Древнего царства.

Источники показывают, что в III тысячелетии до н. э., как и в период Нового царства, наблюдалось самое тесное переплетение светских и жреческих должностей в системе царской администрации. Вазиры Древнего царства были обычно и жрецами различных культов, в том числе культов умерших фараонов. В их руках находился (по крайней мере теоретически) контроль за всеми жрецами страны. Вазиры часто имели титул руководителя каждой жреческой должности. Этим званием располагали, например, вазиры: Птахуаш (время Нофериркара — V династия)¹, Кагемни (VI династия), Мерирука (VI династия), Тетимериренеф (VI династия), Асеси (VI династия), Джау (VI династия), Иуу (VI династия).

¹ A. Weil, *Die Vesiere des Pharaonenreiches*, Strassburg, 1908, S. 7.

«Верховными жрецами Гелиополя» были вазирь Кагемни и Ченти (VI династия)².

• Высший сановник государства при фараонах IV династии обычно являлся членом царствующего дома³. Что касается самого фараона, то он считался главой всех культов страны. Известна тесная связь фараонов V династии с культом бога Ра. Эта связь нашла отражение даже в одной из сказок папируса Весткар. Царь назначал жрецов, хотя впоследствии эта должность могла передаваться по наследству. Так, вельможа Некаанх сообщает в своей надписи о передаче детям звания жрецов Хатор, но подчеркивает при этом, что сам он стал главой культа Хатор только по воле фараона Усеркафа⁴.

В советской египтологической литературе уже давно указывалось, что храмовые хозяйства, вначале подчиненные царской администрации, впоследствии, в конце эпохи Древнего царства, подпали под контроль правителей номов⁵. Подобный вывод справедлив, хотя и нуждается, на наш взгляд, в некоторых коррективах. Поскольку он был сделан прежде всего в результате изучения так называемых «иммунитетных грамот»⁶, нам представляется необходимым рассмотреть этот комплекс источников специально.

«Иммунитетные грамоты» — исключительно интересная категория источников, дошедшая до нас от седой даже в понимании египтологов древности. В. В. Струве делает на основе грамот заключение о том, что Коптоские декреты Пепи II «не выделяли храмы из окружающей территории нома, а наоборот, эту связь нома с храмом еще более укрепляли»⁷. По мнению Е. В. Че-

² Ibid., Ss. 17, 18, 20—23, 25, 34.

³ Ibid., S. 166.

⁴ Urk I, 24—32.

⁵ Е. В. Черезов, *К вопросу о поземельных отношениях в Египте эпохи Древнего царства*, — ВДИ, 1949, № 3, стр. 64, 66—68.

⁶ Специальное внимание им уделено в работах: В. В. Струве, *Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока*, — ИГАИМК, вып. 77, М., 1934, стр. 64—65, 169—172; И. М. Лурье, *Иммунитетные грамоты Древнего Царства*, — «Труды отдела Востока», т. I, Л., 1939, стр. 93—139; Е. В. Черезов, *К вопросу о поземельных отношениях в Египте...*, стр. 63—68; *К вопросу о хентиуше—мелких землевладельцах в древнем Египте*, — ВДИ, 1950, № 4, стр. 166—170.

⁷ В. В. Струве, *Проблема...*, стр. 171.

резова «в содержании отдельных грамот защиты имеются значительные различия»⁸. (Для задачи, которую мы поставили перед собой, признание разнообразия иммунитетных грамот имеет особое значение.)

По словам Е. В. Черезова, необходимо различать среди иммунитетных грамот две категории царских указов, к первой из которых относятся Коптосские декреты Пепи II, а ко второй — Дашурский декрет Пепи I. Если первые освобождали от тягот и повинностей все храмовое хозяйство в целом, то второй ограждал интересы определенной прослойки храмовых «хентиуше»⁹. Е. В. Черезов предлагает дифференцировать иммунитетные грамоты, руководствуясь и другими признаками. Так, он считает, что в более ранних декретах, в частности в Абидосском распоряжении фараона V династии Нофериркара, в отличие от грамот VI династии храмовое хозяйство нома защищается от вмешательств не царского двора, а всего лишь местной номовой администрации¹⁰.

Приведенные выше высказывания Е. В. Черезова свидетельствуют о сложном и разнообразном характере рассматриваемых документов.

Прежде всего нам кажется необходимым подразделить иммунитетные грамоты на несколько качественно обособленных друг от друга групп или категорий. Так как только тогда станет ясен полный смысл заключающихся между ними различий.

К первой группе иммунитетных грамот следует, по нашему мнению, отнести те распоряжения фараонов, которые защищали личные заупокойные владения царя и его родственников. Отличительной особенностью указов данного типа было освобождение всех лиц, связанных с личным заупокойным владением, жрецов и «мерет» от различных повинностей не только царскому дому, но и ному или храму. Мы полагаем, что к подобной категории источников можно отнести Коптосский

⁸ Е. В. Черезов, *К вопросу о хентиуше...*, стр. 167.

⁹ Там же, стр. 167—168. — Среди «хентиуше» могли быть и отдельные представители знати (И. М. Лурье, *Древнеегипетские термины мерет и хентиуше во времена древнего царства*, — ВДИ, 1951, № 4, стр. 80—82).

¹⁰ Е. В. Черезов, *К вопросу о поземельных отношениях...*, стр. 67.

декрет Пепи I о защите интересов заупокойного святилища царицы Ипут. В этом декрете Пепи I защищает заупокойное святилище своей матери вместе со всеми его людьми (мерет), крупным и мелким скотом, по-видимому, от работ или каких-либо обременительных трат, связанных с прохождением по территории его владений официальных лиц (посланцев) или религиозных процессий, а также от исполнения тягот (*nud*) на нужды царской резиденции.

К этой же категории документов принадлежит, как нам кажется, и Дашурский декрет Пепи I¹¹. Е. В. Черезов справедливо обращает внимание на то, что в нем защищаются интересы хентиуше, но необходимо отметить и еще одну особенность данного памятника. В Дашурском декрете защищаются личные заупокойные владения фараона Снофру, два его припирамидных поселения, вместе со всеми связанными с ними лицами от тягот и повинностей царскому дому с определенной целью — обеспечить в святилище выполнение различных обрядов культа Снофру.

Аналогичны и предписания Пепи II о защите его личного заупокойного хозяйства под названием «Мин упрочил владение Ноферкара», находящегося в Коптосском номе¹². Этим предписанием Пепи II освобождал от тягот (по-видимому, на нужды не только царского двора, но и Коптосского нома) всех мерет данного владения, выделяя его из окружающей территории. Смысл выделения, впрочем, можно легко понять, так как речь идет о защите фараоном интересов ему лично принадлежащего хозяйства культового назначения.

В указе одного из преемников Пепи II защищались от каких-либо работ и тягот жрецы и мерет, связанные с заупокойными владениями цариц Аньхнес и Нейт — жен фараонов Меренра и Пепи II¹³.

Отличительной особенностью всех перечисленных выше указов и постановлений (первая группа иммунитетных грамот) было стремление гарантировать незыблемость существования личных заупокойных культов лиц царствующего дома. По этой причине все связанные с этими культами люди (жрецы и мерет) обычно осво-

¹¹ Urk I, 214, Zz. 1—7; 209—213.

¹² Ibid., 213, XVIII, Zz. 83—87; 289—292

¹³ Ibid., 307, Zs. 5, 6.

бождались от различных повинностей не только в государственном, но и в местном, номовом, масштабе¹⁴.

Иного характера иммунитетные грамоты второй группы, а именно два Коптосских декрета Пепи II, обозначаемые обычно буквами «А» и «В»¹⁵. В этих памятниках речь идет уже не о личных заупокойных владениях фараонов в пределах того или иного нома, но о храмовом хозяйстве Мина Коптосского, главного божества, почитаемого в Коптосском номе. Специфической особенностью этой категории иммунитетных грамот, отличавшей их от грамот первой группы, было освобождение от работ и других повинностей Коптосскому ному исключительно лиц жреческого и административного персонала, но не непосредственных производителей — мерет¹⁶.

Мерет были защищены от привлечения на работы, от исполнения различных повинностей царскому дому, но не освобождались от повинностей ному. Тем самым подчеркивалось, как указал В. В. Струве, что «вся рабочая сила храма Коптоса должна трудиться только на пользу бога Мина, главного бога Коптосского нома, т. е. на пользу всего Коптосского нома»¹⁷.

Третью группу иммунитетных грамот, занимающих как бы промежуточное положение между первыми двумя, по нашему мнению, характеризуют Абидосские указы фараонов V династии — Тети и Нофериркара¹⁸.

¹⁴ Заупокойные владения знати, «дома вечности» (*pr d.t*), сходные по своему характеру с владениями царей, защищаемыми в иммунитетных грамотах первой группы, по идее предназначались для ритуального обслуживания умершего вельможи. Они возникали нередко за счет царских дарений земель, людьми, скотом и другими ценностями. По мнению Ю. Я. Перепелкина, *pr d.t* эксплуатировались как особые, крупные аристократические владения, как «дом личный» (Ю. Я. Перепелкин, *Древнее царство*, — «Всемирная история», т. I, М., 1955, стр. 162). Многочисленные изображения и надписи на стенах гробниц показывают, что хозяйство, развитое в *pr d.t* было очень разнообразным, включающим в себя земледельческое производство, садоводство, скотоводство, птицеводство, рыболовство, охоту и ремесло. Владения «домов вечности» иногда концентрировались в одном каком-либо районе, а иногда состояли из частей, разбросанных по стране. Заупокойные владения имели сложную структуру и соответственно сложный управленческий аппарат.

¹⁵ Urk I, 280—288.

¹⁶ Ibid., 281, 282, VI, Zz. 23—25; 285. VI, Zz. 23—25.

¹⁷ В. В. Струве, *Проблема...*, стр. 65.

¹⁸ Urk I, 207—208; 170—172.

В Абидосском декрете фараона Тети I, речь идет об освобождении от различных повинностей ному, с тем чтобы обеспечить интересы храма божества осирического круга Хентиименти — покровителя мертвых, почитавшегося в Тинисском номе. В аналогичном постановлении Нофериркара и жрецы, и мерет в одинаковой степени защищаются от привлечения на любые работы в интересах нома.

Чем это можно объяснить? Почему в Коптосских декретах Пепи II мерет от работ на нужды нома не освобождались, а в Абидосском указе Нофериркара¹⁹ отмечалось, что их наравне с жрецами нельзя было привлечь к исполнению трудовой повинности ному?

В. В. Струве убедительно разъяснил сущность этого странного на первый взгляд явления. Он обратил внимание на тот факт, что в рассматриваемом памятнике защищались владения божества — покровителя мертвых, имевшего не местное, номовое, но общеегипетское значение.

В. В. Струве указал, кроме того, что «Осирис не был главным и даже исконным богом Абидосского нома. „Хозяином“ нома был Онурис, а Осирис — лишь „гостем“, и поэтому храм Осириса в эпоху V династии был объявлен экстерриториальным по отношению к Тинисскому ному»²⁰. Именно поэтому в декрете Нофериркара запрещалось привлекать на работу нома тех мерет, которые обрабатывали участки земли, принадлежавшие храму осирического божества Хентиименти.

Как уже говорилось выше, безусловно правы те исследователи, в частности Е. В. Черезов, которые, приступая к изучению иммунитетных грамот, обращают внимание на их неодинаковый характер. Однако, желая объяснить сущность отличия Абидосской грамоты Нофериркара от Коптосских декретов «А» и «В» Пепи II, Е. В. Черезов ссылается лишь на тот факт, что при фараоне V династии Нофериркара царское хозяйство было еще тесно связано с храмовым хозяйством и потому защищалось только от притязаний номовой администрации, тогда как при Пепи II, фараоне VI династии, хра-

¹⁹ Ibid., 208, Z. 5; 170—172, Zz. 3—6, 14—18, 19—23, 26, 27; 172, Zz. 22, 23.

²⁰ В. В. Струве, *Проблема...*, стр. 106.

мовое хозяйство уже отделилось от царского²¹. В данном случае, однако, необходимо учитывать различный характер самих грамот. Коптосские декреты защищали храмовое хозяйство от несения тягот и выполнения различных повинностей царскому дому, заботясь таким образом о развитии хозяйства ному в целом. Абидосская же грамота Ноферирака гарантировала неприкосновенность земель (и тех, кто их обрабатывал) храма осирического божества Хентиименти, имевшего не местное, номовое, но общегипетское значение.]

То же можно сказать и о Дашурском указе Пепи I. Этот указ, отнесенный нами к первой группе, должен был оградить интересы личного заупокойного владения фараона Снофру, гарантировать незыблемость совершаемых в святилище Снофру ритуальных действий.

Предложенная нами классификация иммунитетных грамот позволяет подтвердить положение В. В. Струве о принципиальном отличии таких иммунитетных грамот Древнего Египта, как Коптосские декреты Пепи II «А» и «В», от хартий средневековой Европы, изолировавших монастырские хозяйства. В противоположность хартиям Коптосские декреты «А» и «В» свидетельствуют о сохранении самых тесных связей храмовых хозяйств с хозяйствами номов. Если некоторые декреты, в частности грамоты, выделенные нами в первую и третью группы, и предоставляли иммунитет от посягательств номовой администрации на труд непосредственных производителей в соответствующих культовых владениях, то это объяснялось особой целенаправленностью подобных декретов, защищавших личные заупокойные владения царя и его родственников или же отстаивавших интересы хозяйства, связанного с культом особо популярного божества, имевшего общегипетское значение.]

Следует, однако, подчеркнуть, что в иммунитетных грамотах речь идет в сущности об освобождении храмовых хозяйств от таких повинностей царскому дому, которые сами по себе вряд ли служили основным источником получения доходов для фараона. В самом деле, в Коптосском декрете Пепи I запрещается отягощать заупокойное святилище царской матери Ипут различ-

²¹ Е. В. Черезов, *К вопросу о поземельных отношениях...*, стр. 67.

ными экстраординарными тратами в связи с прохождением через владение святилища «посланцев» или религиозных процессий, а также обременять его установлением каких-либо тягот (*mdd*)²². В Дашурском декрете Пепи I припирамидные поселения Снофру ограждаются от различного рода работ царского дома и повинностей, от обременительных прохождений «посланцев», от участия в полевых работах посторонних лиц, от привлечения на работу хентиуше, от взимания корма для скота, от привлечения к земляным работам, от учета колодцев, земель, кожи, сикомор, от допущения к ритуальным действиям посторонних, от исполнения тягот (*mdd*)²³. В заключительной строке декрета все перечисленные выше повинности характеризуются как *ššr*²⁴.

В Коптосском указе Пепи II о защите владения, «Мин упрочил владения Ноферкара», запрещается требовать исполнения обязательств по переноске тяжестей, в отношении подарков начальнику юга золотом и медью. в отношении содержания скота, отдельных выдач хлебом, веревками, льном, кожами, в тяготах *mdd*²⁵.

В указе одного из преемников Пепи II заупокойные владения цариц Аньхнес и Нейт ограждались от выполнения работ и тягот *mdd*²⁶.

[Коптосские декреты Пепи II] «А» и «В»²⁷ обеспечивали защиту от царских работ по переноске тяжестей, от земляных работ, от подарков начальнику юга золотом, медью, украшениями, от пастьбы крупного и мелкого скота, а также ослов, от некоторых выдач продовольствием, веревками, кожами, от обременительных «прохождений», от каких-то работ на полях, от тягот *mdd*²⁸.

В Абидосском декрете Нофериркара предоставлялась защита от различных работ нома, от любых повинностей²⁸.

Во всех этих и подобных им декретах речь шла, таким образом, прежде всего о различных обременительных

²² Urk I, 214, Zz. 1—7.

²³ Ibid., 203—213.

²⁴ Словарь Эрмана — Грапова дает термину *ššr* значение «работа» (Wb, IV, 296).

²⁵ Urk I, 288—292.

²⁶ Ibid., 307.

²⁷ Ibid., 280—283, 284—288.

²⁸ Ibid., 170—172.

тратах, об экстраординарных сборах, о трудовой повинности и лишь в незначительной степени — о взимании продуктов, имевших потребительскую ценность. Слово *mdd*, которое И. М. Лурье переводил как «подать», «натуральная рента» и лишь иногда как «повинность»²⁹, обозначало, по-видимому, совокупность обязательств трудового характера, а также тяготы, сопряженные с разнообразными и второстепенными выдачами³⁰.

Упор делался на вопросах организации труда в храмовых владениях, и меньше внимания обращалось на характер потребления результатов этого труда. Между тем, совершенно бесспорно, что при любой системе организации трудовых процессов, при любой системе эксплуатации непосредственных производителей, кем бы последние ни являлись — каждого владельца или распорядителя крупного хозяйственного образования, царя или номовую знать прежде всего интересовали регулярные поступления потребительских ценностей: зерна, мяса, крупного и мелкого скота, птицы, рыбы, различных напитков, изделий ремесла, тогда как именно этому в иммунитетных грамотах уделено крайне мало внимания.

Нельзя не согласиться с мнением Зете³¹ и А. Гардинера, что Колтосские декреты, освобождая храм Мина от повинностей царю, заботились о сохранении в неизменном виде внутрихрамового трудового распорядка³². Они ставили целью оградить непосредственных

²⁹ И. М. Лурье, *Иммунитетные грамоты Древнего Царства*, стр. 98—99, 101, 104, 105, 111, 116.

³⁰ В слове Эрмана — Грапова термин *mdd* переводится как «Frohnde» (Wb, II, 192). — В. В. Струве данный термин толкует как «тягота», но не «подать», — «Хрестиматия по истории древнего мира», т. I, М., 1950, стр. 44.

³¹ «Gottingische gelehrte Anzeigen», Göttingen, 1912, № 12, Ss. 712—714.

³² А. Гардинер писал: «Я не нахожу в этих хартиях ничего, что могло бы подкрепить подобное утверждение (утверждение, что иммунитетные грамоты освобождали храмы от выплаты налогов царю. — И. С.), как я не нашел его Зете в своем блестящем анализе лучше всего сохранившегося экземпляра (Колтосского декрета. — И. С.). Освобождение относилось почти исключительно к деятельности храмового персонала и служащих; было предписано, что они не будут отрываться от своих обязанностей по отношению к храмам ради какой-либо службы или принудительной работы на государство... Но это запрещение не должно быть извращено в утверждение, что храм был освобожден от налога» (А. Н. Gardiner, *The Wilbour papyrus*, vol. II, Oxford, 1948, p. 202).

производителей храма и жречество от всех обременительных тягот и повинностей, которые могли бы помешать их нормальной деятельности внутри данного храмового хозяйства. То же самое можно сказать и в отношении других грамот. О характере предоставлявшихся льгот в какой-то мере можно судить по заключительным строкам письма Пепи II к Хуфхору, в которых по случаю исключительного события — доставки ко двору карлика — главе экспедиции разрешалось произвести экстраординарный заем необходимыми предметами в любом храме, не давая им «освобождения»³³. Вот от подобных, нарушающих ход хозяйственных отношений в храмах «сборов» и трат защищали рассматриваемые нами постановления. Конечно, отказ царя от требования выполнения различных работ и тягот в его пользу был выгоден прежде всего номовой знати, так как укреплял ее связь с хозяйством номового храма, усиливал ее влияние на местах, однако это еще не означает, что фискальная эксплуатация, фискальный контроль над храмовыми хозяйствами со стороны царской казны полностью и сразу прекращался с момента издания декретов.

Следует отметить, что Коптосские декреты «А» и «В» Пепи II не дают возможности говорить о полной свободе храма от царского административно-фискального контроля, не только из-за характера содержащихся в них льгот, но и по внешней форме и направленности грамот. Коптосский декрет «А» адресован сначала начальнику припирамидного поселения, верховному судье, вазиру, начальнику царских свитков Джау, князю, начальнику юга Хеви, а потом уже руководителям жрецов и главам Коптосского нома.

Декрет представляет собой в сущности инструкцию чиновникам царской (центральной и местной) администрации, содержащую перечень того, что им запрещалось производить во владениях Коптосского храма. Среди этих чиновников упоминаются: «начальник юга», «глава», «великий южной десятки», «начальник областей Верхнего Египта»³⁴, «начальник поручений», «началь-

³³ Urk I, 131, Zz 25, 26.

³⁴ H. Kees, *Beiträge zur Altägyptischen Provinzialverwaltung und der Geschichte des Feudalismus*, — «Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», Philologische-historische Klasse, Göttingen, 1932, Hft 2.

ник царских людей», «сер» или «посланец сера», «писец царских свитков», «начальник писцов земель», «начальник писцов запечатанных свитков»³⁵.

Можно ли предполагать, что за пределами ограничений, отмеченных в декрете, все перечисленные выше лица не могли руководить хозяйственной жизнью храма, в том числе и храма Мина в Коптосском номе. Для подобного вывода у нас в сущности нет данных. В декретах об этом ничего не сказано. В иммунитетной грамоте, защищавшей интересы храма Мина в Коптосском номе в заключительных строках говорится о наказании должностного лица — любого сера, чиновника, который осмелился нарушить настоящий декрет³⁶. Нам кажется, это косвенно свидетельствует о том, что храмовое хозяйство Коптосского нома было в известной форме подотчетно царским чиновникам³⁷ как центрального, так и местного ведомства, вследствие чего и те, и другие имели возможность нарушить декрет, выйти в своей деятельности за рамки выданной им инструкции³⁸.

К такому выводу можно прийти, рассматривая Коптосский декрет «А». Что же касается иммунитетных грамот первой группы, то содержащиеся в них предписания, направленные на защиту личных заупокойных владений лиц царствующего рода, должны были реализовываться доверенными представителями фараона. И действительно, согласно очень позднему указу фараона VIII династии Ноферкаугора, даже принадлежащее этому царю заупокойное владение инспектировалось царским чиновником высокого ранга — «казначеем

³⁵ Urk I, 260, 280—283.

³⁶ Ibid., 283, XII, Z. 43.

³⁷ Еще в эпоху VIII династии один вазир получил от царя право контроля над 22 номами Верхнего Египта (A. Moret, *Une liste des nomes de Haute Egypte sous la VIII-e dynastie*, — «Academie des inscriptions et belles lettres. Comptes rendus», Paris, 1914, pp. 558—574).

³⁸ Упомянутые выше строки Коптосского декрета «А», устанавливающие ответственность каждого «сера» за нарушение условий декрета, говорят, по нашему мнению, против точки зрения Морэ о том, что «серы» — это местные, номовые, чиновники, противопоставляемые царским. (И. М. Лурье, *Иммунитетные грамоты Древнего Царства*, стр. 127.) «Серы», если они даже и являлись чиновниками местного ведомства, тем не менее подчинялись царю, т. е. в сущности были царскими чиновниками в номах.

Нижнего Египта, единственным семером, первым у царя (начальником) писцов земель»³⁹.

Таким образом, данные иммунитетных грамот Древнего царства, прежде всего Коптосских декретов «А» и «В», еще не позволяют говорить о немедленном и полном освобождении храмовых хозяйств номов от всех форм контроля и всех форм фискальной эксплуатации со стороны царской казны, хотя мы и наблюдаем заметный сдвиг в сторону подобного освобождения. Последнее обстоятельство нашло выражение в укреплении связи хозяйств храмов с номовой властью, на что и обратил внимание В. В. Струве.

Нет оснований полагать, что храмовые хозяйства, подотчетные царским чиновникам, а в конце эпохи Древнего царства постепенно подпадающие под контроль номовой знати, отличались качественно от, так сказать, «светских» царских хозяйств. Правда, в документах времени правления фараона V династии Нофериркара — в соответствующих записях «Палермского камня» и в Абидосском декрете⁴⁰ — упоминается храмовая земля — «земля бога», подлежащая защите. Е. В. Черезов, учитывая эти данные, пришел к выводу о наличии в Древнем царстве понятия «храмового землевладения, которое отлично от каких-либо других и пользуется особыми правами и вечным покровительством фараона»⁴¹. То, что в эпоху Древнего царства уже существовало храмовое землевладение, конечно, не подлежит сомнению. Важно подчеркнуть другое — храмовые земли управлялись и контролировались «светской» (центральной или местной) администрацией.

Храмовые территории, о которых идет речь в частности в Коптосских декретах «А» и «В», вне зависимости от того, как трактовать степень их подчинения царской администрации, несомненно были связаны со светской властью, с ее серами. Только в грамотах первой группы, защищавших личные заупокойные владения царей и их приближенных, а также в грамотах третьей группы, в Абидосском указе Нофериркара храмовые владения ограждались от притеснений в местном, номо-

³⁹ Urk I, 295, 296.

⁴⁰ Ibid., 247, Z. 13; 171, Zz. 14, 21.

⁴¹ Е. В. Черезов, *К вопросу о поземельных отношениях в Египте...*, стр. 64.

вом масштабе.] Нужно, однако, заметить, что для грамот первой группы это естественно, что же касается указа Ноферирикара, то, как мы уже говорили, хозяйство храма божества Хентиименти имело не столько местное, сколько общеегипетское значение. В данной связи употребление термина «земля бога» — именно в указе Ноферирикара нам кажется не случайным. Его использование здесь, по-видимому, следует расценивать лишь как способ обозначения территории храма бога, который, будучи «гостем» в Абидосе, «в эпоху V династии был объявлен экстерриториальным по отношению к Тинисскому ному»⁴².

Так как в «Палермском камне» упоминание «земли бога» также относится ко времени правления фараона Ноферирикара, от лица которого был издан и Абидосский декрет, мы думаем, что в обоих рассматриваемых источниках интересующий нас термин использовался с одинаковой целью — с целью обозначения храмовой земли определенного типа, но не качественного противопоставления ее светским владениям.

Как уже говорилось выше, в условиях Древнего Египта разграничение «светского» — царского и «сакрального» — храмового очень условно. Ведь каждый фараон считался и назывался нередко в документах «богом». Следовательно, любая земля царя могла с полным правом обозначаться как «земля бога».

Е. В. Черезов бесспорно прав, когда указывает, что «возникновение храмового хозяйства теряется, возможно, в додинастической истории Древнего Египта». Столь же правильно сказать, что в династическую эпоху храмовые владения росли за счет царских дарений (свидетельство тому — данные «Палермского камня»). Однако не следует думать, что создание хозяйств, центрами которых являлись те или иные храмы, было убыточным для царского дома. По существу речь шла лишь о некоторой административной реорганизации в рамках государственного хозяйства. Как часть государственного хозяйства владения и доходы храмов оказывались в период централизации в распоряжении земного бога — фараона и его светско-жреческого бюрократического аппарата. По данным опубликованного

⁴² В. В. Струве, *Проблема...*, стр. 106, прим. 190, 170

Борхардом папируса эпохи Древнего царства, при фараоне Исеси (V династия) царский двор, как это было характерно и для других периодов египетской истории, получал на свои нужды различные продукты из храма «Местопребывание сердца Ра»⁴³.

✓ 1 В конце эпохи Древнего царства, в связи с общим процессом децентрализации страны храмовые территории постепенно переходили под контроль номархов — фараонов в миниатюре — как части их номовых хозяйств. Однако обособления от светской, в частности от местной власти правителя нома, владения храмов так и не получили.

✓ 2 Иммунитетные грамоты не позволяют говорить о выходе храмовых хозяйств из сферы светского подчинения, но, напротив, показывают тесную связь храмовых владений со светскими учреждениями и фискальными интересами (сначала царскими, а позднее номовыми) на всем протяжении эпохи Древнего царства. Они свидетельствуют о том, что далеко не сразу проявившееся постепенное ослабление связи храмов с царской властью в конце рассматриваемого периода как бы компенсировалось усилением светской опеки над ними со стороны номархов.

⁴³ L. Borchardt, *Ein Rechnungsbuch des Königlichen Hofes aus dem alten Reiche*, — «Aegyptiaca, Festschrift für Georg Ebers», Leipzig, 1897, Ss. 10-С.

Глава III

ЦАРСКО-ХРАМОВОЕ ХОЗЯЙСТВО ЭПОХИ СРЕДНЕГО ЦАРСТВА

Анализ документов эпохи Древнего царства позволил проследить процесс постепенного распада царско-храмового хозяйства на составные части — номово-храмовые владения.

Как известно, вторичное объединение нильской долины происходило в упорной борьбе различных областей. Вначале политического преобладания достиг гераклеопольский ном, правители которого на какой-то период подчинили своему влиянию районы Нижнего и Среднего Египта. Однако впоследствии окончательная победа оказалась за номархами Фиваиды.

О бурном времени политических и социальных столкновений, когда закладывались основы Среднего царства, сообщают многие источники, в том числе и такой ценный памятник, как поучение, адресованное гераклеопольскому фараону Мерикара¹.

Автор поучения всячески предостерегал своего наследника от доверчивости по отношению к человеку, опасному для власти правителя Гераклеополя.

Обращаясь к Мерикара, автор поучения восклицал: «Изгони его... сотри имя его... уничтожь память о нем (среди) его приверженцев, которые его любят. Он мя-

¹ Из советских исследователей анализом содержания поучения специально занималась Р. И. Рубинштейн (Р. И. Рубинштейн, *Внутренняя политика фараона Ахтоя Уахкара*, — ВДИ, 1948, № 4; «Пучение Гераклеопольского царя своему сыну», — ВДИ, 1950, № 2.).

[тежник] среди жителей города... он создает две группы приверженцев из юношей джаму»². Несомненно, в данном случае речь шла о представителе знати, возможно о номархе, не подчиняющемся Гераклеополю.

Памятники гераклеопольского периода показывают, насколько независимыми чувствовали себя многие номархи в своих владениях. Они возглавляли на местах сложный, административно-чиновничий аппарат, имели лично им подчиненные армии, вели войны, иногда поддерживая гераклеопольских властителей, но главным образом отстаивая свои собственные интересы. Сиутские номархи были союзниками Гераклеополя в борьбе с Фиваидой, о чем подробно сообщается на стенах гробниц Тефьеба II и Хети I³. Гермопольские номархи, хотя и подчинялись формально гераклеопольским фараонам, по существу чувствовали себя самостоятельными царьками. Например, князь Тхутинахт из Гермополя заявлял: «Я спас город свой (в) день грабежа от ужасов болезни царского дома». О том же сообщал и князь Каи⁴.

Особенно в этих надписях, обнаруженных в Хатнубе, поражает, то, что они датируются годами правления не гераклеопольских номархов, но самих правителей Гермополя.

В гераклеопольский период в долине Нила централизованного политического и хозяйственного объединения еще не сложилось. Оформление последнего в специфической форме совокупности самоуправляющихся номово-храмовых хозяйств следует относить лишь к началу II тысячелетия до н. э., когда к власти пришли фараоны XII династии.

Источники времени правления Аменемхетов и Сенусертов свидетельствуют, с одной стороны, о значительном росте царского авторитета, а с другой — о сохранении за номархами все еще очень большой власти. Царь контролировал номы, назначал их руководителей, требовал выполнения различных хозяйственно-административных обязанностей в интересах царского двора. Но

² A. Volten, *Zwei altägyptische politische Schriften*, København, 1945, Z. P. 23, 24; Z. M. 24; Z. P. 24; Z. P. 24—25; Z. P. 25.

³ F. L. Griffith, *The inscriptions of Siut and Dêr Rîfeh*, London, 1889, pl. II, ll. 16—37.

⁴ R. Anthes, *Die Felseninschriften von Hatnub*, Leipzig, S. 52, Z. 4; S. 54, Zz. 7—8.

мархи признавали суверенитет фараона, гордились придворными званиями. Однако в вопросах внутреннего управления они были довольно самостоятельны (особенно при первых представителях XII династии), напоминая номархов гераклеопольского периода.

От эпохи Среднего царства сохранились гробницы номархов с многочисленными изображениями и текстами биографического характера, показывающими расцвет провинциальной, номовой, жизни. Особенно интересны в этом отношении бенихасанские гробницы, славящиеся своими изумительными фресками и пространными надписями. В гробнице современника Сенусерта II, правителя нома антилопы, с центром в Менат Хуфу, номарха Хнумхотепа II содержится подробный рассказ о том, как он унаследовал свою должность от деда со стороны матери, Хнумхотепа I, который в свою очередь был утвержден в качестве номарха фараоном Аменемхетом I. Потомки Хнумхотепа I — его сын, внук (Хнумхотеп II) и правнуки (дети владельца гробницы Хнумхотепа II) — также утверждались на должность правителей нома царями, устанавливавшими и границы территории нома⁵. Формально, таким образом, представители рода Хнумхотепа I были лишь ставленниками фараонов.

Однако дело обстояло несколько иначе. Цари, существу, лишь подтверждали наследственные права номархов на их владения, что неоднократно подчеркивается в надписи Хнумхотепа II.

Номархи, выполняя определенные обязательства по отношению к царскому дому, тем самым осуществляли на местах руководство вверенными им частями государственного, царского хозяйства. Например, современник Сенусерта I, глава нома антилопы Аменемхет сообщает: «Провел я годы в качестве правителя в газельем номе. Все подати царскому дому оказались в моей руке. Дал мне начальник отрядов управлений пастухов нома антилопы 3 тыс. быков в качестве подати их. Был хвалим я за это в царском доме в каждый год поставки скота. Доставлял я все их подати царскому дому»⁶.

⁵ P. E. Newberry, *Beni Hasan*, pt I, London, 1893, tomb № 3, pl. XXV—XXVI, ll. 13—36, 46—58, 54—56, 72—79, 122, 125, 133—150.

⁶ *Ibid.*, pl. VIII. ll. 15—17.

О подсчете скота, принадлежавшего царю, сообщают и гермопольские номархи⁷.

Однако при фараонах XII династии не только скотоводческая отрасль царского хозяйства находилась под контролем номархов. То же самое наблюдалось, по-видимому, и в земледельческом производстве.

Прежде всего, мы не располагаем сведениями о централизованной и исходящей непосредственно от царского двора эксплуатации земледельческих хозяйств хлебопашеского типа вплоть до конца правления фараонов XII династии⁸. В то же время все номархи Среднего царства, начиная с сиутских правителей гераклеопольского времени, везде заявляют о руководстве земледельческими работами и земледельцами в своих владениях. Так, номарх Хети II утверждал в одной надписи, что он заботился об ирригационной системе на подвластной ему территории, а также о снабжении жителей нома зерном. Другой сиутский номарх, современник уже Сенусерта I, Хapidжефai в договоре с жрецами храма Упуата ссылался на факт доставки в храм каждым рядовым жителем его нома, каждым «малым» определенной подати зерном⁹. При этом он ничего не сообщал о существовании административного, централизованного царского контроля за сбором податей с номовых земледельцев Сиута. Уже упоминавшийся нами номарх Аменемхет, помимо забот о царском скоте, занимался организацией земледельческих работ в своем номе. В его надписи говорится: «Вспахал я земли все нома антилопы вплоть до границ его южной и северной»¹⁰. Номарх Гермополя Тхутихотеп сообщал о налогах, выплачивавшихся царю. Оставленная им надпись очень испорчена, но часть все же сохранилась. В этой надписи сказано следующее: «... Вместе с их ежедневными приношениями, сосчитанными для царя во веки веков...»¹¹.

⁷ P. E. Newberry, *El Bersheh*, pt I, London, pl. XVIII.

⁸ Лишь к началу XIII династии относится один папирус, содержащий записи регистрации земли царскими чиновниками (P. C. Smither, *A tax-assessor's journal of the middle Kingdom*, — JEA, 1941, vol. 27, pp. 74—76, pl. IX—IXa).

⁹ F. L. Griffith, *The inscriptions of Siût and Dêr Rîfeh*, London, 1889, pl. 15, ll. 1—11; pl. 6, ll. 279—280.

¹⁰ P. E. Newberry, *Beni Hasan*, pt I, pl. VIII, l. 20.

¹¹ P. E. Newberry, *El Bersheh*, pt I, pl. XXVII.

Как подтверждают тексты, сохранившиеся на стенах гробниц из Бени Хасана, номархи сами следили за различными отраслями своего хозяйства, за сбором податей в номах. Так, в одной из комнат гробничного сооружения уже упоминавшегося нами правителя «антилопьего» нома Хнумхотепа II изображена сцена привода скота, и в верхнем углу, над фигурой номарха имеется надпись: «Наблюдение за действиями в отношении стада каждого, приношений (*inw*), доставляемых ему (Хнумхотепу II.— И. С.) из поселений его, с полей его, находящихся в пределах его нома антилопы, осуществляемое наследственным правителем, князем, сыном [Н]ехри Хнумхотепом правогласным»¹².

Подобных данных, свидетельствующих о хозяйственно-административной активности номархов эпохи Среднего царства, имеется довольно много. Изображения на стенах гробниц и сопровождающие их тексты свидетельствуют, что и при фараонах XII династии каждый ном был в сущности в значительной мере самодовлеющим экономическим и политическим образованием. Создается впечатление, что государственное, царское хозяйство того времени существовало как бы в виде объединения подобных самоуправляющихся единиц, каждая из которых несла определенные хозяйственные обязательства по отношению к царскому дому¹³.

Поскольку таково было действительное положение вещей, то понять специфику хозяйственно-административного устройства Египта рассматриваемого исторического периода можно, только учитывая особенности экономической структуры номов.

Характеризуя номовое хозяйство эпохи Среднего царства, прежде всего необходимо помнить, что номарх, как правило, был не только светским главой, но и жрецом в своих владениях. Этот факт общеизвестен, и мы останавливаемся на нем только потому, что он имеет очень большое значение для обоснования нашего понимания структуры государственного хозяйства Древнего Египта.

¹² Ibid., pl. XXX, ll. 1—4.

¹³ Мы отвлекаемся пока от непосредственных, личных владений царей, связанных с заупокойным культом, также входивших в состав государственного хозяйства.

Еще в гераклеопольский период гермопольские номархи были начальниками жрецов¹⁴ местного божества Тота. В такой же роли верховных жрецов выступали и номархи Сиута¹⁵. Аналогичное положение наблюдалось в годы правления фараонов XII династии. Так, в гробничной надписи из Асуана князя Саренпут (современника Сенусерта I) сказано, что он был начальником жрецов богини Сатис, владычицы Элефантины¹⁶. Современник Аменемхета II князь Саренпут возглавлял также культ Сатис и Хнума¹⁷. Многочисленные и разнообразные жреческие титулы имели и правители нома антилопы, о чем свидетельствуют их гробничные надписи, обнаруженные в Бени Хасане. Так, номарх Аменемхет являлся, например, начальником жрецов Хнума — владыки Херура, жрецом Шу и Тэфнут, жрецом Гора и двух скорпионов, жрецом. Анубиса, находящегося перед домом следования, начальником храмов, распорядителем жреческой группы в храме, начальником распределения «божественных жертвоприношений», главным «херихебом»¹⁸.

Хнумхотеп II занимал подобные же жреческие должности. Одна из его дочерей была жрицей Хатор, владычицы Арит, другая дочь носила титул жрицы богини Пахт, владычицы пустыни. Номарх Хнумхотеп I назван в гробничной надписи начальником жрецов¹⁹.

Номархи «заячьего» нома также возглавляли храмы в своих владениях и имели жреческие титулы.

Известно, например, что номарх Тхутихотеп, сын Каи, был «наследственным князем», «начальником жрецов», «номархом „заячьего“ нома», «посвященным в тайны храмов». Этот же Тхутихотеп занимал жреческий пост начальника «божественных жертвоприношений»²⁰.

¹⁴ R. Anthes, *Die Felseninschriften von Hatnub*, S. 28, Z. 1; S. 32, Z. 1; S. 34, Z. 1; S. 35, Z. 1; S. 41, Z. 1; S. 42, Z. 1; S. 48, Z. 1; S. 56, Z. 1; S. 59, Z. 1; S. 63, Z. 1; S. 67, Z. 1.

¹⁵ F. L. Griffith, *The inscriptions of Siût and Dêr Rîfeh*, pl. 11, l. 1; pl. 15, l. 45.

¹⁶ Urk VII, 1, Z. 1.

¹⁷ Ibid., 8a, Zz. 1b, 2, 5.

¹⁸ P. E. Newberry, *Beni Hasan*, pt I, p. 12.

¹⁹ Ibid., p. 42.

²⁰ P. E. Newberry, *El Bercheh*, pt I, p. 16, pl. VI, l. 3.

Сиутский правитель Хapidжефai, носивший, как и все номархи, титул начальника жрецов, заявлял о себе в одном из договоров, заключенных им с жрецами: «Я сын жреца подобно каждому из вас»²¹.

Свидетельств о выполнении номархами Среднего царства (а также, конечно, и номархами других эпох древнеегипетской истории) функций как светских, так и жреческих руководителей номов можно привести очень много. При этом необходимо подчеркнуть, что номархи являлись именно фактическими руководителями храмов и храмовых хозяйств, а не просто носителями жреческих титулов.

Таким образом, каждый номарх концентрировал в своих руках светскую и жреческую власть в номе, и все хозяйство нома оказывалось под его непосредственным контролем и управлением.

Что же, однако, представляло собой это хозяйство? Имеющиеся материалы показывают, что оно не было однородным. Это видно уже из тех указаний фактического характера, которые содержат гробничные надписи номархов. В самом деле, в текстах из гробницы Хнутхотепа II сообщается один раз о всем скоте нома в целом («наблюдение за действиями в отношении стада каждого, приношений, доставляемых ему из поселений его, с полей его, находящихся в пределах его нома антилопы»²²), другой раз — о скоте, который передавался царю номархом в качестве подати²³. Кроме того, в надписи из бенихасанской гробницы номарха Аменемхета нередко упоминается скот «дома вечности»²⁴.

Более определенные сведения о характере подразделения скота дают некоторые сообщения гермопольских номархов, сохранившиеся на стенах их гробниц в Эль Бершее. Так, в одной из комнат гробницы номарха Гхутихотепа изображена сцена доставки скота к месту подсчета, сопровождаемая следующим текстом:

«Прибытие в покое, достижение ведомства по про-

²¹ F. L. Griffith, *The inscriptions of Siût and Dêr Rîfeh*, pl. 7, l. 288.

²² P. E. Newberry, *Beni Hasan*, pt I, p. XXX, ll. 1—4.

²³ *Ibid.*, pl. VIII, ll. 15—17.

²⁴ Urk VII, 23, Z. 2.

изводству подсчета великого в стаде его, принадлежащем царю, и в стаде его [дома] вечности»²⁵.

Приведенная надпись очень важна для понимания структуры номового хозяйства, так как отраженное в ней подразделение скота на две категории не было случайным. Нам кажется, что хозяйство нома распалось на сферу царских, т. е. государственных, хозяйственных интересов и сферу личных интересов номарха, связанных с владениями его «дома вечности». Подобное предположение пока еще выглядит достаточно гипотетично, однако мы надеемся, что нам удастся его обосновать некоторыми дополнительными материалами.

Наибольшее значение в данном случае имеет анализ контрактов правителя сиутского нома Хapidжефаи, заключенных со жрецами Упуата и Анубиса в целях обеспечения всем необходимым заупокойного культа главы Сиута.

Исследуем содержание контрактов. Всего их десять. Контрактам предшествует обращение Хapidжефаи к заупокойному жрецу с просьбой следить за соблюдением условий заключенных договоров. К этому же призываются и потомки заупокойного жреца. Кроме того, Хapidжефаи указывает своему заупокойному жрецу на те источники дохода (земля, люди, скот, сады), которые находились в его непосредственном распоряжении. Все эти разнообразные ценности заупокойный жрец мог передать одному из своих сыновей с тем, чтобы последний после смерти отца продолжал выполнять его функции. Однако распределение имущества среди детей заупокойного жреца вне связи с интересами культа Хapidжефаи категорически запрещалось²⁶.

Итак, уже в своеобразном введении Хapidжефаи выделяет два источника обеспечения потребностей своего заупокойного культа. Во-первых, то, что должно поступать от жрецов Упуата и Анубиса, согласно условиям контрактов, во-вторых, непосредственные заупокойные владения Хapidжефаи, находящиеся под контролем его жреца и потомков последнего. Наличие двух источников обеспечения культа Хapidжефаи

²⁵ P. E. Newberry, *El Berscheh*, pt I, pl. XVIII.

²⁶ F. L. Griffith, *The inscriptions of Siût and Dêr Rifeh*, pl. 6, II. 269—270, 272.

представляет несомненный интерес, в особенности в связи с вопросом о характере хозяйственной структуры нома. Важно отметить, что о такой же двойственности сообщают и сами контракты, неоднородные по содержанию.

Проанализируем сначала те договоры Хапиджефаи с жрецами, которые можно условно отнести хотя бы к числу контрактов первого типа.

В данном случае мы будем иметь дело с взаимными обязательствами Хапиджефаи и жрецов храма Упуата, определяемыми жреческими полномочиями номарха. Как и всякий номарх, Хапиджефаи являлся главой культа богов; он был начальником жрецов Осириса, Анубиса, Упуата, носил титулы Херихеба, начальника распределения всех «божественных жертвоприношений», звание «посвященного в тайны храмов»²⁷.

Согласно первому контракту⁸, заключенному с жрецами Упуата, Хапиджефаи в оплату за предоставление храмом Упуата на ритуальные цели жертвенного белого хлеба каждому жрецу, обслуживающему его стацию в храме Анубиса, отказывается от своей доли жертвенного быка.

В третьем контракте²⁹ Хапиджефаи точно определяет размер оплаты, выделяемой жрецам храма Упуата за регулярное совершение последними жертвоприношений, хлебом и пивом в пользу культа номарха. «То, что дал он им за это: 22 храмовых „дня“ из вещей его дома, отца его, но не из вещей дома князя; 4 „дня“ для начальника жрецов и 2 „дня“ каждому из них. Сказал он им: „Вот, что касается храмового „дня“ — это $\frac{1}{360}$ года. Разделите все вещи, поступающие в храм этот в хлебе, пиве, мясе ежедневно, то окажется это $\frac{1}{360}$ частью хлеба, пива, вещей всех, поступающих в храм этот в течение одного из тех храмовых „дней“, которые я дал вам. Все вещи это дома отца моего, но не вещи это дома князя, так как я сын жреца, подобно каждому из вас”»²⁰.

²⁷ Urk VII, 55, Z. 231; 56, Z. 234; 53, Z. 223; 58, Z. 245; 64, Z. 268, 330—331; 65, Z. 347.

²⁸ F. L. Griffith, *The inscriptions of Siût and Dêr Rîfeh*, pl. 6, ll. 273—276.

²⁹ Ibid., pl. 7, ll. 283—289.

³⁰ Ibid., pl. 7, ll. 284—288.

Здесь мы сталкиваемся с исключительно важными подробностями. Во-первых, устанавливались нормы поступающих в храм приношений, которые распределялись среди жрецов из расчета дележа всех ежегодных храмовых доходов на 360 частей. Во-вторых, Хapidжефai пользовался правом получать соответствующее количество храмовых «дней» как жрец. Право это было наследственным и относилось к «вещам» дома отца.)

О храмовых «днях» речь идет и в других контрактах подобного типа. Так, в пятом контракте³¹ Хapidжефai предоставляет специальному жрецу храма три храмовых «дня» в уплату за три ритуальных фитиля заупокойному жрецу номарха. «Дни» не поступают в распоряжение конкретного человека, а передаются любому носителю соответствующей храмовой должности, который стал бы в будущем снабжать заупокойного жреца Хapidжефai ритуальными фитилями.

В шестом контракте³², который Хapidжефai заключил с начальником жрецов Упуата, два храмовых «дня» выделяются за ежедневное снабжение заупокойного жреца Хapidжефai определенным количеством мяса и пива для совершения жертвоприношений перед статуей умершего номарха. Данный контракт в общем подобен третьему и пятому, однако в нем есть весьма оригинальная деталь: Хapidжефai заключает договор как бы с самим собой, так как именно он и был начальником жрецов Упуата. По-видимому, здесь имеется в виду правитель Сиута и глава жрецов храма Упуата, пришедший на смену умершему Хapidжефai.

Таковы контракты Хapidжефai первого типа, содержание которых обуславливается исполнением номархом жреческих функций в номе.

Несколько иначе выглядят договоры второго типа — контракты второй, четвертый и восьмой.

Во втором контракте³³ речь идет об оплате услуг жрецов Упуата, помогающих заупокойному жрецу совершать ритуальные действия перед статуей Хapidжефai. Характер оплаты уточняется следующим образом: «То, что дал он им за это: хекет зерна Нижнего Египта с поля каждого дома вечности в качестве первинок (первый

³¹ Ibid., pl. 7, ll. 296—306.

³² Ibid., pl. 7, ll. 302—304.

³³ Ibid., pl. 6, ll. 277—282.

сбор урожая.— И. С.) дома князя, подобно тому как поступает каждый „неджес“ Сиута в отношении первинок его. Вот он отныне в качестве предоставляющего то, что дает каждый его земледелец в этот храм в качестве первинок своего поля. Он сказал: "Вот вы знаете, что касается вещей всяких, которые дает каждый „сер“, каждый „неджес“ в храм в качестве первинок своих, неприятна ему убыль в этом. Да не уменьшит какой-либо князь в свое время то, что закреплено другим князем за жрецами иного времени. Да будет принадлежать зерно это Нижнего Египта храмовым группам жрецов (каждому) человеку соответственно. Что же касается жреца всякого, который будет передавать мне белый хлеб, да не разделит он (это) среди своих „месячных жрецов“, так как они дают белый хлеб этот, (каждый) человек соответственно"»³⁴.

Второй контракт знакомит нас с новой категорией владений — с имуществом «дома вечности», называемого иначе «домом князя». Хapidжефai передает в храм Упуата ценности, которые не являлись непосредственным достоянием последнего. Однако этот дар сравнивается с обычными и обязательными поступлениями в храм от серов и неджесов, т. е. от привилегированных, знатных и рядовых жителей Сиута (неджесами называют иногда просто земледельцев). Так же как нельзя уменьшить приношения в храм от серов и неджесов, недопустимо сокращать и определяемые вторым контрактом зерновые отчисления с владений «дома вечности», иначе «дома князя».

Согласно четвертому контракту³⁵, Хapidжефai в виде платы за услуги предоставляет жрецам Упуата льготы. В частности, номарх Сиута отказывается от права требовать содержания за счет жрецов своего скота, жертвуемого в храм. Кроме того, он отказывается в пользу жречества от своей доли пива и мяса, выделяемой ему обычно храмом. В контракте говорится: «То, что он дал им за это: хару древесного угля для каждого быка и горшок древесного угля для каждой козы, которых дают они в *ḥn* князя, соответственно быку каждому, козе каждой, жертвуемых в храм в качестве издавна

³⁴ Ibid., pl. 6, ll. 279—282.

³⁵ Ibid., pl. 7, ll. 290—295.

передаваемых ими в *šn'* князя. Вот передал он (Хапиджефай.— *И. С.*) им это (древесный уголь.— *И. С.*), чтобы не взимать это у них (у жрецов.— *И. С.*) вместе с предоставлением им 22 кувшинов пива и 2200 хлебов, которые дает ему кенбет храма в первый месяц периода Ахет в 18-й день в качестве возмещения за то, что дают они белый хлеб (на обслуживание культа Хапиджефай.— *И. С.*), каждый из них из того, что поступает к ним из храма, а также за его (Хапиджефай.— *И. С.*) прославление»³⁶.

Приведенное нами заявление Хапиджефай очень интересно. Оно свидетельствует о существовании весьма специфических взаимоотношений между жрецами сиутского храма Упуата и номархом Сиута как владельцем «дома вечности», взаимоотношений, которые были обусловлены тем, что Хапиджефай одновременно являлся и номархом, и верховным жрецом. Следует отметить, что изображения, сохранившиеся на стенах бенихасанских гробниц, разъясняют в какой-то степени, что имелось в виду в четвертом контракте. Так, в гробнице номарха Аменемхета на южной стене главной камеры изображена сцена привода быков для принесения их в жертву, сопровождаемая надписью:

«Привод скота пастухами дома вечности в *ḥw.t 't* для двойника... Аменемхета...»³⁷. На южной стене главной камеры гробницы номарха Хнумхотепа II представлена аналогичная сцена, сопровождаемая следующим текстом: «Привод скота пастухом дома вечности в *ḥw.t 't* для двойника... Хнумхотепа...»³⁸.

Мы думаем, что в данном случае отмечаются жертвоприношения, аналогичные тем, о которых идет речь в четвертом контракте Хапиджефай. Скот из «дома вечности» номарха приводится в храм, где при принесении его в жертву тратится древесный уголь, поставляемый жрецами. От этой последней повинности и освобождает жрецов четвертый контракт. *Ḥw.t 't* бенихасанских текстов, по-видимому, был каким-то культовым центром и потому может быть отождествлен с храмом, упомянутым в контракте.

³⁶ Ibid., pl. 7, ll. 292—294.

³⁷ P. E. Newberry, *Beni Hasan*, pt I, pl. XVII.

³⁸ Ibid., pl. XXXV.

К числу контрактов второго типа относится еще один договор, восьмой по общему счету. Он почти во всем подобен контракту второму, отличаясь от последнего только направленностью — он заключен со жрецами храма не Упуата, а Анубиса ³⁹.

В контрактах третьего типа Хapidжефаи выступает прежде всего как светский глава нома, распоряжающийся землями. В контракте седьмом ⁴⁰ верховный жрец Анубиса получает в уплату за ритуальные фитили, зажигаемые в храме ради Хapidжефаи, большой земельный массив. В контракте говорится: «То, что дал он ему за это: тыс мер (?) поля в Семашема в качестве поля его отца его в возмещение за эти три фитиля, которые он (жрец Анубиса.— И. С.) будет давать моему заупокойному жрецу, чтобы зажигать огонь для меня там» ⁴¹.

Девятый контракт ⁴² представляет собой договор Хapidжефаи с группой жрецов некрополя. В уплату за ритуальные фитили и определенное количество пива и хлеба номарх Сиута уступает более 2 тыс. мер земли и ногу каждого жертвуемого в некрополе быка. Этот большой дар характеризуется как «имущество его дома отца, но не вещи дома князя», причем передается он носителям соответствующей жреческой должности. «Вот будет это поле, которое я дал ему, принадлежать каждому начальнику некрополя, каждому начальнику пустыни, каждому „находящемуся на горе“, который придет, поскольку они будут предоставлять мне этот хлеб и пиво» ⁴³.

Последний договор третьего типа — контракт десятый ⁴⁴ аналогичен рассмотренным седьмому и девятому.

Итак, главное, что показали контракты Хapidжефаи, — это наличие в номе двух типов владений — личных владений номарха, достояний «дома вечности», или «дома князя», и тех владений, которые принадлежали храмам или были связаны с храмами богов (Упуата, Анубиса). Оба типа владений находились в полном распоряжении правителя нома. «Дом вечности» лишь на

³⁹ F. L. Griffith, *The inscriptions of Siût and Dêr Rîfeh*, pl. 8, ll. 307—311.

⁴⁰ Ibid., ll. 305, 306.

⁴¹ Ibid., ll. 306.

⁴² Ibid., ll. 312—318.

⁴³ Ibid., ll. 313—316.

⁴⁴ Ibid., ll. 315—324.

определенных условиях контролировался и частично эксплуатировался родом заупокойного жреца ⁴⁵.

Из контрактов первого типа следует, что владение «домом отца» включало в себя право на участие в дележе доходов храма, т. е. тех доходов, пользоваться которыми Хapidжефаи мог лишь как жрец и сын жреца. Сущность обладания «вещами» «дома отца» в данном случае заключалась в потреблении ежедневных выдач, распределяемых среди храмового персонала. Сами «выдачи» осуществлялись за счет использования материальных ценностей, систематически и регулярно поступавших в храм обычно в форме «божественных жертвоприношений». Папирус из Лахуна, относящийся ко времени Среднего царства, изданный Борхардтом, подкрепляет это толкование ⁴⁶.

В том же документе точно указываются количества распределяемых среди жрецов хлебов и напитков. Хapidжефаи как жрец также получал известную часть «божественных жертвоприношений». В некоторых случаях он отказывался от своей доли в пользу других жрецов, о чем и говорилось в контрактах первого типа.

В контрактах Хapidжефаи третьего типа также упоминаются достояния или владения «дома отца», хотя и характеризуются последние особым образом. В седьмом, девятом и десятом контрактах речь идет уже не о передаче храмовому персоналу прав номарха как жреца на потребление части храмовых доходов (храмовых «дней»), но о выделении жречеству больших земельных массивов, которые поступали в оплату за ритуальные услуги ⁴⁷. Земли передавались не конкретным лицам, а людям, занимающим определенные должности ⁴⁸. Здесь, как и в контрактах первого типа, Хapidжефаи отказы-

⁴⁵ Владения *prdt* назывались иногда «домом князя», по-видимому, по той причине, что каждый номарх получал *prdt* по идее от царя как носитель конкретной должности правителя — «князя». Сохранилась надпись, показывающая, как номарх Ибн из Дейр эль Гебрави (VI династия) получил от фараона различное имущество в виде достояния «дома вечности» в дополнение к «вещам» отца (Urk I, 144—145).

⁴⁶ L. Borchardt *Besoldungsverhältnisse von Priestern im mittleren Reich*. — ZAS, Bd 40, Hft 2, 1903, S. 114, Z. 5.

⁴⁷ Сравни контракты второй, четвертый и восьмой и девятый.

⁴⁸ F. L. Griffith, *The inscription of Siut and Dér Rifeh*, pl. 8, l. 309.

вался в пользу жречества от части своих доходов, связанных с эксплуатацией земли. Однако в данном случае эти доходы принадлежали номарху как бы вне непосредственной связи с его жреческим достоинством. Мы думаем, что третий тип контрактов помогает понять основную специфику хозяйственной структуры нома.

Помимо личных владений номарха, называемых «дом вечности» или «дом князя», в номе существовали хозяйственные образования и источники дохода, принадлежавшие «дому отца». Этот «дом» в свою очередь обладал жреческими и светскими признаками. Как жрец владелец «дома отца» номарх Сиута участвовал в распределении чисто храмовых доходов («божественных жертвоприношений», храмовых «дней»), как светский глава нома он наследственно распоряжался всем номово-храмовым хозяйством в целом, всеми его владениями и материальными ценностями, в том числе и землей.

Обратим внимание, что двойственность хозяйственной структуры нома («дом князя» и «дом отца») находит соответствие в указаниях уже привлекавшихся нами раньше источников — гробничных надписей номархов из Бени-Хасана и Эль Берше. Как мы помним, последние также отмечали две сферы хозяйственных интересов в номе — царскую и личную, связанную с владением «дома вечности» номарха. Известное сходство хозяйственных характеристик номов в обоих источниках было не случайным. Это обуславливалось тем фактом, что царское государственное хозяйство Египта в рассматриваемую эпоху в значительной степени состояло из отдельных номово-храмовых владений. По этой причине номово-храмовое хозяйство («дом отца» номарха) считалось в то же время царским достоянием.

Наше представление о государственном хозяйстве Египта в эпоху Среднего царства было бы неполным, если при его характеристике мы бы ограничились сказанным выше. Необходимо учесть существование собственно царских хозяйств в узком смысле слова, непосредственно подчиненных фараону и контролируемых его администрацией. Подобные хозяйства организовывались постоянно. Фараон по своему происхождению сам был номархом, возвысившимся до положения самодержца всей нильской долины. Естественно, что этот самодержец сохранял особо тесные связи с некоторыми, так сказать,

родовыми номово-храмовыми владениями, например с владениями Фиваиды или Фаюма ⁴⁹. Не удивительно поэтому, что от времени Среднего царства дошли документы, свидетельствующие о тесных связях царского двора с храмами Амона или Собка. Так, в Булакском папирусе № 18, содержащем отчеты о распределении натурального содержания среди приближенных фараона (членов царствующей династии, различных чиновников, воинов, маджаев и т. п.), упоминается храм Амона, из которого, согласно царскому распоряжению, изымается определенное количество продуктов ⁵⁰.

В одном небольшом папирусном отрывке, сообщающем о распределении натурального содержания среди лиц, связанных с обслуживанием заупокойного культа Сенусерта II, указывается, что часть продуктов должен поставлять храм Собка ⁵¹.

Непосредственный контроль царской администрации за государственным хозяйством, а следовательно, и за отдельными храмами Египта особенно усилился, по-видимому, в конце рассматриваемой эпохи, когда фараонам на какой-то небольшой срок удалось сильнее, чем прежде, подчинить себе те номово-храмовые центры, теоретическими главами которых они всегда были.

Более обычен, однако, был непосредственный контроль царской администрации в тех частях государственного хозяйства, которые являлись личными владениями короны заупокойного назначения. Мы имеем в виду владения фараонов XII династии, сведения о которых сохранили папирусы, обнаруженные в Лахуне, в районе царских пирамид [по своему типу эти хозяйства были аналогичны «домам вечности» (*pr d t*) номархов, отличаясь от последних, возможно, лишь своей величиной] и в Фиваиде ⁵².

⁴⁹ В Фаюме в правление фараонов XII династии были осуществлены большие ирригационные мероприятия.

⁵⁰ L. Borchardt, *Ein Rechnungsbuch des Königlichen Hofes aus dem Ende des mittleren Reiches*, — ZAS, Bd 28, Hft 2, 1890, S. 82; A. Scharff, *Ein Rechnungsbuch des Königlichen Hofes aus der 13 Dynastie. Papyrus Boulaq N 18 Umschrift des Papyrus Boulaq N 18*, — ZAS, Bd 57, 1922, S. 5**, 8**, 12**, 14**, 17**.

⁵¹ L. Borchardt, *Besoldungsverhältnisse von Prestern im mittleren Reich*, — ZAS, Bd 40, Hft 2, 1903, S. 114, Z. 3.

⁵² W. C. Hayes, *A Papyrus of the Late Middle Kingdom in the Brooklyn museum*, Brooklyn museum, 1955.

Таким образом, в эпоху Среднего царства государственное царское хозяйство складывалось из многих самоуправляющихся номово-храмовых образований, к которым примыкали личные владения короны (например, типа *pr d t*), полностью контролируемые царской администрацией. Общая тенденция развития вела к слиянию всех частей государственного хозяйства Египта в единое целое, однако в рассматриваемый исторический период окончательное и прочное хозяйственное объединение нильской долины так и не осуществилось.

Глава IV

ЦАРСКО-ХРАМОВОЕ ХОЗЯЙСТВО ЕГИПТА ПОЗДНЕГО ВРЕМЕНИ

Для правильной оценки особенностей хозяйственной структуры Египта позднего времени большое значение имеет знакомство с документами Древнего и Среднего царств. Это объясняется тем, что только зная истоки и предысторию строго централизованного царского государственного хозяйства эпохи правления фараонов XVIII—XX династий, можно уяснить, что пришло на смену этому хозяйству с восшествием на царский престол Несубанебджеда (Смендеса) в Танисе и Херихора в Фивах. Поздний Египет, несмотря на особенности, унаследованные от времени Рамессидов, структурно, политически напоминал Египет Среднего царства. По этой причине и выводы, к которым мы пришли в связи с характеристикой государственного хозяйства последнего, являются в определенной степени справедливыми и для интересующего нас сейчас времени.

Кеес и Бекерат поставили под сомнение старое, традиционное представление о Херихоре как о жреце, захватившем престол фараонов. Теперь уже нельзя забывать о том, что Херихор был вначале военным командиром, соратником правителя Нубии Панехси, ставшим в силу стечения благоприятных обстоятельств первым жрецом Амона в Фивах, а впоследствии и царем.

Общезвестно, что власть Херихора распространялась далеко не на весь Египет. На севере, в Танисе,

укрепилась династия Несубанебджеда. Держава первого жреца Амона ограничивалась по существу Фиваидой. Можно ли, однако, в самом факте ношения Херихором жреческого титула видеть доказательство выделения чисто «жреческого» государства, сбросившего с себя «иго» светской власти? Полагаем, что нет. В Фиваиде бесспорно сложилось крупное номово-храмовое политическое объединение, руководимое верховным жрецом — главой местного культа. Но таковой была особенность внутреннего устройства всех номовых образований Египта во все периоды его истории.

По завершении периода правления XX династии Фиваида оказалась далеко не господствующим центром нильской долины. Политическое руководство сохранил север — Танис. Недаром Панехси — преемник Херихора — отказался от царского титула, а Пайноджем — втроем преемник — приобрел его вновь только в результате брака с «супругой бога», царевной Мааткара — внучкой танисца Несубанебджеда.

К северу от Фиваиды с конца эпохи Нового царства укреплялось гераклеопольское номово-храмовое объединение под эгидой потомков ливийца Буиувава. Последние были не только номархами, но и «божественными отцами» местного божества Хершефи¹. По мнению Кееса, правители Гераклеополя испытали на себе влияние фиванского «государства бога», так как считали «местного бога» своим вождем, а их жены, подобно знатым фиванским храмовым певицам и музыкантам — членам царствующего дома, носили титул «верховных музыкантш на сестре Хершефи» или участвовали в гераклеопольском культе Хатор².

Мнение Кееса о наличии многих общих черт в политическом устройстве Фиваиды и гераклеопольского нома бесспорно интересно. Однако это сходство объяснялось, пожалуй, не столько воздействием некоего фиванского образца (*Vorbild*), сколько следующей простой причиной: каждый египетский ном всегда обладал «теократическими» признаками, всегда совмещал в себе светско-жреческие черты, всегда представлял

¹ J. H. Breasted, *Ancient records of Egypt*, vol. IV, Chicago, 1906, p. 395

² H. Kees, *Das Priestertum im Agyptischen Staat von Neuen Reich bis zur Spätzeit*, Leiden-Köln, 1953, S. 173.

собой номово-храмовое хозяйственное и политическое образование, руководимое жреческим главой местного культа.

Коснемся теперь вопроса о том, каким образом осуществлялось подчинение номовых теократий контролю центральной царской власти в рассматриваемое время.

Для этого сначала ознакомимся с судьбой фиванского «государства бога». Как известно, его обычно возглавлял сын очередного фараона, получивший титул первосвященника Амона-Ра. Так, в частности, обстояло дело в Фиваиде при потомках Херихора и Несубанебджеда и во время царствования Бубасгидов. Лишь отдельным верховным жрецам Амона, например Шешонку (его отцом был Осоркон I), удавалось передавать свой жреческий сан детям. Обычно жреческим главой Фив становился каждый раз сын нового фараона (впоследствии, в эфиопско-саисский период, Фивы оказались в подчинении у дочерей и сестер фараонов, так называемых супруг бога Амона).

Не приходится отрицать, что характер и способы подчинения Фиваиды царскому контролю отличались в какой-то степени специфическими особенностями, однако эти самобытные черты, как нам кажется, не следует возводить в абсолют, не следует полностью противопоставлять тем приемам, с помощью которых фараоны пытались осуществить укрепление своего влияния в других номовых образованиях. Не светская царская власть стремилась прибрать к рукам непокорное жречество Фив как таковое. Она прежде всего хотела контролировать сильные и богатые номово-храмовые хозяйства с очень популярным религиозным культом.

В ливийское время общий результат борьбы фараонов за ограничение номовых вольностей оказался отрицательным. С началом периода правления XXIII династии Египет полностью распался на многочисленные самостоятельные номы, во главе которых стали фактически независимые князья и царьки. Когда эфиопский правитель Пианхи приступил к своим завоеваниям, номинальный фараон Осоркон III сидел в Бубасте, Гермополь принадлежал Немарату, Гераклеополь — Пефнефдибасту, Саис — Тефнахту, Мендес — Джедимонифанху, Себенит — Меркенешу, Бусирис — Пему, Сехем — Падигорсематау, Хериаха — Пибесу. Кроме

того, в Дельте имелося много других мелких династий ливийского происхождения³. Все перечисленные правители были связаны с местными культами, а более крупные являлись верховными жрецами. Так, в частности, Тефнахт был жреческим главой саисского храма Нейт⁴. В стране, таким образом, наличествовало при Пианхи много независимых теократий.

Подобная обстановка сохранялась в Египте довольно продолжительное время. Лишь в саисской период вновь начался процесс политического объединения. В результате решительных действий фараонов XXVI династии номы были постепенно втянуты в общую систему государственного, царского хозяйства страны. Нужно, однако, признать, что и тогда полная хозяйственно-административная централизация Нильской долины все же не была достигнута. Государственное хозяйство саисского Египта сложилось, как и в эпоху Среднего царства, в своеобразной форме объединения самоуправляющихся номово-храмовых владений.

Благодаря богатству и влиянию своих храмов и культов Фиваида на протяжении всей истории Египта позднего времени была областью, где резко проявлялась тенденция к политическому и хозяйственному обособлению. Предпринимавшиеся царями попытки подчинить фиванский ном и связанные с ним районы (от Нубии до Сиута) вызывали сильное сопротивление местной жреческой знати. Этим, по-видимому, объяснялись неоднократные вспышки междоусобной борьбы, упоминаемые в источниках начиная со времени Пайноджема I.

Так, уже при Менхеперре — третьем сыне Пайноджема, который был первым жрецом Амона-Ра, в Фивах произошло волнение, завершившееся репрессиями⁵ — ссылкой некоторых лиц в оазис.

Фараон Осоркон II (XXII династия) в особом обращении к божеству молил даровать его потомкам возможность держать в подчинении верховных жрецов Хершефи (номархов Гераклеополя), многочисленных

³ «Siegesinschrift des Pianchi», — H. Schäfer, *Urkunden der älteren äthiopienkönige*. Leipzig, 1905, Hft II. Ss. 45—47, Z. 114—117.

⁴ H. Kees, *Das Priestertum* . . , Ss. 263, 264.

⁵ H. Brugsch, *Reise nach der grossen Oase*, Leipzig, 1879, Taf. XXII, Zz. 11—12, 16—18, 23; H. Brugsch, *Recueil de monuments égyptiens*, Leipzig, 1862, pp. 39—40, pl. XXII.

ливийских правителей и первосвященников Амона-Ра в Фивах⁶. Тот же Осоркон заявил в своей юбилейной надписи, начертанной на стене храма в Бубасте, о признании за владениями Амона-Ра в Фивах права на хозяйственно-административное самоуправление, права на освобождение от контроля со стороны царских чиновников⁷.

При преемниках Осоркона II, Такелоте II и Шешонке III, в период, когда первым жрецом Амона в Фивах был Осоркон, там происходила ожесточенная борьба между различными жреческими партиями.

При Осорконе III (XXIII династия) его сын Иуреч, первый жрец Амона-Ра, чувствовал себя независимым⁸.

Впоследствии, в эфиопско-саисский период, роль главы Фив перешла от первого жреца Амона к «супругам бога». Одновременно усилилось значение фиванской жреческой знати. В смутные годы эфиопско-ассирийских столкновений один из представителей местной аристократии — Монтемхет, четвертый жрец Амона, превратился в фактического хозяина Фиваиды⁹.

Мы рассмотрели факты, которые можно расценивать как свидетельства стремления фиванской области к политической и хозяйственной самостоятельности. Однако ничего исключительного, ничего связанного с какой-либо особой «теократичностью» Фив как центра жреческого «государства бога» в данном случае усмотреть нельзя. Фивы были столицей нома, контролировавшего большой и богатый район Верхнего Египта с мощными храмами и влиятельным жречеством. Местная, фиванская, жреческая знать имела реальную возможность претендовать на независимое положение, однако в принципе здесь проявлялись обычные сепаратистские тенденции руководящих группировок большого нома, большого номово-храмового хозяйства. Показательно, что, обращаясь к богу с мольбой быть милостивым к его потомкам, Осоркон II упомянул наряду с фиванскими

⁶ J. H. Breasted, *Ancient records of Egypt*, vol. IV, p. 371.

⁷ E. Naville, *The festival-hall of Osorkon II in the great temple of Bubastis (1887—1889)*. London, 1892, pl. VII, 9.

⁸ G. Legrain, *Deux stèles trouvées à Karnak en février 1897*, — ZAS, Bd 35, 1897, p. 14, Z. 18; p. 15, Z. 23—24; p. 14, Z. 4—6.

⁹ H. Kees, *Das Priestertum...*, S. 266.

первосвященниками в качестве возможных противников своих детей, ливийских князей и жрецов Хершефи, имея в виду, конечно, гераклеопольских номархов¹⁰. Именно сепаратистские устремления местных властителей, князей, номархов, в роли которых выступали первые жрецы тех или иных культов, ослабляли в ливийский период египетское государство. Ливийские фараоны стремились методом назначения сыновей на пост первосвященника Амона подчинить своей власти не только Фиваиду, но и некоторые другие районы Египта.

Так, Осоркон II назначал одного своего сына Намрата главой Гераклеополя с титулом «божественного отца» (Хершефи), а другого сына — Шешонка — руководителем мемфисского жречества¹¹. (Сами «Бубастиды» были потомками правителей Гераклеополя, которые еще в период правления фараонов XXI династии являлись жрецами Хершефи.)

Установление тесных связей с номовым жречеством, номовой аристократией было для царствующего дома средством упрочения его власти в стране. Именно таким путем в ливийский период, да и позднее, в Египте реализовывалась тенденция к сближению номов, тенденция к слиянию их в определенную общность.

Обильные сведения о связях представителей царствующих династий Египта с жреческими кругами содержатся в уже много раз упоминавшейся нами специальной работе Кееса. Так, в частности, Кеес указывает, что внучка Шешонка I была женой четвертого жреца Амона. Ее дочь стала супругой сына этого жреца (от другой жены). Правнучка Шешонка I вышла замуж за жреца Амона Бакенхонса. Одна из царских внучек была в браке с третьим жрецом Амона. Мужем дочери фараона Такелота II являлся четвертый жрец Амона. Другая дочь Такелота II была супругой вазира, бывшего одновременно третьим жрецом Амона. Внучка Осоркона II была замужем за каким-то Гори — представителем знатной фиванской аристократической семьи. Еще одна внучка Осоркона II стала женой главы гераклеопольского нома и руководителя местного культа Хершефи. Дочь Шешонка III имела мужем царского писца войска,

¹⁰ J. H. Breasted, *Ancient records of Egypt*, vol. IV, p. 271.

¹¹ H. Kees, *Das Priestertum...*, S. 183.

третьего жреца Амона. Другая дочь Шешонка III вступила в брак с мемфисским жрецом¹².

Обратим внимание на отсутствие так называемой кастовой замкнутости египетских жреческих группировок, отдельные представители которых могли быть и царскими писцами войска, и вазирами, и номархами. Впрочем, в этом отношении документы поздней эпохи египетской истории не сообщают ничего нового и качественно своеобразного. Как и раньше, одни и те же лица обычно обладали и жреческими, и светскими титулами. Вазиры, например, были всегда одновременно и жрецами того или иного культа: в ливийский период — главным образом культа Амона-Ра, в саисское же время — культа богини Нейт¹³.

Нельзя не согласиться с мнением Кееса, который, упоминая категорическое высказывание Эд. Мейера, утверждавшего наличие строго организованных жреческой и военной каст в послерамессидовском Египте, а также ссылаясь на соответствующие слова Геродота (кн. II, гл. 37) и других античных авторов, тем не менее заявляет: «Тот, кто знает египетский склад характера, конечно, по поводу той безоговорочности, с которой высказывается иной грек, прежде всего поставит вопрос: действительно ли совпадали теория и практика»¹⁴.

По мнению Кееса, замещение жреческих должностей в Египте позднего времени, как и раньше, считалось прерогативой царя, практически же в эту эпоху нередко соблюдался наследственный принцип, в соответствии с установившимся обычаем и возросшей заинтересованностью жречества в эксплуатации храмовых богатств¹⁵. Фараон как идеальный глава египетского государства даже в периоды фактического распада страны на полунезависимые районы считался единственным носителем права назначать тех или иных лиц на пост жреца. По словам Отто, проанализировавшего множество биографических надписей, оставленных светскими лицами и жрецами, «даже Египту позднего

¹² Ibid., Ss. 204, 205. N 1—4, 6—11.

¹³ A Weil, *Die Veziere des Pharaonenreiches*, Strassburg, 1908, Ss. 160—165.

¹⁴ H. Kees, *Das Priestertum...*, S. 290.

¹⁵ Ibid., Ss. 290, 294, 297, 298.

времени божественный мировой порядок не мыслился иначе, как в образе царя, являвшегося, равным образом, гарантом этого порядка на земле»¹⁶. Не удивительно, что почти во всех текстах биографического характера ливийско-саисского времени фигурирует царь — податель различных благ, близость к которому подчеркивают с гордостью авторы надписей¹⁷.

Таким образом, идея централизма сохранялась в Египте позднего времени, сталкиваясь с тенденцией к политическому и хозяйственному обособлению номов. Результат этого столкновения был различен в зависимости от конкретного соотношения борющихся сил. В иные периоды долина Нила фактически полностью распадалась на многочисленные номовые политические и хозяйственные образования (период правления фараонов XXIII — XXV династий). В другие десятилетия она была в большей или меньшей степени централизована (период правления фараонов XXII и XXVI династий). Однако устанавливавшаяся централизация имела специфический характер, представляя собой то, что мы назвали бы по аналогии с условиями Среднего царства объединением самоуправляющихся номово-храмовых владений.

Характерные черты этого объединения можно определить на основе сопоставления некоторых фактов, сообщаемых источниками относительно организации административного управления в Фиваиде. Как мы помним, Осоркон II заявил в юбилейной надписи об освобождении в двадцать второй год своего правления владений Амона-Ра в Фивах от контроля со стороны царских чиновников¹⁸. Тем самым он недвусмысленно засвидетельствовал наличие административного подчинения фараону хозяйства Фив по крайней мере в годы, предшествовавшие юбилею. И действительно, о подчинении владений Амона-Ра царской бюрократии сообщают многие источники, в частности собранные Кеесом материалы, характеризующие деятельность в Фивах

¹⁶ E. Otto, *Die biographischen Inschriften der ägyptischen Spätzeit*, Leiden, 1954, S. 116.

¹⁷ Ibid., Ss. 132, 135—137, 140, 145—148, 151, 152, 159, 162—166.

¹⁸ E. Naville, *The festival-hall of Osorkon II in the great temple of Bubastis (1887—1889)*, pl. VI, 9.

представителей знатной жреческой семьи Нахтефмут — Джедхонсефаньха.

Семья эта, тесно связанная с ливийским царствующим домом, процветала в граде Амона вплоть до эфипского времени. Она вела свое происхождение от внучки Шешонка I, вступившей в брак с Джедхонсефаньхом — потомком старинного фиванского рода рамессидовских чиновников, управителей храмового хозяйства Амона¹⁹. Джедхонсефаньх, современник Осоркона I, носил титул «глаза царя в Карнаке, язык царя в Верхнем Египте». Как пишет Кеес, «понимание Джедхонсефаньхом его обязанностей в Фивах, в особенности в отношении руководства храмом Амона, плохо согласуется с самостоятельным управлением государства бога, как его можно было бы себе представлять согласно прокламации Осоркона I»²⁰. Сын Джедхонсефаньха, четвертый жрец Амона Нахтефмут, как и его отец, называл себя «глазами и ушами царя», «любимцем царя в его дворце»²¹. Все потомки Нахтефмута были теснейшим образом связаны с царским финансовым ведомством, хотя и располагали жреческими званиями. Один сын Нахтефмута носил титул верховного казначея. Внук Нахтефмута — Джедхонсефаньх II (современник Такелота II) считался начальником сокровищницы фараона. Все эти факты очень показательны. Анализируя их, Кеес пришел к следующему выводу: «Сокровищница ли владений Амона или сокровищница фараона, фактически это означало одно и то же»²².

По-видимому, так действительно и обстояло дело в фиванском номово-храмовом хозяйстве при первых представителях XXII династии. И Шешонк I, и его ближайшие преемники пытались подчинить себе Фивы, назначая своих сыновей на пост верховного жреца Амона и рассматривая деятелей местного управления как своих чиновников. Однако уже при Осорконе II сепаратистские тенденции среди фиванской жреческой аристократии усилились настолько, что фараон был вынужден даровать ей административно-хозяйственную самостоятельность, создав тем самым самоуправляю-

¹⁹ H. Kees, *Das Priestertum...*, Ss. 205, 206.

²⁰ Ibid., S. 211.

²¹ Ibid., S. 212.

²² Ibid., S. 213.

щееся номово-храмовое хозяйство. Это, конечно, не означает, что местное руководство порвало всякие связи с царствовавшей династией. По-прежнему многие жрецы располагали нередко придворными титулами²³, а первосвященники Амона-Ра обычно являлись детьми фараона.

Любопытные сведения о взаимосвязи в Фиваиде в этот период местных и царских экономических интересов можно почерпнуть из так называемого завещания Иуреча. Будучи верховным жрецом Амона и сыном царя Осоркона III (XXIII династия), Иуреч передал своему сыну большое земельное владение (556 аруф), купленное у «немху». Показательны следующие строки, характеризующие обособленное положение завещаемых земель среди других территорий Фиваиды:

«Повелел он (Иуреч.— И. С.) принести списки земель дома Амона, которые у писцов счета зерна дома Амона всех округов Юга. Повелел он отделить земли, за которые он дал серебро, от земель дома Амона, а также от владений (?) земли фараона ж. н. з.»²⁴. Из приведенного нами текста следует, что сведения обо всех полях — и храмовых, и царских — содержались в кадастровых списках, называемых «списками земель дома Амона, которые у писцов счета зерна дома Амона». Иными словами, царские земли как бы включались здесь в состав владений храма Амона. Это не случайная неточность текста завещания, но отражение факта подчинения достояний царя в Фиваиде местному жречеству. Верховный жрец Амона-Ра Иуреч руководил всем номово-храмовым хозяйством Фив. Однако Иуреч должен был учитывать, что часть фиванского хозяйства или, вернее, по-видимому, какая-то доля его дохода была «владением земли фараона ж. н. з.».

Вряд ли, конечно, Фиваида была при этом исключением. Если для Фив установление хозяйственно-административной обособленности следует относить к двадцать второму году царствования Осоркона II, то в дру-

²³ Джедхонсефанх III, например, живший уже при фараонах XXIII династии, имел титул носителя опахала с правой стороны царя и звание начальника всех изделий царя из серебра и золота (H. Kees, *Das Priestertum...*, Ss. 215, 216).

²⁴ G. Legrain, *Deux stèles trouvées à Karnak en février 1897*, — ZAS, Bd 35, 1897, S. 14, Zz. 4, 5.

гих номово-храмовых хозяйствах эта обособленность могла утвердиться раньше.

Таким образом, Египет рассматриваемого времени представлял собой объединение самоуправляющихся номово-храмовых владений («теократий»), в большей или меньшей степени признающих авторитет царской власти. Объединение это было весьма рыхлым и в период правления XXIII династии легко распалось.

Новое объединение номов, как мы уже говорили, произошло в саисский период. Процесс политической и хозяйственной консолидации долины Нила был весьма сложным. Как он протекал, можно проследить на примере Фиваиды, где укрепилась власть «супруги бога» Амона. По мнению Сандер-Хансен, самостоятельный, чисто жреческий характер институт «супруги бога» стал постепенно приобретать еще в правление Рамессидов, когда был введен в употребление новый титул — «поклоняющаяся богу»²⁵. Окончательное превращение «супруга бога», или «поклоняющихся богу», в жрица произошло, однако, уже в эфиопский период, при Пианхи. «Супруга бога», называемая также «рукой бога», выступала в качестве своеобразной правительницы Фиваиды, оттеснившей на второй план верховного жреца Амона-Ра. В этот период в Фивах, по-видимому, усилились сепаратистские тенденции среди фиванской жреческой знати, что привело, в частности, к возвышению некоего Монтемхета — четвертого жреца Амона-Ра.

Стараясь противостоять этим тенденциям, эфиопские фараоны и возводили в сан верховной жрицы Амона-Ра своих сестер. Так, Пианхи выдвинул на пост «супруги бога» свою сестру Именирдис; Тахарка заставил Именирдис удочерить его сестру Шепенопет, которая стала затем ее преемницей (Шепенопет III).

Саисские фараоны, придя к власти, были вынуждены учитывать сложившуюся обстановку. С одной стороны, они продолжали политику своих предшественников — эфиопских царей — в отношении верховных жриц — «супруга бога»²⁶, но с другой — они подчинили

²⁵ C. E. Sander-Hansen, *Das Gottesweib des Amun*, København, 1940. Ss. 12. 13.

²⁶ G. Legrain, *Deux stèles trouvées à Karnak en février 1897*, — ZAS, Bd 35, 1897, Hft 1, pp. 16—19. — «Супруга бога» Шепено-

себе и местную знать, сохранив за нею определенные права. Так, в частности, Монтемхет в большой надписи об удочерении Нейтикерт «супругой бога» Шепенопет III назван «князем города (Фив), начальником всего юга»²⁷.

Имеющиеся материалы дают возможность установить характер зависимости Фиваиды от саисских правителей. Несомненно, в саисскую эпоху район Фиваиды, как и все другие недавно самостоятельные номовые объединения, подпал под контроль царской администрации, был втянут в общую административно-хозяйственную систему страны. Анализируя надпись об удочерении Нейтикерт, легко заметить настойчивое проведение мысли о верховенстве фараона, вследствие чего дары «супруги бога» Шепенопет объявлялись в то же время и дарами царя. Земельные владения и различные доходы типа «божественных жертвоприношений» отчислялись для Нейтикерт по всей стране. Все это, конечно, говорит, что уже при Псамтике I Египет в хозяйственно-административном отношении оказался в значительной степени объединенным.

О подчинении местных правителей царской власти сообщают и те строки рассматриваемого сейчас памятника, в которых рисуется путешествие Нейтикерт в Фивы.

Возглавлял экспедицию дочери царя «князь Гераклеополя, великий начальник войска, глава Сематави-тефнахт». Особые посланцы были заранее отправлены на юг, чтобы предупредить по пути следования флотилии о приближении новой «супруги бога». Все номархи выходили встречать Нейтикерт с различными дарами, причем «каждый (буквально „один“) давал вслед за своим соседом (буквально „вторым“) до тех пор, пока не достигла она Фив»²⁸.

В данном описании зафиксировано проявление несомненной лояльности местной знати к царской власти.

пет III — сестра Тахарки удочерила Нейтикерт — дочь Псамтика I, последняя в свою очередь удочерила дочь Псамтика II (G Maspero, *Deux monuments de la princesse Anhenasnofiribré*, — ASAE, 1904, t. V, pp. 85, 86.)

²⁷ G. Legrain, *Deux stèles trouvées à Karnak en février 1897*. — ZAS. Bd 35, 1897, Hft 1, S. 18, Zz. 20, 21.

²⁸ Ibid., S. 17. Zz. 9, 10.

Что касается Фиваиды, то она находилась в поле зрения чиновников центральной администрации. Должность «супруги бога» контролировалась царем²⁹. Об этом свидетельствует, в частности, надпись о назначении Псамтиком I Иби «главным начальником дома супруги бога» Нейтикерт³⁰.

Будучи управляющим Нейтикерт, Иби производил строительные работы в Фивах, реставрировал храмы, причем, как можно судить по некоторым строкам текста надписи, все это осуществлялось согласно специальному царскому распоряжению, данному в ответ на просьбу фиванских жрецов³¹.

Мы думаем, что характер взаимосвязи Фиванского нома с центром был в данном случае в принципе подобен тому типу отношений, который наблюдался в Египте и раньше в период правления царей XXII династии или в эпоху Среднего царства. Интересы фараона в номе осуществлялись в основном местными силами, хотя и под известным контролем фараоновой администрации.

О вмешательстве саисских царей в дела номов свидетельствуют различные источники. Так, Пефнефдинейт (современник Амасиса), приближенный ко двору человек, в то же время правитель Буто (Деп) и жрец Гора в Пе, как говорится в надписи на его абидосской статуе, в соответствии с распоряжением фараона произвел в Абидосе реставрационные работы в храме Осириса, а также увеличил жертвоприношения божеству. При этом Пефнефдинейт несколько ущемил интересы местного номарха³². Однако его вмешательство в дела Абидосского нома носило экстраординарный характер, не распространяясь за пределы покровительства храму Осириса.

О таком же вмешательстве фараона в номовые дела содержатся сведения и в одном демотическом папирусе, найденном в Эль Гибэ (древний Тауджой), повест-

²⁹ Такого мнения придерживается, в частности, Сандер-Хансен (C. E. Sander-Hansen. *Das Gottesweib des Amun*. Ss. 50, 51).

³⁰ M. G. Daressy, *Une statue d'Aba*, — ASAE, 1904, t. V, p. 95, ll. 13, 14.

³¹ Ibid., l. 12.

³² Louvre A93 (H. Brugsch, *Thesaurus inscriptionum aegyptiacarum*, T. VI, Leipzig, 1891, Ss. 1252—1254; R. Piehl, *Säitica, La Statue A93 du Musée du Louvre*, — ZAS, Bd 32, Hft 2, 1884, pp. 118, 119).

вующем о злоключениях жреца. Местные жреческие власти храма Амона в Тауджое изображаются в этом позднем памятнике исключительно самостоятельными. Когда специально посланный Амасисом чиновник заявил фараону, что он обнаружил во владении у жрецов крупный земельный массив, принадлежащий царю, руководство храма Амона, решительно встав на защиту своих интересов, добилось выгодного для себя решения спора (не обошлось без подкупа). Вот как излагается это событие в папирусе.

«Надсмотрщик над плодородными землями предстал перед фараоном и заявил: „Мой великий господин! Я обнаружил остров на реке в центре Тауджоя, и номовые писцы сказали мне: „Он содержит 1 тыс. арур“. Я измерил его, и он равен 929 арурам. Как жив фараон, он не был дан во владение богу или богине, он собственность фараона... Я спросил писцов: „Он приписан Амону в Тауджое?“. И они сказали мне: „484,5 аруры были приписаны Амону в Тауджое“. Я сказал жрецам Амона: „Подойдите, чтобы я мог приказать вам вернуть... ваше владение, которое находится на поле возвышенной части Тауджоя”»³³.

Власть фараона проявлялась, по-видимому, особенно непосредственно в тех частях долины Нила, которые примыкали к Саису — резиденции правительства. Об этом свидетельствуют как будто две надписи времени Априеса — царский декрет о выделении в дар храму Птаха большого территориального комплекса в районе Мемфиса³⁴ и распоряжение о передаче 1600 арур земли храму барана Мендесского для обслуживания заупокойного культа вельможи Несугора³⁵. Источники саисского Египта, такие, как рассмотренный нами отрывок папируса из Эль Гибэ или изданный Гунном декрет Априеса о предоставлении земли храму Птаха в Мемфисе, дают основание предполагать какое-то выделение чисто храмовых обособленных территорий в пределах номов.

³³ F. L. Griffith, *Catalogue of the demotic papyri in the John Rylands Library*, vol. III, Manchester, 1909, p. 101, pap. N IX 17/12 — 17/17.

³⁴ K. Piehl, *Saitica, N 1, Stèle de l'époque d'Apries*, — ZAS, Bd 28, Hft 2, 1890, S. 104.

³⁵ H. Kees, *Die Kopenhagener Schenkungsstelle aus der Zeit des Apries*, — ZAS, Bd 72, Hft 1, 1936, S. 41, Z. 3.

О том же как будто свидетельствует и употребление термина *ḥtp* в демотических текстах в качестве обозначения особого вида храмовой земли³⁶. В демотическом папирусе E7839 луврского собрания от 37 года Амасиса можно, например, прочесть следующее:

«Носитель пива дома Монта владыки Фив Падием, сын Падинеферхотепа, мать которого Тари, сказал „водоносу“ Иртереджу, сыну Джедхи: „Поручил ты мне свое поле „хетеп“, которое дали тебе для содержания (?) гробницы жреца Амона Джедхи, сына Бесмут (далее следует указание границ участка.— И. С.)... для обработки с 37 по 38 год“»³⁷.

Можно ли, однако, на основании сказанного выше предполагать в саисский период полный разрыв той тесной органической связи между светскими и храмово-жреческими хозяйственными образованиями (в масштабах нома или всей страны), которая существовала в Египте раньше? Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо проанализировать относящиеся к Египту позднего времени сведения о *ḥtp ntr*.

Отчасти мы уже указывали в первой главе, что в принципе в ливийско-саисский период *ḥtp ntr* сохраняли обычный характер «божественных жертвоприношений» — чисто жреческих доходов в виде натуральных потребительских ценностей.

Так, в царском распоряжении, утверждавшем дарение 1600 агур в храм барана Мендесского для обслуживания заупокойного культа Несугора³⁸, тщательно отмечались величины *ḥtp ntr* — фактических поступлений жрецам.

По-видимому, о *ḥtp ntr* как о различных продуктах и предметах, жертвуемых жрецами и царем для новой «супруги бога» Нейтикерт, идет речь в большой надписи, повествующей об ее удочерении³⁹.

³⁶ В эллинистическую эпоху термином *ḥtp ntr* обозначался, как свидетельствует словарь Эрмана-Гранова, вид земельного храмового владения [Wb III, 185 (II Vermögen des Tempels... b) Gr. deutlich als Grundbesitz)].

³⁷ Louvre E7839 (W. Erichsen, *Auswahl frühdemotischer Texte*, Hft 1, Kopenhagen, 1950, S. 28; G. K. Hughes, *Saite demotic land leases*, Chicago, 1952, p. 71, ll. 1—4. 7).

³⁸ H. Kees, *Die Kopenhagener Schenkungsstelle aus der Zeit des Apries*, — ZAS, Bd 72, 1936, Hft 1, S. 41, Zz. 4—8.

³⁹ G. Legrain, *Deux stèles trouvées à Karnak en février 1897*, — ZAS, Bd 35, 1897, Hft 1, S. 18, Zz. 20—26.

Сообщая о своей деятельности в Абидосе, Пепнефди-нейт подчеркивал, что он увеличил храмовые *ḥtp ntr* ⁴⁰.

В одном документе персидского времени, хранящемся в Париже, рассказывается о том, как Камбиз, желая увеличить поступление материальных ценностей в царскую казну, изъял почти у всех египетских храмов (за исключением трех) значительную часть их доходов в серебре, зерне, скоте, птице, дереве ⁴¹. Характер доходов, которых лишились храмы, заставляет предполагать, что в данном случае имелись в виду «божественные жертвоприношения».

По свидетельству Псевдо-Аристотеля, фараон XXX династии Тахос в 361 г. до н. э., нуждаясь в средствах для ведения войны с Артаксерксом, по совету афинянина Хабрия «обложил храмы и ввел ввозные и вывозные пошлины» ⁴². По-видимому, впоследствии часть этих пошлин была возвращена жречеству Нектанебом II ⁴³. Мы думаем, что здесь речь шла об исконно жреческих натуральных доходах типа *ḥtp ntr*.

В надписи сатрапа Птолемея (будущего царя) упоминалась местность в Дельте, возвращенная египетским правителем Хабабашем богам Пе-Деп (Буто). Жрецы получили от Хабабаша, как подчеркивалось в надписи, землю вместе «с хлебом, напитками, гусями и всякими хорошими вещами» ⁴⁴, т. е. фактически получили право на сбор с возвращенной территории «божественных жертвоприношений».

Таким образом, вплоть до начала эллинистического периода истории Древнего Египта источники обычно характеризуют достояния жрецов как «божественные жертвоприношения», как сумму тех или иных продуктов, поступающих в распоряжение жречества. Как же в таком случае объяснить наличие в Египте позднего вре-

⁴⁰ Louvre A93 (H. Brugsch, *Thesaurus inscriptionum aegyptiacarum*, T. VI, Ss. 1252—1254; K. Piehl, *Saitica*,—ZAS, Bd 32, 1894, Hft 2, pp. 118, 119).

⁴¹ Ed. Meyer, *Ägyptische Dokumente aus der Perserzeit, II Gesetzsammlung des Darius und Erlaß des Kambysoß über die Einkünfte der tempel*,—«Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften», Berlin, 1915, Hft XVI, S. 310.

⁴² Б. А. Тураев, *История древнего Востока*, т. II, Л., 1935, стр. 157.

⁴³ A. Erman, *Die Naukratisten*,—ZAS, Bd 38, 1900, S. 130.

⁴⁴ Б. А. Тураев, *История древнего Востока*, т. II, стр. 163.

мени храмовых земельных участков обозначаемых в документах термином ;*h htp*?

Для того чтобы ответить на данный вопрос, нужно обратить особое внимание на практику участвовавших дарений земли богам в ливийско-саисское время.

На акты дарений земли божеству частными лицами обычно ссылаются для обоснования тезиса о росте храмового землевладения в Египте позднего времени. Полагают, что передача земли в распоряжение храмов, уменьшая доход фараона, могла осуществляться только с санкции последнего. Такого мнения придерживался, в частности, И. М. Лурье. Он писал: «Передача земли, находившейся в частном владении, во владение храма была сопряжена с известным ущербом для прав государства в отношении данной земли и с уменьшением налоговых поступлений; она могла, думается мне, совершаться только с согласия фараона или его соответствующего представителя»⁴⁵.

Это заключение в общем справедливо, хотя и несколько абстрактно. Сам по себе факт передачи земли тому или иному божеству еще не обязательно должен был приводить к выпадению подаренного участка из сферы фискальных интересов царской казны.

В тексте «А» папируса Вильбура, изданном А. Гардинером, зафиксированы многочисленные случаи дарения земли богу (или богам) фараона (употребляется термин *hmk*)⁴⁶.

Можно предполагать, что здесь имеются в виду участки, переданные в дар владениям культовых изображений — статуй фараона Рамзеса III, почитаемого как божество⁴⁷.

⁴⁵ И. М. Лурье, *Древнеегипетская плита с дарственной на землю*, — «Эпиграфика Востока», М.—Л., 1951, т. 5, стр. 101.

⁴⁶ A. H. Gardiner, *The Wilbour Papyrus*, vol. I, Oxford, 1941, A17,11; A18,7; A26,32; A27,44; A28,43; A30,25; A31,8; A31,21; A33,29; A33,30; A37,25; A42,8; A46,4; A46,9; A46,10; A46,11; A46,12; A48,9; A49,7—8; A52,51; A56,18; A56,46; A60,22; A60,31; A61,2; A61,38; A66,16; A69,44; A77,10; A81,22; A81,33; A82,24; A82,33; A82,35; A85,15; A90,27.

⁴⁷ Ibid., vol. II, Oxford, 1948, p. 17. — Сохранились известия о владениях статуй Рамзеса II (Pap. Brit. Mus., 10449, — A. H. Gardiner, *Ramesside administrative documents*, Oxford, 1948, p. 59) и Рамзеса VI (LD, Bd III, 229 b). — Как свидетельствует папирус Британского музея 10449, сбор налогов с владения статуи Рамзеса II контролировался писцами.

В тексте «В» содержатся сведения сходного характера. Так, в частности, в строке В13, 20—21 упоминается участок, подаренный богу шарданов. В других записях текста «В» божественные получатели земли вообще не названы. Можно предполагать, что они были весьма разнообразны.

Подаренные земли *hnk* оказываются, как правило, под контролем не столько жрецов, сколько светских лиц — военных, писцов, чиновников⁴⁸. Это подтверждает сохранение светского руководства над территориями, казалось бы отчужденными в пользу религиозных учреждений. Интересно отметить, что в папирусе Вильбура почти всегда о подаренных землях говорится в так называемых строках типа «В»⁴⁹, в которых упоминается лишь небольшое, «долевое» обложение. В то же время за исключением небольшого числа записей⁵⁰, имя фактического хозяина участка — «земледельца» в соответствующих строках не приводится.

Создается впечатление, что земля, подаренная тому или иному божеству, эксплуатировалась особым образом, вследствие чего в кадастровом списке отсутствовали данные об урожае и «земледельце», в чьем распоряжении оставался остаток урожая после выплаты всех налогов. Можно предполагать, что урожай собирали и распределяли жрецы, т. е. участки, подаренные божеству, становились храмовым достоянием.

Подобный вывод не исключен, хотя он и представляется гипотетичным. В самом деле, редкая фиксация сведений о нормах урожая и «земледельцах», учитывая неполноту папируса Вильбура, позволяет предположить, что в несохранившихся параллельных строках типа «А» эти нормы указывались⁵¹.

Следует учитывать еще одно обстоятельство. Земельные дарения отдельных лиц в пользу того или иного бога могли осуществляться лишь в связи с развитием частного землевладения. В эпоху Рамессидов частные земли, расположенные на храмовых территориях, уже,

⁴⁸ А. Н. Gardiner, *The Wilbour Papyrus*, vol. II, p. 86.

⁴⁹ А. Гардинер называет их строками *hnk*, хотя по существу они представляют собой лишь вариант записей типа «В».

⁵⁰ А. Н. Gardiner, *The Wilbour Papyrus*, vol. I, A28, 43; A43, 7—8.

⁵¹ Ibid., vol. II, p. 86.

конечно, имелись, хотя бесспорных данных об их наличии в папирусе Вильбура не содержится⁵². Вполне вероятно, что зафиксированные в некоторых случаях в папирусе Вильбура служилые люди — хозяева больших земельных комплексов — распоряжались последними на правах частных владельцев. Это может относиться к некоторым дарителям земли *hnk*⁵³.

Между тем, необходимо подчеркнуть, что в эпоху Рамессидов существовала особая категория людей «немху». Многие документы (например, указ Харемхеба или письмо правителя Элефантины Мериона, сохранившееся в папирусе Valençay I) характеризуют «немху» как представителей средней привилегированной прослойки египетского общества. «Немху» могли, в частности, вносить налог в царскую казну, минуя местную администрацию⁵⁴. Последний факт заслуживает внимания. Он позволяет думать, что почти полное отсутствие данных об урожае земель *hnk* в папирусе Вильбура объяснялось не отказом светской, царской власти от фискального использования территорий, передаваемых на ритуальное обслуживание какого-либо божества, но совсем другой причиной — тем, что здесь имелись в виду земли «немху», эксплуатация которых осуществлялась фараоновой казной своеобразными методами. Возможно, что налог с земель *hnk* не учитывался в кадастровых списках папируса Вильбура, поскольку его вносили сами хозяева участков без посредничества обычной администрации.

Мысль о полном выделении чисто жреческой земли типа ;*h htp*, соответствующей жреческому достоянию *htp ntr* в эпоху XX династии, представляется, таким образом, весьма спорной. По-видимому, такому выделению более благоприятствовали условия последующего ливийского времени. Прежде всего при Бубастидах окончательно оформилась категория частновладельческих земель «немху». Права людей «немху» на свои участки стали настолько бесспорными, что даже верховные са-

⁵² И. А. Стучевский, *К толкованию данных папируса Вильбура о землепользовании и налогообложении в Египте времени Рамессидов*, — ВДИ, 1958, № 1.

⁵³ В тексте в строке B15, 1—3, упоминается участок «хата» фараона как дар *hnk* князя Тутмоса.

⁵⁴ Pap. Valençay I, vs 2—4.— А. Н. Gardiner, *Ramesside administrative documents*, London, 1948, p. 73.

новники государства могли приобретать землю «немху» лишь за денежное вознаграждение. Так, в частности, поступили учредители заупокойного культа отца Шешонка I — ливийского князя Немрота, купившие за 10 дебенов серебра 100 арур поля «немху» в районе Абидоса⁵⁵.

Правитель Фиваиды Иуреч купил у «немху» 556 арур для передачи своему сыну⁵⁶. В оазисе Дахле, как свидетельствует одна надпись, в период правления фараонов XXII династии имелись частные колодцы «немху»⁵⁷.

В ливийский период государственное хозяйство страны структурно стало иным. Оно стало менее централизованным, распавшись на отдельные номовые «теократии» (в особенности при фараонах XXIII династии). Это повлекло за собой значительные изменения в методах эксплуатации земель «немху». Если правитель Элефантины, номарх Мерион заявлял, что не взимает налогов с «немху», самостоятельно приносящих «золото» в казну фараона Рамессидов, то в ливийский период именно номархи контролировали хозяйство нома. Последние являлись, однако, как правило, и жрецами — главами местных культов. Этот факт должен был оказать влияние и на процесс выделения чисто храмово-жреческой земли типа *ḥtp*. В самом деле, во времена Рамессидов передача земли жречеству в полное и исключительное их владение несомненно должна была рассматриваться как нежелательное для царской казны явление. Между тем в ливийский период подобная трансформация земли по существу не затрагивала интересов местного руководителя того или иного номово-храмового хозяйственного образования, ведь будучи жрецом и главой культа, номарх сам участвовал в эксплуатации жреческих владений. То, что он терял как светский патрон, наверстывалось им как местным первосвященником. В таких условиях закрепление подаренных территорий за жречеством храмов не только не должно было встречать про-

⁵⁵ A. M. Blackman, *The stela of Shochenk, great chief of the Meshwesh*, — JEA, 1941, vol. 27, p. 85, pl. 12, 13.

⁵⁶ A. Erman, *Zu den Legrainischen Inschriften, I Stèle de l'apanège*, — ZAS, Bd 35, 1897, S. 14, Zz. 1—4; S. 15, Zz. 23, 24.

⁵⁷ A. H. Gardiner, *The Dakhleh stela*, — JEA, vol. 19, 1933, p. 22, pl. VI, ll. 12, 13.

тиводействия со стороны светских властей нома, но скорее даже могло ими поощряться.

Указывая на дарение земель «немху» как на источник концентрации у храмов территорий *ꜥh ꜥtp*, можно опереться на свидетельства многочисленных стел с дарственными надписями. Как известно, именно от ливийско-саисского периода дошло наибольшее число памятников подобного рода, хотя самые древние из них датируются еще эпохой XVIII династии⁵⁸.

И. М. Лурье, предложив свою классификацию стел (плиты межевые, посвятительные, памятные), правильно отметил различия между ними. Однако его вывод о том, что царские «указы, вероятно, требовались во всех случаях передачи земель в храмы»⁵⁹, кажется нам неоправданным для ливийского времени. Более справедливым представляется мнение, разделяемое, в частности, Гардинером⁶⁰, что изображавшийся часто на стелах царь со знаком поля в протянутой руке считался лишь теоретическим дарителем. Это заключение лучше согласуется с хозяйственными и политическими условиями ливийско-эфиопского Египта. Ссылки И. М. Лурье на стелы от восьмого года Тефнахта и от четвертого года Априеса, в которых фараон, по-видимому, действительно выступал в качестве реально санкционирующего передачу земель божеству⁶¹, по нашему мнению, еще ничего не доказывают. Тефнахт выделял на нужды культа Нейт 10 аур в пределах Саисского нома, непосредственным главой которого он являлся, Априес же — фараон объединенного Египта — предоставлял храму Птаха большой земельный округ в районе Мемфиса, который в саисский период, как близкий к столице государства, мог контролироваться центральным правительством.

Стремление возродить порядки древности, свойственное саисским фараонам желание поставить под непосредственный контроль царской администрации номово-храмовые хозяйства, неизбежно должно было вступать

⁵⁸ В статье И. М. Лурье упоминается 55 стел (И. М. Лурье, *Древнеегипетская плита с дарственной на землю*, — «Эпиграфика Востока», 1951, т. V, стр. 106—109.)

⁵⁹ Там же, стр. 101, 103—105.

⁶⁰ А. Н. Gardiner, *The Wilbour Papyrus*, vol. II, p. 112.

⁶¹ И. М. Лурье, *Древнеегипетская плита с дарственной на землю*, стр. 100, 101.

в противоречие с практикой выделения в пределах номов жреческо-храмовых владений. Это не удивительно, ведь последние являлись порождением периода децентрализма, периода создания номовых теократий. Поэтому попытки властителей Саиса ликвидировать при случае чисто жреческие земли типа ;*h htp*, вернув их в ведение царской казны, были вполне естественными. Именно о таком столкновении фараона со жрецами и сообщает упоминавшийся нами текст демотического папируса № IX из Эль Гибэ, изданный Гриффисом⁶².

Борьба за изъятие у храмов земель ;*h htp* если и велась, не могла быть последовательной. Все решалось в каждом конкретном случае соотношением сталкивающихся сил. Как мы уже говорили, полностью номовый сепаратизм в саисский период изжит не был. Государственное хозяйство саисского Египта имело черты объединения самоуправляющихся номово-храмовых владений. Сохранились в связи с этим и чисто храмово-жреческие земли.

Данный факт не следует, однако, расценивать, как показатель хозяйственного обособления жречества. Все источники Египта позднего времени свидетельствуют скорее о теснейших связях храмов со светскими руководителями номов. Все дело лишь в том, что номархи были одновременно и жрецами, и потому всякое выделение храмовых, жреческих владений или доходов практически не ущемляло их интересов. Территории ;*h htp* по существу представляли особую, конкретизированную в виде полевых участков форму жреческого достояния — «божественных жертвоприношений» *htr ntr*. Они не уничтожали того хозяйственного, светско-храмового единения, которое существовало в Египте всегда, проявляясь в масштабах нома или в масштабах царского хозяйства, охватывавшего всю долину Нила.

* *

*

Завершая анализ материалов Египта позднего времени относительно характера взаимоотношений храмовых хозяйств со светской властью, нам хотелось бы

⁶² F. L. Griffith, *Catalogue of the demotic papyri in the John Rylands Library*, vol. III, Manchester, 1909, p. 10.

остановиться еще на одном вопросе — вопросе о значении в ливийско-саисский период личных заупокойных владений знати типа «дома вечности» (*pr d.t.*), или «дома князя», игравших значительную роль в экономической жизни страны при фараонах Древнего и Среднего царств.

Как мы уже указывали, в эпоху строителей великих пирамид владения аристократии *pr d.t.* были обширны, имели сложную структуру, многочисленный управленческий аппарат. По данным контрактов Хapidжефаи, при царях XII династии в общенормовом хозяйстве был весьма значителен удельный вес владения *pr d.t.*, или «дома князя».

Удельный вес *pr d.t.* уменьшился, по-видимому, в эпоху Нового царства, источники которого весьма редко упоминают заупокойные владения знати. Данный факт заслуживает внимания, так как, несомненно, его обусловили коренные изменения, происшедшие в положении аристократии в период наивысшей централизации долины Нила.

Имеющиеся материалы позволяют предположить, что в эпоху Нового царства личные владения знати, предназначенные для обслуживания заупокойного культа последних, оказались в значительной мере втянутыми в общую административную систему государственного хозяйства страны. Например, как свидетельствует поздняя копия (конец Нового царства) царского декрета времени XVIII династии, ответственность за сохранение незыблемости заупокойного владения (*h w. tk:*) современника Аменхотепа III, архитектора Аменхотепа, сына Хапи, была возложена на представителей царской администрации и войска — на вазира, начальника сокровищницы, начальника войска, царских писцов войска, начальника житницы, верховных жрецов Амона, «божественных отцов», «жрецов-уабов Амона, начальников (маджаев), чиновников областей, начальников запада. В декрете подчеркивалось, что царь обеспечил владение Аменхотепа, сына Хапи, рабами и рабынями, производящими зерно как его «вклад» *m' w d*⁶³, и что страшное

⁶³ G. Möller, *Das Dekret des Amenophis des Sohnes des Hapu*, — «Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften», Philologische-historische Classe, Berlin, 1910, Bd XLVIII, Ss. 932—948, Taf. VI. В рассматриваемом тексте термин *m' w d*

возмездие обрушится на тех лиц, которые осмелятся увести рабов и рабынь, чтобы заставить их работать на фараона. Упоминаемый среди возможных форм нарушений декрета подобный увод рабов и рабынь свидетельствует, несомненно, о теснейшей административной связи царского хозяйства с владением умершего архитектора.

Указание на то, что личные заупокойные хозяйства представителей аристократии оказались в эпоху Нового царства связанными с центром, возможно, содержится и в папирусе Вильбура. В частности, допустимо предположить, что в некоторых строках⁶⁴ фиксируются участки, являвшиеся вкладом ($m; \omega d$) для Рахотепа — вазира Рамзеса II. Испорченность текста и многочисленные пропуски не позволяют определить полностью площадь владения Рахотепа.

Однако если произвести суммирование лишь сохранившихся записей, станет очевидным, что она была значительной, превосходя, по-видимому, 140 арур⁶⁵. Важно отметить, что строки, в которых перечислялись участки $m; \omega d$ Рахотепа, сообщают о полных нормах урожайности. Не совсем ясно, в чью пользу распределялся этот урожай, может быть, он шел на ритуальное обслуживание гробницы Рахотепа, содержание жрецов, а также потреблялся его потомками. Имеются все основания предполагать, что во время Рамзеса V заупокойное владение современника Рамзеса II контролировалось центральной администрацией в полном соответствии с указаниями рассмотренного раньше царского декрета о гарантировании незыблемости владения Аменхотепа, сына Хапи.

Обратим теперь внимание на следующее обстоятельство — владения типа $pr d.t$ имели двойственный характер. Это были специфические крупные частные аристократические хозяйства, которые формально предназначались лишь для ритуального обслуживания умершего

употреблен в каком-то переносном смысле. В самом деле, основное его значение — «палка», «трость», «посох», «жезл» (Wb, II, 28). В данном случае, однако, речь идет, конечно, совсем о другом. По мнению Гардинера, перевод слова $m; \omega d$ как «вклад», предложенный Брестедом, является «по крайней мере приблизительно правильным» (A. H. Gardiner, *The Wilbour Papyrus*, vol. II, p. 18).

⁶⁴ Ibid., vol. I, A9, 18 — A9, 44.

⁶⁵ Ibid., A9, 20; A9, 23; A9, 34; A9, 36; A9, 38; A9, 41; A9, 43.

владельца «дома вечности». Ю. Я. Перепелкин в главах, написанных им для первого тома «Всемирной истории», расценивает *pr d.t* как «дом личный» знати. Такая точка зрения, по нашему мнению, справедлива. Права была, однако, и редколлегия первого тома, сопроводившая вывод Ю. Я. Перепелкина примечанием, что некоторые советские исследователи видят здесь храмовое владение, «предназначенное для обслуживания заупокойного культа»⁶⁶. Все дело в том, что обе трактовки характера владений «дома вечности» не противоречат друг другу — доходы *pr d.t* шли как на ритуальное обслуживание (включая содержание заупокойных жрецов), так и на нужды живых потомков умершего, его семьи.

«Дом вечности» представлял ценность для детей и внуков хозяина «дома вечности». Как говорится в декрете Нового царства о защите равноценного *pr d.t*, хотя и втянутого в общую систему государственного хозяйства заупокойного владения архитектора Аменхотепа, сына Хапи, «повелено сделать незыблемым его заупокойное владение вместе с рабами и рабынями вплоть до бесконечности, от сына к сыну, от наследника к наследнику».

Итак, есть основание полагать, что заупокойные хозяйства знати типа *pr d.t* представляли ценность для потомков умершего владельца «дома вечности». Данное обстоятельство, а также отмеченный раньше факт вхождения частных заупокойных владений в общегосударственную царско-храмовую хозяйственную систему в эпоху Нового царства позволяют в какой-то степени объяснить отсутствие упоминаний о *pr d.t* (или об аналогичных им образованиях) в документах Египта позднего времени.

Как мы знаем, в ливийско-саисское время развилось частное землевладение «немху». Знатные лица, как, например, Иуреч, скупая участки «немху», сами становились крупными владельцами земли. Одновременно широкого распространения достигла практика дарения земель в пользу богов в надежде заслужить милость последних в этой жизни и после смерти. Слитые воедино две функции *pr d.t* (заупокойных владений, но в то же время «домов личных» знати) как бы отделились друг

⁶⁶ «Всемирная история», т. I, М., 1955, стр. 162, прим. 1.

от друга. Роль частных крупных аристократических владений стали играть преимущественно большие комплексы земли «немху», забота же о заупокойном обслуживании тех, кто своими дарениями создавал фонд жреческих земель типа ;*h htp*, целиком перешла к храмам.

Крупные частные владения знати с сакральной окраской, имевшие в эпохи Древнего и Среднего царств самостоятельное управление, имитировавшее государственную административно-хозяйственную организацию, в эпоху Нового царства были включены в последнюю. В итоге владения такого рода в позднее время практически сошли на нет. Их наследниками явились как территории, состоящие из частновладельческих земель «немху», так и храмовые участки типа ;*h htp*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	Вестник древней истории, М.
ЖМНП	«Журнал Министерства народного просвещения», СПб.
ИГАИМК	«Известия Государственной Академии истории материальной культуры», М.
ASAE	„Annales du Service des antiquités de l'Égypte", Le Caire.
JEA	„The Journal of Egyptian archaeology", London,
JNES	„Journal of Near Eastern studies", Chicago.
LD	C. R. Lepsius, <i>Denkmaeler aus Aegypten und Aethiopien</i> , Bd 1—12, Berlin, 1849—1859.
RT	„Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes", Paris.
Urk I	K. Sethe, <i>Urkunden des Alten Reiches</i> , Bd 1, Hft 1—4, Leipzig. 1932—1933.
Urk IV	K. Sethe, <i>Urkunden der 18 Dynastie</i> , Bd I—IV, Leipzig, 1905—1909.
Urk VII	K. Sethe, <i>Historische-biographische Urkunden des Mittleren Reiches</i> , Leipzig, 1935.
Wb	A. Erman—H. Grapow, <i>Wörterbuch der aegyptischen Sprache</i> , Bd I—V, Leipzig, 1955.
ZAS	„Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde", Leipzig.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	3
Введение	5
Глава I. Царско-храмовое хозяйство эпохи Нового царства .	9
Глава II. Царско-храмовое хозяйство эпохи Древнего царства	69
Глава III. Царско-храмовое хозяйство эпохи Среднего царства	83
Глава IV. Царско-храмовое хозяйство Египта позднего вре- мени :	100
Список сокращений	126

Носиф Александрович Стучевский

**ХРАМОВАЯ ФОРМА
ЦАРСКОГО ХОЗЯЙСТВА
ДРЕВНЕГО ЕГИПТА**

*Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР*

**Редактор издательства Н. Н. Ермолаева
Технический редактор Л. Ш. Береславская
Корректоры Л. М. Каменецкий и Л. М. Манелли**

**Сдано в набор 6/X 1961 г.
Подписано к печати 25/XII 1962 г.
А-10525 Формат 84×108¹/₁₆
Печ. л. 4,0. Усл. п. л. 6,56
Уч.-изд. л. 6,99 Тираж 1000 экз.
Зак. 1369. Цена 42 коп.**

**Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2**

**Типография Издательства восточной литературы
Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4**

Цена 42 коп.

15954